

Глава XI

Воздействие внешних условий на половую жизнь

Хотя воздействие внутренних побуждений у индивидуума в его половой жизни, обусловливаемой издревле филогенетически унаследованными стремлениями, и чрезвычайно велико, но, с другой стороны, без сомнения, в функциях человеческого сложного организма, с его филигранной мозговой деятельностью в сильной степени отражаются на половом стремлении и половой любви сила привычки и приспособляемость в зависимости от внешних жизненных условий. Мы уделим здесь наше внимание наиболее рельефным, имеющим сюда отношение, фактам, не освещенным еще в других главах.

Климат. Еще в конце главы VI нами приводилось мнение относительно зависимости половой жизни от климата, причем, как мы видели, наибольшая интенсивность ее обуславливалась и наибольшей теплотой в данной местности. Половая зрелость наступает обыкновенно очень рано в пределах между тропиками, и здесь нередки проявления и половых эксцессов. Нет основания говорить о каких-либо иных воздействиях климата. Но можно предположить, что роль климата в более холодных поясах, жители которых обречены на тяжелое и трудовое существование, отражается и на интенсивности их половой деятельности, уменьшая ее. Под жаркими лучами солнца, где нет надобности ни в отоплении, ни в созида

нии прочных построек, энергия и помыслы человека могут быть в более значительной степени направлены на его половую жизнь.

Сельская и городская жизнь, уединенность и общечужденность, фабричная жизнь. Половая жизнь человека находится в большой зависимости от общественных условий его существования. Мы выводим это из наблюдений над жизнью уединившихся людей, причем убеждаемся в том, что с продолжительным пребыванием в изолированном от людей состоянии характер человека становится угрюмым, настроение меланхоличным. Отсюда, правда, исключаются случаи, когда уединение вызвано желанием вдали от людской суеты подвергнуть обработке некоторый запас сведений. Но такой опыт не может претендовать на чистоту, так как сведения эти усвоены в обществе людей, и даже вдали от них, уединившийся мысленно ни на одну минуту не порывает связей с культурою, под воздействием которой он до сих пор жил. Если же мы возьмем такую личность, которая достаточно бедна в умственном отношении, или же юношу, то непосредственно убедимся в том, что уединение сделает его диким, как бы вернет к примитивному сознанию, привьет ему нелюдимость и еще более сузит его умственный горизонт. Если взрослый человек, недалекого ума, фермерствует где-нибудь в уединении, то в результате у него наблюдается умственное расстройство, что наблюдалось, например, в С. Америке. Это я неоднократно слышал от моего покойного друга, профессора Е. Сегуина в Нью-Йорке, специалиста по нервным болезням. Между прочим наблюдалась и склонность к половым извращениям у тех людей, которые долго жили в одиночестве или в тесном кругу самых близких членов семьи. Такими извращениями были кровосмешение, содомия, педерастия и онанизм.

С другой стороны, мы замечаем проявление вполне нормальных половых отношений и вообще здоровых начал в среде земледельцев, живущих объединенно в деревне. Мы видели это в главе VI у французов, живущих в земледельческой Канаде, и мы наблюдаем это во всяком рациональном, самостоятельном земледельческом устройстве на основах справедливости по отношению ко всем звенам союза. В среднем, семья крестьянина дает в качественном и количественном отношении более интересное потомство, чем семья горожанина, в чем я имел случаи убедиться непосредственно во время моей службы в качестве директора лечебницы для умалишенных. Обязанности служителей исполнялись горожанами весьма неудовлетворительно. Хотя они и быстрее ориентировались, но уже в ближайшее время обнаруживали отсутствие терпения, слабость характера и духовной и физической выдержки. Что же касается сынов деревни, то они, правда, отличались, на первых порах, неповоротливостью, аляповатостью, но, приспособившись, исполняли свои обязанности в высшей степени добросовестно. Более обширные наблюдения и приводят неизменно к одному и тому же выводу, что зародышевые основы у деревенского дитяти в среднем доброкачественнее, чем у городского. Благодаря воздействию окружающей среды, городской ребенок значительно раньше развивает свои природные данные, хотя бы они на самом деле во всех отношениях и уступали способностям деревенского дитяти. Не вникнув, таким образом, в суть дела, можно делать ошибочные выводы. Одновременно сама деревенская жизнь обуславливает большее скопление физических сил в организме человека. Большой умеренностью отличаются и половые эксцессы в деревне, где они сводятся, главным образом, к конкубинату, супружеским из

менам и значительно реже к проституции, которая не может получить распространения в тех местностях, где люди близко друг друга знают. Что касается половых извращений и вырождения, на почве наследственности, то близкое изучение алкоголизма утвердило меня в мнении, что этому последнему и связанной с ним блатофтории (см. главу I) они преимущественно и обязаны. Но деревенские условия значительно видоизменяются в зависимости от заработков, причем близость фабрик, горных промыслов и т. п. вносит с собою нездоровый элемент городской жизни, который здесь успешно прививается, давая результаты нередко весьма отрицательные.

Если мы ближе присмотримся к обществу крупного городского центра, то заметим, что оно составлено из многочисленных кружков, друг с другом почти не соприкасающихся и в интересы друг друга мало или вовсе не входящих. Каждую отдельную личность знают лишь в своем тесном кругу. Этим и обуславливается возможность разрастания скрытой порочности, находящей обильную пищу в неприспособленных, антисанитарных помещениях, взвинченной жизни, разнообразных удовольствиях и всевозможных факторах, влекущих за собою ненормальное существование масс. У городского, особенно необеспеченного жителя как раз нехватает воздуха, света, широкой природы, движения. И в изобилии заменяют эти здоровые элементы жизни ночные искусственные увеселения, проституция, со всеми ее ужасающими подробностями, разврат. Воспитание детей становится весьма затруднительным и, во всяком случае, неудовлетворительным. К этому и сводятся условия существования беднейших городских классов, условия, служащие в настоящее время предметом всеобщего внимания. К наиболее губительным факторам должно отнести, рядом с прости

туцией и венерическими болезнями, и вопрос о жилищах для бедных, обреченных при современных условиях на самые низкие формы промискуитета.

Те же условия, быть может, еще более усугубленные, мы видим и в фабричных и промышленных центрах. Порча разъедает здесь людей, как со стороны плохих условий жизни, так и безобразных половых отношений. Здесь безраздельно властвует алкоголь, проституция и промискуитет, в связи с игрой и праздностью, быстрыми шагами приближая фабричные округа к полному вырождению. Я убедился в этом из изучения фабричного люда в кантоне Цюрих. Для службы в больнице, о которой упоминал я раньше, люди этого района оказались абсолютно непригодными, так как представляли собою буквально физических, умственных и моральных вырожденков, пригодных лишь для одного автоматического движения, заранее усвоенного, как, например, ткацкой работы, наматывания шелка и пр. Еще худшие результаты можно наблюдать в других районах, как, например, в среде городского пролетариата Англии (в Ливерпуле), варшавского еврейского пролетариата, жителей горных округов Бельгии и т. д. Здесь и речи нет о чувстве стыда, этических побуждениях и элементах здоровья. Фабричные девушки вполне могут быть уподоблены проституткам. В промышленных округах Бельгии, где алкоголь не встречает уже себе никакого соперничества, люди совокупаются ночью прямо на улицах, уподобившись пьяным кафрам Ю. Африки. Можно себе представить, в каких условиях пребывают здесь чистое чувство любви, вопросы семьи, воспитание потомства и качество этого последнего. Можно смело сказать, что крестьянский конкубинат и брак, в сравнении с вышеизложенным представляют собою идеал общежития.

Современные условия существования дают нам весьма характерное явление, заслуживающее внимания; это невероятное развитие способов сообщения, доступного для всякого вместе с гигиеной жилищ, благодаря которым город стремится перебраться в деревню, а деревня в город. Это обстоятельство ведет, разумеется, к тому, что и тот и другая начинают походить друг на друга, что не может не навести на приятные размышления. Мы видим это в современных американских городах, где каждая постройка представляет собою как бы виллу, окруженную растительностью и наводящую на мысль о деревне. Удобные средства сообщения сводят на-нет расстояния, но при большем еще их улучшении и удешевлении не будет надобности и в американском типе города, так как деревня будет располагать тогда всеми преимуществами города, однако, без его отрицательных, специфически городских особенностей, и в том числе и промискуитета.

В деревне атрофируются естественные духовные задатки, чего, однако, не будет при усовершенствованных способах сообщения, В будущем, я думаю, жизнь культурного государства выльется в форму агрополиса (городской деревни или деревенского города), и создастся, благодаря этому, перспектива объединения духовной стороны человеческой жизни с более рациональной, а стало-быть, и более здоровой половой жизнью. Крестьянство, положенное в основу брака, имеет свои положительные стороны не только в том, что благодаря близкому знакомству друг с другом исключается опасность венерического заражения, но и в том, что создается здоровое потомство, необходимое в интересах счастливого брака. Церковь резко осуждает некоторые крестьянские нравы, сводящиеся, между прочим, к тому, что предста

вители молодежи обоего пола вступают нередко в половые сношения до брака. Мы видим здесь те формы пробного брака, которые приведены нами у диких народов (см. главу VI). Во всяком случае, можно назвать лицемерием поступки людей, равнодушно проходящих мимо проституции и громящих крестьянство за его вполне естественные половые сношения вне брака. Условия сельской жизни весьма благоприятны для нормального развития детей, что прекрасно подтверждается дачными колониями, устраиваемыми для городских детей.

Нет, разумеется, недостатка и в отрицательных сторонах деревенской жизни, ведущих к вырождению, и к которым, главным образом, относятся эпидемия, зоб, малярия. К этим же факторам должно отнести и изолированность некоторых племен (химиллов-индийцев в Колумбии), обуславливающую отупение и измельчание, а также продолжительное кровосмешение и пр.

Однако, жизненные условия городского пролетариата еще хуже, причем его интересы довольно часто сплетаются и с интересами преступного пролетариата. Содержатели домов терпимости, преступники той или иной формации и весь этот темный люд усваивают себе особую точку зрения, в силу которой наиболее преступная личность считается у них и наиболее почитаемой. В таком именно смысле и присваивается ребенку термин «многообещающего». Если ребенок этой среды обнаружил какие-либо общечеловеческие наклонности, то его подвергают насмешкам, издевательству, а нередко и побоям, как отрицательный с определенной точки зрения элемент. На обязанности общества и лежит стать на защиту интересов таких детей.

Нельзя говорить о влиянии всех этих вредных условий, как о чем-то неподдающемся воздействию. Здесь вместе с тем необходимо считаться еще и с другими вредными факторами. Обобщения следует делать с осторожностью, так как половая развращенность может с успехом иметь место и в деревне, в то время как и в городе нормальные половые отношения не представляют уже такой редкости. Если деревня успела достаточно алкоголизироваться, то она, пожалуй, будет стоять еще ниже чистого и трезвого, хорошо управляемого города.

Бродяжничество; семья Зеро. В «Archiv für Rassen — und Gesellschafts-biologie», 1905, приводится сообщение д-ра Иергера о нескольких поколениях пары бродяг (семья Зеро), тщательно исследованных. Констатировано, что все многочисленные члены этой фамилии неизбежно функционировали в качестве бродяг, воров, проституток и тех или иных вредных разновидностей общества. Все попытки исправить их не дали положительных результатов, так как эти люди покидали все места, куда их водворяли в целях исправления, и снова принимались за прежнюю жизнь. И только у некоторых можно было достигнуть более или менее благоприятных результатов, благодаря воспитанию. В этой семье крупную роль сыграли алкоголизм и вызванная им бластофтория.

Подробности можно найти в оригинале. Этот случай мог быть приведен так же и в главе VII, когда мы говорили о влиянии алкоголя, о бластофтории и наследственности. Трудно предположить, чтобы в такой непродолжительный период, как два-три столетия, можно было бы считаться с мнемическими процессами, о которых мы говорили в первой главе. Но и родоначальница этой семьи брала свое начало в какой-то бродячей семье Северной Италии. Я буду близок к истине, если скажу, что ал кого-

лическая бластофтория вместе с неудачными конъюнкциями зародышей, явившимися следствием бродяжничества, и обусловили вырождение этой типичной семьи, энергично практиковавшей половое распутство и весьма поучительной в целях всестороннего изучения этого вопроса.

Американизм. Под этим названием я имею в виду то явление в половой жизни, которое укоренилось во взглядах общества Северной Америки и вызвано колоссальной денежной алчностью, или исключительным соревнованием на почве обогащения, доведенным здесь до невероятных размеров. Жизнь северо-американца, а особенно половая жизнь американки, отличается противоестественностью. Здесь земледельческий труд и вообще всякая ручная работа находятся в большом пренебрежении, как в глазах мужчины, так и женщины. На первом плане для труда и в целях производства все заменяется машинами, совершенствуется торговля, вводится централизация — и все это преследует, главным образом, мозговую деловую жизнь и соответствующие наслаждения. Всякий физический труд, и в том числе и земледелие, считаются унижительными и в глазах американской женщины, роняющим ее достоинство. Здесь сказалось, без сомнения, влияние прежнего рабства, когда всякие мускульные работы производились неграми, исполняющими, впрочем, эти обязанности и в настоящее время. Вместе с тем американская женщина (исключая французскую Канаду с ее чистыми нравами) заботится, главным образом, о сохранении своей девической свежести, готова отдать все за розовый цвет лица и не постоит ни перед чем для удержания в прежнем виде своих прелестей. Поэтому беременность и роды она считает для себя непосильным бременем, органически не вынося кормления детей и боль-

шого потомства. Нужно считаться и с тем, что прислуга в Северо-Американских Штатах после освобождения негров чрезвычайно повысилась в цене, благодаря чему развилось все больше и больше приспособление к отдельной жизни (boarding house). Это последнее обстоятельство, в свою очередь, дало женщине Северной Америки лишний повод принимать все меры против появления потомства и вообще разрастания семьи. В такой форме обнаруживающаяся эмансипация, будучи совершенно отрицательного свойства, обуславливает неизбежное социальное вырождение. Не будь иммиграции, арийская (европейская) смешанная раса Северной Америки, в зависимости от такого положения вещей, вымерла бы постепенно, уступив место наплыву китайцев и негров. Труд свойственен каждому мужчине и каждой женщине, равно как и их естественное предназначение, и раса, не желающая с этим считаться, падает жертвой. Женщина идеалом своей жизни должна поставить не чтение романов, лежание на кушетке, занятия, при нужде, в конторах и, главным образом, сохранение свежего цвета лица во что бы то не стало, — а стремление сделаться крепкой и здоровой, делить физический и умственный труд с мужчиной и производить как можно больше физически крепких и здоровых духом детей. И только при ограниченности духовных и телесных сил может иметь место и сокращение деторождения в каждом отдельном случае.

Трактир и алкоголь. Во избежание повторения того, что упомянуто было уже в главе I о бластофтории, в главе VIH, III, 9 а, о влиянии алкоголя на зародыши потомков, головной мозг и половую жизнь, а также в главе X о связи его с проституцией, — я приведу здесь только отрицательные результаты воздействия трактирной обстановки. Пьянство губительно влияет на всю половую

жизнь, обуславливает, как мы это уже видели, наиболее противные формы проституции и жизни публичных домов, служа одним из деятельных факторов в интересах соблазнения девушек и оказывая энергичное содействие всему этому ужасному ремеслу. Я укажу здесь еще на женскую прислугу портерных и трактиров, в целях обнаружения страшного влияния крепких напитков на половую жизнь. Мне по этому поводу пишет Юлиус В. Эд. Вундзам из Цюриха:

"Поражаешься при виде цинизма и наглости, какую обнаруживают по отношению к кельнершам даже представители культурных классов.

«Мужчина, который не разрешил бы себе чего-либо непристойного по отношению к служащей в магазине, совершенно не церемонится с кельнершей. И не только где-нибудь в мелких пивных, но и в первоклассных ресторанах представители различных свободных профессий, которые хотя бы и в состоянии опьянения могут держать себя благопристойно в обществе порядочной девушки, здесь не скупятся на такие двусмысленности и выходки, которые очень ясно определяют этические чувства подобных господ».

"Кельнерша вовсе не должна со своей стороны давать ему какие-либо авансы, так как у этих посетителей потребность в изрыгании грязи возникает самостоятельно и только в зависимости от того, что они видят перед собою «кельнершу».

"Скромная девушка подвергается насмешкам, причем хозяева, вообще равнодушные к «сохранению приличий и тишины» в ресторане, не обращают однако, внимания на жалобу девушки, отдавая справедливость посетителю.

"Если в этом видеть, главным образом, результат воздействия алкогольных напитков, то нужно присовокупить еще и тот обычный взгляд на кельнершу, в силу которого она представляет собою ничтожное существо, заслуживающее, быть-может, галантного обращения, но без каких-либо нравственных оснований.

Журнал «Abstinenz-Rundschau» (Ред. Макс Варминг, Emilienstrasse 21, Hamburg-19) под заголовком «Бедствия кельнерш» дает в № 2-м следующие подробности у ужасного положения немецкой трактирной женской прислуги.

Кельнерши, без сомнения, должны быть отнесены к самым страшным жертвам действия алкоголя. Эта профессия сопряжена со страшной опасностью, и только в ограниченном числе гостиниц или трактиров можно натолкнуться на кельнерш, отличающихся безусловною нравственностью, остальные же в колоссальной массе своей задыхаются в грязной атмосфере трактира. При наличии смазливенькой наружности, молодая девушка безотчетно избирает себе это роковое ремесло, чтобы по истечении незначительного количества лет потерять весь свой женственный облик и сделаться моральным, если не действительным трупом.

Требования, которым должна удовлетворять кельнерша, действительно невероятны! Прежде всего физическое изнурение, благодаря десяти-шестнадцатичасовому рабочему дню. Столько же приходится работать даже и в придворной пивной в Мюнхене («образцовое» государственное учреждение), а Vockbierzeit требует и 17 рабочих часов. Столь усиленная работа обуславливает в такой степени упадок сил у кельнерш, что они в среднем вдвое больше болеют, чем всякий другой, и в конце-кон-

цов становятся кандидатками на чахотку. Но есть еще кое-что и похуже.

Вся работа кельнерши сводится к услужению другому полу и в такое время ночи, когда мужчина, ведущий «вольную» жизнь, является в ресторан уже в приподнятом настроении. А между тем, кельнерша не получает ни.. , королевской мюнхенской пивной, например, служанкам не только не полагается ни содержания, ни помещения, ни завтрака, но они и сами должны еще уплачивать ежедневно по 1 марке 20 пфенингов за полоскание кружек, что составляет свыше 400 марок ежегодно! Приобретение и содержание в чистоте обязательных для них белых передников и салфеток также лежит на их попечении. Можно себе представить положение кельнерши в частной пивной, принимая во внимание требования, предъявляемые ей аналогичным правительственным учреждением. Кельнерше, таким образом, ничего больше не остается делать, как стараться возможно больше получать на чай, в виде единственного ее вознаграждения. Ей приходится также поощрять гостя к возможно большей выпивке, получая за это грошевые комиссионные от трактирщика. Ясно, что отношения к посетителям с ее стороны должны быть наиболее предупредительные, чтобы расположить их в свою пользу и получить все тот же «на-чай». И пока алкоголь все больше и больше овладевает волей и сознанием трактирного посетителя, кельнерше приходится платиться своей нравственностью в интересах получения «на-чай». Легко себе представить воздействие общества таких алкоголизированных мужчин на психику и нравственность девушки, обязанной проглатывать все двусмысленности и выслушивать такие вещи, на которые она, при других условиях и другой обстановке, ответила бы в меньшей мере поще

чиной. В «Bayerischen Vaterland» недавно появилась статья далеко не приверженца трезвости, человека, расположенного к алкогольным напиткам, но называющего себя другом человечества и посвятившего себя изучению быта трактирной женской прислуги. «Я не в состоянии описать всего того, что здесь представилось моим глазам, — ужасается автор, — и я не преувеличу, если назову всех этих служанок ресторанов (как первого, так и второго класса) не только в столице, но и в других городах „белыми рабынями образованных холостяков, лишенных характера, и образованных женатых людей с обручальными кольцами в жилетном кармане". Неудивительно, что трактирные служанки дают такую массу венерических больных, составляющих для Берлина 13, 5 процентов, причем для „так называемых" кельнерш, прикрывающихся лишь этим названием, и 30 процентов, — и что на каждую пару кельнерш одна венерически больна».

В Германии поставкой кельнерш, носящей чисто торговый характер, занимаются специальные «агентства», причем в письменных и телеграфных сообщениях эти посредники условно называют свой человеческий товар «ящиками» («Kiste»). В зависимости от внешних достоинств такой кельнерши и умения ее импонировать гостям, она характеризуется «ящиком недостаточно прочным или слабым, толстым или тонким, красивым, золотым и пр., который предлагается или требуется». Посредники обыкновенно получают за свои услуги по 5 — 10 марок от кельнерши и 10 — 75 марок от хозяина, зарабатывая таким путем массу денег. В Восточной Пруссии некоторые агентства «поставляют» от 100 до 130 кельнерш в месяц. Причем они «поставляют» не только в пределах Германии, но и во все части света. От этой стадии, когда

кельнерша превратилась уже в товар, до положения проститутки один только шаг.

В зависимости от пьянства, мужчине сообщается не только чувственность и грубость, но и беспечность, легкомыслие, отсутствие предосторожности. Желая установить при помощи статистики связь между заражением венерическими болезнями и алкоголем (глава VIII, III, 9), я обнаружил непосредственное воздействие последнего в 3/4 случаев. К таким же результатам пришли д-р Лакер из Висбадена в своем реферате в Берлине: алкоголизованный выходит или выкарабкивается из кабака на улицу... проходит проститутка, начался торг, и катастрофа (заражение) готова, — а то и прямо из трактира мужчины спешат в публичный дом и здесь заражаются всем комплектом.

Благодаря трактиру, мужчина отрывается от домашнего очага. Мы видим, стало-быть, что одновременно с народным алкоголизированием совершается и его половое вырождение, на что должно быть обращено наибольшее внимания, ибо наименее благоприятной атмосферой для нормальной половой жизни является такая, которая пропитана алкоголем. Прирост населения находится в обратной пропорциональности с потреблением спиртных напитков, что особенно рельефно выступает в России при сопоставлении совершенно непьющих сектантов с остальной пьющей массой народа. Можно, впрочем, говорить о бластофторическом или повреждающем влиянии на зародыш не только хронического прибегания к спиртным напиткам, но даже и однократного опьянения, что, между прочим, подтверждается статистическими данными д-ра Беццола, нами уже упоминавшимися (максимумы рождения идиотов). Мы убеждаемся отсюда и из других источников в том, какие печальные результаты дает за

чатие, сопровождавшееся состоянием опьянения. Я посвятил много материала вопросу о вырождении рас под воздействием алкоголя и привожу еще здесь труд Бунге «Alkoholvergiftung und Degeneration», Leipzig 1904, bei Johann Ambrosius Barth, а также мою книгу «Hygiene der Nerven und des Geistes». Stuttgart 1903, bei Ernst Heinrich Moritz, и весьма поучительные статистические таблицы Вилленегера и Штумп. Откажись люди от потребления алкоголя, возможно было бы тогда разрешение большой доли полового вопроса в наиболее благожелательном духе.

Богатство и бедность. В то время как в среднем состоянии культуры человечества обилие женщин и детей лишь увеличивало богатство состоятельного человека, мы в настоящее время сталкиваемся с новым положением вещей, в силу которого, одновременно с увеличением богатства, идет и уменьшение количества детей. И действительно, детей не считают уже больше источником благосостояния, а, наоборот, усложнившиеся требования культуры побуждают производить все большие и большие расходы на воспитание потомства. Но вместе с тем и женщина, в связи со своим социальным положением, старается избегнуть беременности. На ее физическую организацию влияет утонченный образ жизни, что, в свою очередь, ослабляет ее способность к деторождению. Американизм, о котором мы упоминали, в этом смысле дошел до патологических размеров, что должно считать болезненным продуктом нашей культуры. Мы здесь приходим к заключению, что при умеренном достатке, когда нет заботы о насущном куске хлеба, и гигиенические условия являются благоприятствующими, но когда все-таки приходится регулярно работать для обеспечения существования, — при таких условиях половые отноше

ния, да и вообще жизненные отношения, проявляются в самом здоровом виде. На богатого развращающе в половом смысле влияют роскошь, извращение, лень, а также вредные привычки из детства. На бедняка же влияет скудное питание, нездоровая среда, отсутствие воспитания при наличии скверных примеров, причем на противоположных концах эти отрицательные данные совпадают как у бедного, так и у богача, ибо в омуте находятся как пользующийся, так и пользующийся. Это мы видим в игре, проституции, половых извращениях, где эксплуатирует бедняк, а эксплуатирует богатый, хотя, с другой стороны, богатый поддерживает проституцию, оставаясь социальным выжимателем.

Половая жизнь вырождается, однако, не только у богачей и бедняков, но и у представителей среднего класса, благодаря все увеличивающейся легкости добытия средств, когда не брезгают никакими способами, лишь бы не прибегать к труду. А между тем только честным и периодическим трудом обеспечивается естественная и здоровая половая жизнь.

Если бы социальное благо человека могло быть обеспечено без приманки, какою для него является презренный металл, то половая жизнь немедленно вошла бы в свою норму, но трудно найти здесь соответствующий способ для практического проведения в жизнь.

Дворянство и сословия. На половой жизни не могли не отразиться так называемые сословные различия, которые и в настоящее время играют видную роль. Это проявляется, между прочим, в тех случаях, когда, в зависимости от тех или иных сословных предрассудков, устанавливается особый брачный кодекс. Благодаря весьма близкому скрещиванию среди высшего дворянства и владе

тельных особ, которым предписывалось соединяться в браке только между собою, получилось в результате вырождение. Прежде всего преследовалось сохранение чистоты «благородной» крови, что и достигалось до поры, до времени. Такого рода односторонний подбор, однако, чреват отрицательными результатами, причем обязательность брака в строго ограниченных сферах побуждала высшие сословия искать удовлетворения во внебрачном разврате. Таким образом, высшая знать и даже коронованные особы дарили свою любовь не девушкам, достойным и работающим, а артисткам двусмысленного поведения, балеринам, подверженным истерии искусительницам и другим искательницам приключений! С падением феодального строя дворянство лишилось своего *raison d'etre*, но продолжает жить в сфере традиций, праздности и сохранившихся пороков, быстрыми шагами приближаясь к вырождению во всех тех случаях, когда отдельные члены его не успели проникнуться сознанием жизненной необходимости трудовой деятельности. Внебрачные связи дворянства дали потомство, отличавшееся весьма подозрительными достоинствами, но и., в свою очередь, удостоившееся впоследствии дворянства. Таким образом, с легкой руки коронованных особ и высшей знати, дворянства удостаивались «недостойные» личности, главной и единственной заслугой которых было умение как можно низменнее разжигать вожделение и волновать половое чувство. Естественно, что результаты такого подбора не замедлили сказаться в лице вырожденков, носивших в своих жилах не только «благородную» кровь дворянина, но и кровь (зародышевые энергии) «низших» людей, иногда же и заведомых преступников. Вырождение дворянства можно объяснить также и тем, что, обеднев в своей массе, дворяне нередко, в интересах позолочения своего фа

мильного герба, берут себе в жены богатых девушек, дочерей банкиров и др., не считаясь с наличием у своих будущих жен тех или иных умственных или физических дефектов. Все это в значительной степени усугубляется, благодаря традиционному презрению к труду, как источнику пропитания, унаследованному дворянством еще от средних веков и не находящему себе компенсации хотя бы в рыцарских выступлениях, в настоящее время не имеющих применения.

Своеобразные особенности на половой почве свойственны и другим сословиям, как, например, католическим священникам, не знающим брака. Последствия здесь получаются только отрицательные, так как прежде всего значительная часть интеллигентных сил общества обречена на бесплодие, и кроме того, в зависимости от этой особенности, процветает тайный разврат (тайная исповедь и пр.).

Военная и морская служба не остаются без влияния на половую жизнь, причем влияние это отрицательное. Здесь мы упомянем предварительно про ту отвратительную, невозможную и опасную форму проституции, которая так или иначе этой службой и поощряется. А между тем название солдатской потаскушки стало нарицательным. Но ведь **одной** такой зараженной девушки достаточно, чтобы жертвой заражения сделать целый батальон. Кроме этого, ощущая недостаток в половых сношениях или же вовсе не имея возможности к ним прибегать, солдаты легко поддаются половым извращениям и в том числе педерастии и онанизму. Таким образом, с запасом половых извращений и той или иной венерической болезнью солдаты являются домой, в свои родные края, женятся здесь и не только вносят деморализацию и заражение в свою семью, но и производят обремененное на

следственностью потомство; не обходится, разумеется, и без деятельного влияния алкоголя. Весьма нездоровые плоды дает и то установление, согласно которому небогатому офицеру предоставляется сочетаться браком обязательно с богатой женщиной, чтобы иметь возможность устроиться согласно званию. В норвежском торговом флоте, наоборот, мы видим, что офицерам разрешается жить на судах вместе со своими женами. Вообще нам полезно было бы ко многому присмотреться к Норвегии, в ее разрешении полового вопроса. Между прочим, характерным и вместе с тем заслуживающим особого внимания является правило, согласно которому, в интересах поощрения семейной жизни, жена, путешествующая вместе с мужем, вносит плату лишь в половинном размере!

Влияние прочих сословий на половую жизнь не выражается сколько-нибудь энергично, но вообще всякое подразделение на сословия отражается на ней неблагоприятно. Прежде всего, изолирование данного класса от всей народной массы и браки только в пределах этого класса дают неизбежные вырождения. И вообще положительный подбор не знает ни классов, ни иных отличительных признаков человека, кроме личных его достоинств, возвышающих его пред другими.

Индивидуальная жизнь. Ее влияние на половую жизнь вне всякого сомнения. Хорошее питание и умеренный физический труд влияют обыкновенно усиливающе на половое стремление, которое, наоборот, ослабевает при ограниченном питании, сопровождающемся непосильным мускульным трудом. Что касается умственной деятельности, то воздействие ее в этом же направлении различно. Один крупный ученый и психолог констатировал у себя всякий раз усиление полового влечения в за

висимости от интенсивного умственного труда, но другие утверждают обратное. В общем, можно сказать, что сидячий образ жизни усиливает, а подвижной — ослабляет половое стремление. Конечно, здесь необходимо считаться еще с другими факторами. Алкоголь, как мы это уже наблюдали, уменьшает потенцию и усиливает, а также и извращает половое влечение. Что касается же других всевозможных искусственных средств, возбуждающе действующих, то влияние их выражается в другой форме, о чем мы, между прочим, упоминали уже применительно к порнографии. В связи с эротическими картинками, романами и пьесами специального содержания, кафе — шантанами и пр., создается нездоровая атмосфера, действующая одновременно раздражающе и извращающе. Эта среда легко захватывает людей, соблазняет их своей утонченностью и действует на чувство.

Особняком стоит здесь воздействие сожителства обоих полов. Как мы об этом говорили уже в главе VI, у совместно живущих мальчиков и девочек притупляется половое влечение между ними независимо от того, родные ли это или только приемные братья и сестры. Это же наблюдается и во всяких иных сферах жизни, когда совместное пребывание представителей противоположных полов в каких угодно отраслях человеческого труда носит непринужденный и свободный характер, как мы это видим, например, в школах, на полевых занятиях, в играх и пр.

Это правило, разумеется, допускает ограничения и отступления. При известного рода отношениях совместная жизнь, наоборот, обуславливает вредное половое раздражение и даже извращения. Причины заключаются в таких случаях чаще в потреблении алкоголя, а также и в психической ненормальности такого рода субъектов.

Должно, например, считать весьма опасными опытами устройство балов в психиатрических лечебницах для представителей обоего пола с употреблением пива, как это допускается некоторыми заведующими психиатрическими больницами. Такие вечеринки могут давать лишь отрицательные результаты, между тем как благородное воздействие оказывало общение между собою душевнобольных, не прибегавших в собрании ни к спиртным напиткам, ни к танцам и взаимным сближениям, раздражающим лишь половое влечение у таких людей и без того подверженных уже извращению. У меня лечилась одна девушка, которая страдала сильным половым влечением, предавалась онанизму и подвержена была сильным припадком на нервной почве. Свое состояние она приписывала тому, что ей, как телеграфистке, приходилось быть все время в обществе молодых людей, действовавшем на нее раздражающе, между тем как она оставалась без всякого удовлетворения.

Такие случаи, наблюдаемые довольно часто, наводят нас на очень важное заключение. Хотя весьма нормальной является совместная жизнь представителей обоих полов, но она должна дать в конце-концов нормальные же половые сношения между людьми, имеющими друг к другу влечение на почве любви. Но если происходит постоянное раздражение, не получающее удовлетворения, то результаты могут быть только отрицательны. В случаях воздержания из религиозных ли или иных соображений необходимо изолировать себя в большей или меньшей степени от близкого общества представителей противоположного пола и вообще устранять от себя все то, что раздражающе действует на половое стремление. Менее возбудимые в половом отношении люди, конечно,

поставлены в этом смысле в более благоприятные условия.

Отсюда обнаруживается, что при определенных занятиях, обуславливающих совместное пребывание лиц обоих полов, как служащих в магазинах, на телеграфе и проч., создается возбужденное настроение. Если же занятия происходят при постоянной односторонности и плохих окружающих условиях, как, например, у рабочих на фабриках, то половая жизнь от этого только страдает, причем почти безразлично, занимаются ли работой оба пола вместе или же во время работы друг от друга изолированы.

Печать, объявления и анонсы. Половая жизнь, между прочим, в известной степени зависит и от печати. Существует достаточное количество порнографических изданий, которые, покрываясь личиной искусства, посвящают всю свою энергию скандальным разоблачениям из области половых отношений, сенсационным процессам и насаждению нездорового эротизма. Одновременно происходит заполнение столбцов в отделах объявлений двусмысленными анонсами, вроде объявлений брачных бюро, меблированных комнат, всевозможных rendez-vous, просьб о займах и пр., не оставляющих никакого сомнения в их сексуальной подкладке. К такого рода приемам прибегают даже и всякие извращенные элементы (гомосексуалисты, садисты и пр.).

Единичные объявления шведских массажистов, парикмахеров и купальных заведений очень часто служат лишь прикрытием для проституции. Сюда же можно отнести и анонсы об оккультизме и пр. (см. гл. XIV в конце).

Интернаты. Совместное и продолжительное пребывание членов одного и того же пола в соответствующих

учреждениях, носящих название интернатов, имеет свое специальное воздействие на половую жизнь. Сюда относятся, например, монастыри, закрытые учебные заведения, как французские лицеи, и пр. Здесь обитатели учреждения никогда не застрахованы от опасности усвоить гомосексуальные или онанистические наклонности. Поэтому и влечет в столь значительной степени всех гомосексуалистов или урнинггов (см. главу VIII, III 7 б) к такого рода учреждениям. Здесь они могут беспрепятственно удовлетворять свою извращенную страсть, чувствуя себя в спальной интерната так же, как нормальный мужчина на женской половине соответствующего учреждения. Так как с урнинггами считались лишь как с людьми ненормальными, то при организации интернатов, мужских ли или женских, уранизм стоящих во главе их совершенно не принимался в соображение. Гомосексуалисты стараются также попасть в качестве надсмотрщиков или надсмотрщиц в психиатрические лечебницы, где им предоставляется скрытый, но широкий простор в половых сношениях с душевно-больными обоего пола без опасения гласности.

Не всегда, однако, необходима наличность врожденного гомосексуализма, чтобы стремиться к удовлетворению полового стремления с товарищами или товарками своего же пола. Это часто имеет место, как следствие повышенной чувственности или эротизма субъекта, причем мужчины удовлетворяются педерастией, женщины лесбийской любовью и вообще тот и другой пол взаимным онанизмом. В том или ином случае опасность всегда налицо, так как в массе всегда сможет очутиться хоть один индивидуум, который будет действовать разлагающе на всех остальных. Контроль вообще при таких случаях чрезвычайно затруднен, но наши интернаты не отлича

ются, к сожалению, идеальным надзором. Отрицательная сторона дела усугубляется весьма малой сердечностью взаимоотношений руководителей и воспитанников.

Пришлось бы слишком распространяться, чтобы исчерпать всевозможные воздействия окружающей среды. Но мы можем, однако, придти к заключению, опираясь на приведенные факты, что всякие крайности применительно к половому влечению, как аскетизм, с одной стороны, и эксцессы, с другой — обуславливают противоестественные результаты. Таким образом, половая жизнь нуждается только в нормальной обстановке. В любви не обходится без счастья и случая, причем действительно сплетение случайных обстоятельств может обусловить тот или иной характер любви. Но в силу велений нашей, так называемой, общественной нравственности, исправление ошибок в этом смысле сопряжено часто с непреодолимыми препятствиями. И если будут здесь введены улучшения, то, без сомнения, сойдут на-нет несчастья на почве любви, причем неблагоприятное воздействие окружающей среды будет своевременно локализовано и исправлено при помощи тех способов, которые для данного случая окажутся наиболее применимыми.

Глава XII

Религия и половая жизнь

Считая долгом оговориться, что под религиею я разумею здесь так называемое религиозное чувство, равно как и церковные догмы. По почину Шлейермахера, существовала за последнее время тенденция к особому выделению религиозного чувства, причем последнее определялось, как неопределенная смесь ощущений, выделяющая созерцание и чувство. Оно может быть рассматриваемо в качестве интуитивного представления о всей вселенной, приводящего душу в экстаз и растворяющего в себе наше собственное "я". Эта индивидуальная неопределенность чувства может быть использована для каких-угодно целей, но едва ли в состоянии дать какие-либо правильные результаты.

Нам представляется весьма интересный факт с точки зрения этнографии, в силу которого те обычаи, которые раньше входили в светский обиход, последовательно, на протяжении веков вводились в религию, причем их могли рассматривать как божественного происхождения или указания свыше, или в качестве определенных догматов, воздействия определенного культа и т. д. Здесь видное место занимали половые отношения. Мы можем во многих религиозных обрядах и обычаях проследить как бы символы видоизмененных обычаев половой жизни (в наиболее широком значении этого слова), причем некоторыми догматами предполагалось, очевидно, на почве религии создать обязательность определенного цикла половых обычаев. Половая жизнь, в свою очередь, должна была находиться под их непосредствен

ным воздействием. Колдовство и знахарство находятся, таким образом, в интимном взаимоотношении. «Всякое колдовство происходит от страсти», сказал старый индеец этнографу Ф. фон-Мартусу. Мы укажем здесь на несколько убедительных примеров.

У ведьм и на процессах о ведьмах эксцессы и извращения играют первенствующую роль. Мы убедились уже из главы VI в той непосредственной близости, в какой полигамия соприкасается с понятием о собственности и браком по покупке или продаже, чем, между прочим, она и обусловилась исторически. Когда же она вошла в религию, как в исламе или у мормонов, то оказала воздействие на всю общественную организацию этих народов и образ их мысли. Мы на деле не в меньшей мере полигамны, чем они, но в то время как мы опираемся на моногамную этику, они исходят из полигамных этических начал, причем и в том и другом случае предполагаются обязательные указания свыше. В связи с религиозными воззрениями некоторых приверженцев Будды, у них явилось необъяснимое представление о необходимости для жены немедленно следовать за мужем в могилу. Такое обстоятельство, разумеется, также отражается на половой жизни. Некоторые дикари наследуют своим родителям по женской линии, что, очевидно, связано с наиболее уважаемым положением женщины. Впоследствии этот обычай освящен был религией, хотя он, без сомнения, вполне естественно обусловлен был на первых порах большей близостью матери к потомству, чем отца, и практикуется у гоахиров Колумбии, живущих в полигамии. В такой же степени на светской подкладке введен был и обычай женитьбы мужчины на вдове умершего брата, что, очевидно, имело целью урегулирование брачных взаимоотношений. Но с течением времени и этот обычай взят был ре

лигией под ее покровительство. Обрезание у евреев носило на первых порах характер гигиенической меры, но впоследствии вошло в религию и заняло в ней не менее важное место, чем крещение в христианской религии. А между тем, роль обрезания сводилась, главным образом, к предохранению от венерических заболеваний и отчасти от онанизма. Католическая церковь, кроме безбрачия своих священников, о которых мы уже говорили, вводит в половую жизнь еще целый ряд установлений, приобретших догматический характер, регулирующих половые сношения и брак, и имеющих, без сомнения, крупное социальное значение. Догматически, например, устанавливается безусловное запрещение развода (что соединено богом, того не разлучить человеку) и, таким образом, предрешается навсегда судьба брака, что обуславливает, в свою очередь, внебрачные связи всех вдов. Католическая церковь берет также на себя труд выработки мельчайших подробностей половых отношений в браке и считает, например, грехом, если женщина ляжет на мужчину, а не наоборот. В величайших деталях выработаны указания и приемы при совершении полового акта, но с таким расчетом, что женщине уделяется самая пассивная и недостойная роль, мужчина же облекается какими угодно преимуществами. В католическом брачном союзе должно быть произведено столько детей, сколько только возможно, ибо какие бы то ни было предупредительные меры во время совершения полового акта не допускаются ни в каком случае. Здесь предоставляется остановиться или на полном воздержании (на которое должны согласиться обе стороны), или же на непрерывном воспроизведении потомства. Отказы в совершении полового акта как со стороны жены, так и мужа, в зависимости от его потенции, не допускаются. Такого рода указания, носящие

обязательный характер, непосредственно и отражаются на браке католиков, на самой религии и на потомстве.

Тайная исповедь обращает на себя особое внимание. Знаменитый реформатор Канады — Хиникви, занимавший видное место среди католического духовенства и впоследствии перешедший в протестанство, в своем труде «Cinquante ans dans l'eglise romaine», на стр. 151, указывает все те предметы, которые должны быть упоминаемы духовным отцом в вопросах на исповеди духовных детей его. Хиникви достаточно компетентен в этом вопросе, и мы приводим здесь оставшийся без изменения латинский текст оригинала, причем многое отсюда упоминалось нами в главе VIII.

По Денсу, духовный отец должен предлагать на исповеди следующие вопросы:

1. Peccant uxores, quae susceptum viri semen ejiriunt vel ejicere conantur. (Dens, vol. VII, p. 147).

2. Peccant conjuges mortaliter, si copula incepta, prohibeant seminationem.

3. Si vir jam seminaverit, dubium fit an femina lethaliter peccat, si se retrahat a seminando; aut peccat lethaliter vir non exspectando seminationem uxoris (p. 153).

4. Peccant conjuges inter se circa actum conjugalem. Debet servari modus, sive situs; imo ut non servetur debitum vas, sed copula habeatur in vase praepostero aliquo-que non naturali. Si fiat accedendo a postero, a latere, stando, sedendo, vel si vir sit succumbus (p. 166).

5. Impotentia, est incapacitas perficiendi copulam carnalem perfectam cum seminatione viri in vase se dubito,

seu, de se, aptam generationi. Vel, ut si mulier sit nimis arcta respectu unius, non respectu alterius (p. 273).

6. Notatur quod pollutio in mulieribus possit perfici, ita ut semen earum non effluat extra membrum genitale. Indicum istius allegat Billuart, si scilicet mulier sentiat seminis resolutionem cum magno voluptatis sensu, qua completa, passio satiatur (Vol. IV, p. 168).

7. Uxor se accusans in confessione, quod negaverit debitum, interrogator an ex pleno rigore juris sui id petiverit (Vol. VII, p. 168).

8. Confessarius poenitentem, qui confitetur se peccasse cum sacerdote, vel sollicitatam ab eo ad turpia, potest interrogare utrum ille sacerdos sit ejus confessarius, an in confessione sollicitaverit (Vol. IV, p. 294).

Денс в дальнейших своих томах указывает на приличное количество таких же щекотливых вещей, относительно которых, по предложению этого казуиста, должны быть получены ответы от исповедующихся.

Не отстает от него и известный Лигори, который, не скупясь на достаточное количество грязных вопросов, сплошь проникнутых грубым эротизмом, находит нужным и советует на исповеди предлагать следующих два вопроса:

1. Quaerat an sit semper morale, si vir immittat pudenda in os uxoris...? Venus affirmo, quia in hoc actu ob calorem oris adest proximum periculum pollutionis, et videtur nova species luxuriae contra naturam, dicta irruminatio.

2. Eodem modo Sanchez damnat virum de mortali, qui in actu copulae immitteret digitum in vas praeposterum ux-

oris: quia, ut ait, in hoc actu adest affectus ad Sodomiarum (Uguori, vol. VI. p. 935).

Но перейдем от известного Лигори к другим. Книга знаменитого вормсского епископа Бурхарда также посвящена вопросам на исповеди. Книги этой в настоящее время уже нет. Но много веков она служила руководящим элементом для римских священников, черпавших в ней неисчислимое количество вопросов. Денс, Лигори, Дебрейн и др. ссылались на нее, как на авторитетный источник для руководства современным священникам. Возьмем отсюда несколько примеров.

а. Для молодых мужчин:

1. Fecisti solus tecum fornicationem, ut quidam facere soient; ita dico ut ipse tuum membrum virile in manum tuam acciperes et sic duceres praeputium tuum, et manu propria commoveres, ut sic per illam delectationem semen projiceres?

2. Fornicationem fecisti cum masculo intra coxas: ite dico, ut tuum virile membrum intra coxas alterius mitteres, et sic agitando semen funderes?

3. Fecisti fornicationem, ut quidam facere soient, ut tuum virile membrum in lignum perforatum aut in aliquod hujus modi mitteres, et sic per illam commotionem et delectationem semen projiceres?

4 Fecisti fornicationem contra naturam. id est, cum masculis vel animalibus coire, id est, cum equa, cum vacca vel asina, vel aliquo animali (Vol. I, p. 136).

б. Для девушек или женщин (то же собрание, стр.

115):

1. Fecisti quod quaedam mulieres soient, quoddam molimen, aut machinamentum in modum virilis membri ad mensuram tuae voluptatis, et illud loco verendorum tuorum aut alterius cum aliquibus ligaturis ut fornicationem faceres cum aliis mulieribus, vel alio eodem instrument, siue alia tecum?

2. Fecisti quod quaedam mulieres facere soient, ut jam supra dicto molimine, vel alio aliquo machinamento, tu ipsa in te solam faceres fornicationem?

3. Fecisti quod quaedam mulieres facere soient, quando libidinem se vexantem extinguere volunt, quae se conjungunt quasi coire debeant et possint, et conjungunt invicem puerperia sua, et si fricando pruitum illarum extinguere desiderant?

4. Fecisti quod quaedam mulieres facere soient, ut cum filio tuo parvulo fornicationem faceres, ita dico ut filium tuum supra turpidinem tuam poneres, ut sic imitaberis fornicationem?

5. Fecisti quod quaedam mulieres facere soient, ut succumberes aliquo jumento et illud jumentum ad coitum qualicumque posses ingenio ut sic coiret tecum?

Дебрейн посвятил этому же вопросу целый труд, предназначенный для молодых исповедников, причем там добросовестно указаны все виды полового разврата и извращений. (*Maechiologie, ou traite de tous les péchés contre le sixième (septième dans le decalogue) et le neuvième (dixième) commandements, ainsi que de toutes les questions de la vie mariale qui s'y rapportent*).

Эта книга пользуется большим авторитетом в католической церкви. Мы берем отсюда только два нижеследующих вопроса:

Мужчинам:

Ad cognoscendum an usque ad pollutionem se tetigerint quando tempore et quo fire se tetigerint; an tunc quosdam motus in corpore, experti fuerint, et per quantum temporis spatium: an cessantibus tactibus nihil insolitum et turpe accidit; an non longe majorem in corpore voluptatem perceperint in fine inactum quam in eorum principio; an tunc in fine quando magnam delectationem carnalem senserint, omnino motus corporis cessaverint; an non madefacti fuerint? etc., etc.

Девушкам:

Quae sese tetigisse fatentur, an non aliquem pruritus extinguere tentaverint, et utrum pruritus ille cessaverit cum magnam senserint voluptatem; an tunc ipsimet tactus cessaverint? etc., etc.

Епископ Бостонский (С. Штаты) преосвященный Коприк среди многочисленных аналогичных указаний предлагает духовным лицам руководствоваться еще и следующими наставлениями:

Uxor, quae in usu matrimonii se vestit, ut non recipiat semen, vel statim post illud acceptum surgis, ut expeliatur, lethaliter peccat; sed opus non est ut diu resupina jaceat, cum matrix brevi semen attrahat et mox arctissime claudatur.

Puellae patienti licet se vertere et sonari, ut non recipiat semen, quod injuria ei immittitur, sed acceptum non licet expellere, quia jam possessionem pacificam habet et baud absque injuria naturae ejiceretur.

Conjuges senes plerumque coeunt absque culpa, licet contingat semen extra vas effundi; id enim per accidens fit ex infirmitate naturae. Quod si vires adeo sint fractae, ut nul

la sit seminandi intra vas spes, jam nequeunt jure conjugii uti.
(Vol. III, p. 317).

Такими данными оперирует Хиникви — этот энергичный человек, которому удалось провести реформу воздержания от употребления алкоголя в Канаде. За всю свою продолжительную жизнь он, в качестве передового борца, отстаивал социально-этические реформы в духе христианства. Чрезвычайно полезно ознакомиться в оригинале с его вышеупомянутой книгой, написанной весьма содержательно. Он умер, когда ему было 90 лет.

Я цитировал официальную эротику исповеди по его книге, которую считаю наиболее верным и авторитетным источником. Хиникви не легко было покинуть католическую церковь, а сделал он это лишь после долгих лет душевного страдания и горьких сомнений. Он следующим образом начинает главу книги, о которой мы упоминали:

«С этой главой должны ознакомиться законодатели, отцы и мужья, после чего у нас возникнет вопрос, не должны ли они из уважения к своим матерям, женам и дочерям принять немедленно меры против тайной исповеди. Может ли девушка оставаться чистой в своих помыслах после такого обмена мыслей наедине с холостым мужчиной? Не есть ли это скорее путь к разврату, чем к жизни в браке?»

И это сходит с пера такого духовного лица, которое своими глазами в продолжение нескольких десятков лет имело возможность убедиться в развращающем влиянии тайной исповеди на женщин. Найдется, разумеется, немало людей, более или менее равнодушных в половом отношении, которые столь же безразлично будут относиться к порочной подкладке подобной исповеди. Но для них такая исповедь вовсе и не предназначена!

Я получил много энергичных протестов от католиков в ответ на такое толкование мною этого вопроса; в них Хиникви выставляется, разумеется, в самом скверном свете. Но эти попытки являются не достигающими цели, так как высокая порядочность Хиникви не подлежит никакому сомнению. Можно лишь предположить, что в более культурных странах, чем Канада времен Хиникви, тайная исповедь поставлена несколько осторожнее, причем здесь, может быть, духовник считается с тем, какие именно вопросы предлагать в каждом отдельном случае, и не обязан задавать девушке непристойные вопросы. Однако, ему всюду и везде делать это не возбраняется. Чтобы выяснить истинное положение вещей, я обратился к одной девушке-католичке, которую я знал уже давно, и которая отличалась безусловной честностью, порядочностью и солидностью. Не посвящая ее в причины моих расспросов, я получил в ответ, что исповедник иногда не удовлетворяется сделанными ему сообщениями, но считает долгом задавать еще вопросы от себя. Когда я спросил, касаются ли его вопросы и половых отношений, она ответила, что «главным образом». Я больше не вдавался в подробности. Но это показание, свободное от какого-либо внешнего воздействия, является наиболее характерным.

На почве такого сплетения половой жизни с догматом церкви можно заметить сочетание курьезного жеманства с тайным эротизмом. В некоторых католических монастырских пансионах (например, монашеские пансионы в Галиции) воспрещается воспитанницам приводить в чистоту свои половые части, так как это будто бы непристойно! В немецкой Австрии распятия в спальнях у монахинь завешиваются платком, «дабы Христос не узрел их наготы». Но это не мешало женским монастырям в сред

ние века уподобляться домам терпимости, причем под прикрытием религиозного экстаза заведомых обманщиков или же истерически-эротических субъектов (того или другого пола) то и дело совершались половые оргии в самом извращенном виде. Всякий принудительный аскетизм дает всегда в результате извращения, в качестве «грех против природы».

Женщины готтентотов вытягивают у себя свои малые срамные губы. Восток дает нам искусственных евнухов. И при всяком отсутствии какой-либо связи между этими обычаями и религией, все же они освящены соответственной религией и только таким образом вошли в плоть и кровь народа.

Отсылаю к главе VI за аналогичными примерами. Но и из вышеприведенных вполне явствует склонность человека связывать свою эротику с религией, приписывая первой божественные источники и выдавая ее за продукт веления свыше. Половая жизнь принимает на себя, стало-быть, воздействие мистики в качестве догматизированного плода фантазии человека. Знаменательно, что освящение религией касается именно обычаев дурного свойства, между тем как другие обычаи базируются на гигиенических требованиях.

Однако, здесь можно всего правильнее видеть и сферу влияния патологии (см. главу VIII). Должно считаться с тем глубоко мистическим характером, какой в глазах некультурного человека, а особенно дикаря, имеет процесс воспроизведения. Конечно, им чуждо какое бы то ни было представление о зародышевой клетке, о конъюнкции — и зачатия вместе с родами приписывались чуду, воле какого-нибудь доброго или злого божества. К тому же проявление любви вместе с высшей точкой по

лового побуждения обуславливают собою экстаз, который может дать повод смешивать эротику с экстазом на почве религии.

Краффт-Эбинг подчеркивает это в своем труде о половой психопатии. И, на самом деле, происходит какое-то калейдоскопическое смешение религиозности, поэзии и эротики на почве юношеской, полной томления чувственности. Не свободна от половых представлений и жизнь святых, причем нередко в самой отталкивающей эротической форме. Известны ведь безумные оргии древних, а также и современных нам сект на почве той же религиозной обрядности. Таким образом, происходит какое-то триединое объединение мистики, религиозного экстаза и полового сладострастия, причем чувственность, не получивши удовлетворения, ищет его в религиозных мечтаниях. Вот некоторые примеры, приводимые Краффт-Эбингом из судебной психологии Фридриха (стр. 389).

«Монахиню Бланбекин, таким образом, постоянно мучила мысль о том, куда девалась частица, снятая при обрезании Христа».

«Признанная папой Пием II блаженной Вероника Юлиани, чтобы выразить высшую степень своего благоговения к небесному агнцу, укладывалась в постель с обыкновенным ягненком, которого ласкала, целовала и кормила своей грудью, выделявшей несколько капель молока».

"Внутренний жар часто сжигал св. Екатерину, которая в этих случаях растягивалась на земле и причитывала: «Любовь, о, любовь! больше я не в состоянии!» В эти моменты у нее проявлялась исключительная склонность к ее духовному отцу. Она однажды понюхала его руку, аро

мат которой проник ей в самое сердце, «аромат, способный своим приятным чувством воскресить мертвых».

"Св. Армелле и св. Елизавете была свойственна страсть в такой же мере по отношению к младенцу Христу. Испытания св. Антония Падуанского общеизвестны. Характерна в этом же смысле сохранившаяся молитва, которая гласила: «О, если бы мне посчастливилось обрести тебя, блаженный Эммануил, если бы ты очутился в моей кровати, какую радостью исполнились бы тогда мое сердце и мое тело! Приди же ко мне, приди, — и сердце мое пусть будет твоим жилищем!»

Отсылаю в дальнейшем к сказанному уже в главе VIII, III, 8. Душевнобольные, особенно женщины, очень часто обнаруживают отвратительное соединение эротизма с религией. Все эти обручения с Христом и пресвятой матерью, с богом или духом святым, на почве полового экстаза и воображаемого совершения полового акта (а на самом деле онанизма), а затем представления о беременности и родах относятся к этой же категории явлений. У французских психиатров мы находим даже специальный термин применительно к такому состоянию: «*delire erotiko-religieux*». Все эти проявления, между прочим, очень легко увидеть непосредственно, посетив женское отделение психиатрической лечебницы.

Еще в незначительной степени исследовано то чрезвычайно важное исторически установленное обстоятельство, что лица безусловно психопатические и истеричные всегда воздействовали на судьбы народов, причем это могло быть объяснимо, главным образом, гипнотизирующим влиянием представлений на половой и одновременно религиозной почве. Еще в 1906 г. в одной из местностей Венгрии рабочий, душевно-больной и помешанный на

религиозных представлениях, но вместе с тем и сексуально извращенный, имел «откровение» и повел за собою большое число женщин. Эта новая община должна была совершенно оголяться и сжигать свои платья в печи, расположенной посреди комнаты. Члены общины с испуганными взорами присматривались к дыму, подымавшемуся от горевших платьев, и в состоянии галлюцинации видели появлявшегося св. духа в сопровождении св. девы и хора ангелов. Девушки объявляли себя невестами Христа. Около десятка из них были признаны душевнобольными. Впрочем, история эта скоро раскрылась. Ко всему этому нужно отнестись достаточно вдумчиво.

Психиатр всегда считается с наличием у каждого душевно-больного известных религиозных или мистических представлений, которые, в силу этих идей, не выходящих из области бреда, воздействовали всегда на нормальных людей, или (да простится мне это выражение) на нормальное человеческое стадо. Характернее всего то, что сами больные находятся прежде всего под патологическим непосредственным влиянием их же собственных бредовых представлений, и притом в столь сильной степени, что вдохновляются до крайней степени, приобретают фанатизм пророков и развивают такую колоссальную энергию, которую единственно и оправдывается их колоссальное воздействие на массы. При этом безответственная самоуверенность, вера в собственную непогрешимость, пророческие приемы — все это настолько импонирует толпе, что она идет вслед за ним, экзальтированная и загипнотизированная, подчиняя свою волю и свои поступки желаниям и прихотям психопата. С безумием в этих случаях весьма часто сочетается и самый низменный эротизм, прикрытый, однако, религиозным экстазом и не обнаруживаемый окружающими, которые

убеждены в чистоте всего их окружающего, ибо в этом же убежден и сам увлекший их психопат. У нормального человека чувство всегда главенствует над рассудком. Изображенные же выше личности и воздействуют, главным образом, на чувство, причем главными, непосредственно воздействующими факторами являются молниеносный взор, убийственный тон, но отнюдь не содержание сбивчивых, невнятных речей и непонятных учений. На этой почве и происходят довольно часто все эти увлечения пророками и мессиями небольшого калибра, святыми девами, а также и душевные расстройства, носящие названия инфекционных психозов (*folie a deux trois quatre*). В зависимости от некоторой доли организованности в деятельности пророка, а также от большей или меньшей невежественности его последователей происходит быстрое увеличение числа последних, обуславливая собою возникновение всевозможных сект и общин. Собрания этих сект нередко завершаются половыми оргиями, разумеется, на почве религиозного экстаза. Но у более культурных народов пророческая деятельность такого мессии не успевает пустить глубоких корней, так как его большей частью быстро, в силу необходимости, приходится на некоторое время поместить в психиатрической лечебнице. В наше время такие пророки не останавливаются, благодаря общедоступности печатания, перед печатной пропагандой своего учения (и делают это при худших обстоятельствах даже на свой счет). У меня имеется не малое количество такого рода произведений, полученных мною непосредственно от их авторов. Очевидно, их преследовало опасение, что они будут сочтены за людей ненормальных. В подавляющем большинстве им сделано откровение (по их бредовому представлению) самым богом, причем они уполномочены быть его пред

ставителями. Нет недостатка и в сопутствующих эротических элементах. Один психиатр определяет в своем печатном произведении свои половые чувства в качестве «психосексуального контакта через действие на расстоянии!» Другой дал богу наименование I. га. гу. и руководителя планет, которые являются мужскими и женскими существами. С такими проявлениями часто приходится сталкиваться в психиатрии, и они уясняют нам следующее:

В тех случаях, когда данная личность не представляет собою помешанного в окончательной форме, а только так называемого «полупомешанного» или истеричного, причем этот субъект от природы одарен умственно, дело может принять совершенно иной оборот. При наличности у него сильной логики, что встречается нередко в таких случаях, она в связи с бредовыми иллюзиями, способна принять такие формы, которые будут в состоянии воздействовать не на «нормальных только овец», но и на культурных в большей или меньшей степени людей. У данного субъекта, рядом с психологическими односторонними представлениями, могут возникнуть и общечеловеческие возвышенные идеалы. История дает нам примеры таких личностей, которые, таким образом, как выясняется, представляли собою не больше, как патологические натуры. Основным элементом их учения все же являлось сплетение религиозных начал с эротическими представлениями. Такая категория людей и представляет собою переходную ступень от безнадежно психопатических новаторов к гениальным личностям, обладающим, однако, нормальным душевным равновесием. Вообще же есть масса переходных ступеней между умственной ненормальностью, с одной стороны, и гениальностью — с другой, что обуславливает всевозможные толкования

иногда противоположного свойства. Если гений и бывает иногда патологической натурой, то это ни в коем случае не дает права на поспешное заключение, сводящееся к тому, что всякий гениальный оригинальный субъект считается "ненормальным, хотя бы в силу того, что он не считается с шаблонами, не признает рутины и стремится проложить самостоятельные тропы в области мышления. Приведем здесь несколько примеров. Я убежден, что Жанна д'Арк (Орлеанская дева) представляла собою гениальную истеричку, которая находилась под непосредственным воздействием собственных галлюцинации. Восприняв всеми своими чувствами печальное состояние любимой родины и находясь под владычеством тайных голосов, являвшихся ей в многочисленных видениях, она — экзальтированная и верующая — повела Францию к успешной войне за освобождение. Обстоятельства ей, в свою очередь, благоприятствовали. С другой стороны, констатировано, что нравственность ее была выше всяких сомнений, причем на допросе инквизиции она рядом с ясным рассудком обнаружила и высоко-этические чувства. Ее любовь могла вылиться в экстатически-религиозное увлечение или же трансформироваться в преклонение перед ее собственной миссией, что вообще свойственно женщинам.

Томас Бекст представляет нам образец того, как могло совершиться внезапное превращение светского человека в аскетическое духовное лицо (разумеется, внешняя причина заключалась в назначении его архиепископом), причем, будучи другом и слугою английского короля, он сделался его энергичным противником. И здесь мы сталкиваемся со случаем самовнушения истерической личности, способного объяснить такие резкие противоположности. Мормонский пророк Смит, без сомнения,

соединял религиозные представления с эротизмом, что и сказалось на полигамной организации основанной им секты.

Половые отношения занимали видное место и в учении Магомета, которому не чужды были видения. Апостол Павел был духовидцем, и Паскаль, Руссо, Наполеон не лишены были патологических особенностей в характере, что особенно проявлялось у Руссо в его половой области...

Половой вопрос не соприкасается непосредственно со всеми этими явлениями, но нам желательно было объяснить столь крупное влияние этих людей на людей и на историю. Половые воззрения таких лиц, отличаясь явной несообразностью, все же привлекают внимание, как мы это видим на примере Толстого. Если с такою личностью происходят неожиданные превращения с переходом из одной крайности в другую, то это может быть объяснено только действием внушения или самовнушения у лица с предрасположением к истерии на почве аффектов (см. главу IX).

Некоторые действия истерических людей и душевно-больных вполне определяют их ненормальности и в половом отношении. Не подлежит, например, сомнению, что римские императоры Нерон, Тиверий, Каракалла были садистами, и мучения их многочисленных жертв доставляли им половое наслаждение. История дает нам примеры садисток в лице Валерии Мессалины и Катерины Медичи. Известно, что последняя, прикрываясь религиозными мотивами, была вдохновительницей устройства Варфоломеевской ночи и вкушала удовольствие от созерцания убийства гугенотов.

Мы можем проследить также и наличие мазохизма, представляющего основу полового мирозерцания данной личности, возвышающейся над средним человеческим уровнем (Руссо), или же всевозможных сект, как факиры, флагелянты и т. д.

Мы можем, стало-быть, в зависимости от половых чувств данного пророка или основателя религиозного учения, определить и его религиозное нововведение, а также и базирующееся на нем нравственное учение. Обнаруживается поэтому нередко, что индивидуально различные чувствования должны подчиниться таким установленным деспотическим догмам, которые истязают в продолжение многих веков людей, чувства которых настроены совершенно иначе.

В каждой из религий обнаруживается идеализированный эротизм, или же идеализм, обвешанный эротизмом. Соломоновская Песнь Песней, подобно другим религиозным объектам, предварительно являлась светским творением, будучи и оставшись произведением чисто эротического характера, хотя ее и умудрились превратить в аллегорию Христа и христианской церкви. Известна пародия Гейне на Песнь Песней, написанная в едкой, но фривольной форме. Что касается строгих аскетов, неуклонно стремящихся к «умерщвлению плоти», то здесь нередко имеет место самое безобразное лицемерие. Таким образом, духовные лица, энергично проповедующие высшей формы аскетизм, оказываются в интимной жизни своей грязнейшими развратниками. Осуждению тут не должно быть места, так как сила страсти слишком велика, а ярмо догмы слишком тяжело, чтобы человек всегда был в состоянии не считаться с такими двумя факторами, действующими в одном направлении. Разумеется, должна быть принята во внимание и возможность душевной не

нормальности. Половая жизнь лишь выиграет в свете науки, так как не будет больше места лицемерию у людей, здоровых духом, люди же ненормальные скорее будут доступны для детального изучения.

Обращаясь к гражданской жизни, мы и здесь часто видим сплетение религии с половыми представлениями и проявлениями, выражающееся, например в религиозной брачной обрядности, свойственной многим народам. Нередко религиозная мечтательность, появившаяся более или менее неожиданно, служит прямым следствием разочарования в любви или любовной неудачи. Религиозность мы разумеем здесь, конечно, в наиболее страстном ее проявлении, всепоглощающую и в се удовлетворяющую, а не ту будничную религию, которая отдыхает все дни недели и лишь по воскресным и праздничным дням выползает наружу вместе с праздничным нарядом и настроением. Такова, впрочем, в настоящем религия многих, в отличие от того пламенного религиозного чувства, которое составляет ныне удел ограниченного меньшинства и которое, по всем признакам, доминировало в сердцах людей в прежние времена.

Есть масса указаний на то, что мечтательные чувства симпатии в наиболее сильном их проявлении, послужившие первоисточником для религии, а также внешние выражения экстаза, имеют в своей основе эротизм в той или иной форме или составляют его трансформацию. И такое проявление может происходить совершенно безотчетно, на основе чистейших стремлений. Однако, не следует думать, что этим только источником и исчерпывается возникновение истинного религиозного чувства.

Но религиозные чувства уже в христианстве, и особенно католицизме, при ближайшем ознакомлении, ока

зываются как бы сплетенными с эротизмом. Припомним мечтательное обожание Христа св. девами (Мария Магдалина, Мария из Вифании), святые легенды средневековые, а также отражение их в искусстве. Во всех картинных галереях мадонны изображены со взором, в экстазе устремленным на Христа или на небо. У Мурильо выражение его «]тгласила сопсерйо» столь же не чуждо высшего проявления любовного восторга, как и религиозного экстаза. У Корреджио «святые» созерцают святую деву с выражением в глазах только условно небесным, но на самом деле удивительно земным и человеческим.

Всякие секты, независимо от времени их происхождения, являются в большей или меньшей степени чувственными. Здесь можно привести былую половую распущенность перекрещенцев (анабаптистов) и современное половое восторженное состояние нравов Америки. Могут указать мне, что секты представляют собою патологические наросты на религии. Но на это возражу словами сектантов, которые заявляют: «наше возникновение явилось прямым следствием безразличия, охватившего вашу государственную религию, и лицемерия, с сухой буквою текста, не способных уже влиять на человеческое сердце. Мы являемся вестниками пробуждения, и на нас лежит обновление человечества». Сила религиозного внушения и заключается именно в таких данных. Я лично наблюдал в кантоне Цюрих последовательниц секты пастора Целлера в Меннедорфе. Пастор этот олицетворяет собою род пророка, берущего на себя излечение больных и силящегося подражать Христу и Иоанну Крестителю. Благоприятные случаи действительного исцеления, легко объясняемые внушением, он, однако, ставит в связь с чудом и в хрустении кости какого-нибудь перелома, как он объясняет, проводит исцеление. Истерические женщины мае

сою окружали этого пророка, причем личность его, как таковая, заключала для них главные мотивы обаяния. Бывшие у меня на лечении в больнице некоторые из его поклонниц в восторженных отзывах о нем исходили исключительно из плотских побуждений. Приходится вообще сделать вывод, что отречение человека от своей природы и стремление к чистой святости нередко дают в результате одну только грубую чувственность, хотя и прикрывающуюся возвышенными фразами.

У швейцарского поэта Готфрида Келлера мы находим великолепно использованные мотивы эротизма на религиозной почве, между прочим, в его семи легендах. В его «Dorotheas Blumenkorbchen», например, жених Доротеи ревнует ее к жениху небесному, о котором она беспрерывно упоминает. Она в красивых выражениях представляет те ласки и любовь, которую окружает ее жених на небесах, прижимающий ее к своей любящей груди и преподносящий ей розу вечной жизни. Когда ее, по приказанию штатгальтера, подвергают пытке, растянув на железной решетке, под которою разгораются угли, она начинает испытывать мучительную боль. И в это время к ней устремляется ее земной жених с печальным возгласом: «ты страдаешь, Доротея». В этот момент Доротея как бы перерождается и с просветленным взором отвечает: «О, нет! как могу я страдать, когда я вся на розах моего жениха! Сегодня ведь наша свадьба!» Келлер указал здесь на влияние экстаза (гл. XVIII), обусловившее полную нечувствительность (анэстезию), наблюдавшуюся у многих мучеников.

У Гете мы тоже находим изображение эротически-религиозного экстаза. Это можно, между прочим, ветре-

титель в мистически-эротических обращениях анахоретов в
последней сцене второй части Фауста:

Pater extaticus (возносясь и
опускаясь):

Вечный восторг живой,
Пламя любви святой,
Муки кипучей сласть
Пенная божья страсть!
Пусть я сгорю во прах,
Пусть я сгнию в цепях;
Бей меня на смерть, гром,
Рухни, скала, кругом, —
Плоть мою, тлен страстей,
Всю умертви!
Пусть лишь горит ясней
Семя любви!

Doktor Mariani (восхищенно):

О, владычица, молю:
В шири неба синей.
Соизволь, что я твою

Тайну видел ныне!
Соизволь, чтобы восторг,
Крепкий в сердце мужа,
Пред тобою я исторг,
Вырвавши наружу!
Крепки мы безмерно там,
Где ты управляешь,
И ты пламень сердца нам,
Кротостью смиряешь.
Мать, во славе без конца, Чистая
девица,
Богоравная, Творца Милостью
царица!
Пороку недоступная.
Ты внемлешь с снисхождением,
Когда душа преступная
Приходит с сокрушением,
Когда б не так, — падение Кого б
не погубило?
И кто б достиг спасения Одной
своею силою?

Где те стопы, что устоят Или
скользить не станут?

А

нежной лестию чей
взгляд

И слух чей не обманут?

Magna peccatrix (St. Lucae VII, 36).

Ради всей любви смиренной,

У господних ног явленной,

Ради слез, пролитых мной,

Ради смешанных с слезой

Мира струй благоуханных,

Ради кос моих густых.

Миро стерших с ног святых, —

Chorus mysticus:

Лишь женственность вечная

Нас к небу подьемлет!

Как я уже говорил, отсюда вовсе не следует, что религия зиждилась исключительно на половых чувствах, так как такой взгляд был бы в такой же мере односторонен, как и неверен. Происхождение религии базировалось, между прочим, еще и на необъяснимой загадке смерти и бытия, на ощущении бессилия, на утешении в горестях существования, на бессмертии души и пр. Но все же в религиозных традициях и внешней показной стороне

ловые основы, действовавшие возбуждающе не только на твердо верующего, но и на вновь посвященного.

(Можно сравнить, например, нижеследующее поэтическое излияние:

Возьми меня, собаку, за ухо,

Брось мне кость милости

И швырни меня, греховного болвана,

На небо всепрощенья!

(Из книги песен Гернгутера).

Не содержа в себе ничего сексуального, это отталкивающее самоунижение напоминает нечто мазохистское, Оно в состоянии, во всяком случае, возбудить в мазохисте плотские вожеления и гипнотически повлиять на слабохарактерного).

Науке во всей ее чистоте и полноте и предстоит освободить половые отношения от ярма религиозной тирании и дать им их естественное место наряду с человеческой этикой.

Не отрицаю известного воздействия на чувства человека той религии, которая базируется на вере в откровение, на бессмертии души и на представлении о «рае для достойных» и «аде для грешных». И на самом деле, перспектива вечных мук в загробной жизни действует пугающе на многие слабые натуры, которые стараются взять себя в руки и согласовать свои поступки, поскольку возможно, с велениями нравственности. Если уверенность в том, что земная жизнь есть лишь подготовка к загробной жизни, достаточно сильна, то это, в свою очередь, может послужить источником многих похвальных и

самоотверженных поступков. Но на этой вере одновременно основываются и продукты невежества, и слепой фанатизм, и нетерпимость, и тупая враждебность к законам человеческой этики? Должны ли мы строить жизнь человеческого общества на фата-моргана, на пустых мечтаниях и галлюцинациях мнимых продуктов и служителей божьих, большей частью невежественных, развратных и честолобивых, с легким сердцем создававших свое собственное благополучие на велениях божества! Мы твердо говорим: «Нет»! Всемогущество вселенной вовсе не нуждается во всех этих непонятных и старых легендах, чтобы предстать перед сознанием человека, когда оно может это сделать при ослепительном сиянии дня. И единственно мы имеем достаточно твердое представление о человеческой этике, которая пусть и послужит для нас основной и руководящей частью религии.

В своем месте мы пришли к заключению, что в животном царстве чувства симпатии представляют собою филогенетические отклики первоначального их проявления, в виде чувств полового стремления. Аналогично мы видим, что и у людей чувство любви, не получившей взаимности или же потерявшей надежду, отчаивающейся и страдающей, находит себе исход в экстазе религиозности. Нас интересует вопрос, является ли такая последовательность неизбежным ходом вещей, или же тут может иметь место замещение этого чувства объектом общечеловеческого характера, без участия мистических начал. Если мы будем считаться с тем, что крайняя религиозность не всегда совпадает с чувственной любовью, то элементы человеческого возмущения тут, очевидно, будут уже налицо. При отрицательном же выводе, все же можно констатировать достаточное количество чисто человеческих идеалов, которые смогут переродиться в «ре

лигиозные», с таким же правом, как и мистика божественного откровения. Христианство носит название «религии любви», а апостол Павел ставит выше веры любовь к ближнему. Но ведь и любовь к ближнему может быть рассматриваема в качестве синтеза социальных чувств симпатии как к современному, так и грядущему человечеству? Разве она не может найти себе иного основания, кроме документа, стоимость которого покрывается райскими перспективами? И разве святость, иллюзии, экстаз не могут найти себе применения в более благородной и одухотворенной форме во имя общественных идеалов и будущих благ нашего потомства? И не представляется ли возможности на месте культа предков и прославления библейских сказаний воздвигнуть религию счастья наших преемников? Религиозный экстаз любви может быть, на самом деле, по моему мнению, использован в интересах общественного блага. Фанатизм, в нем заключающийся, обладает значительной энергией, способностью сдвинуть с места человеческую инертность. Но эта сила не должна быть предназначена для поддержания фантастических представлений, а для насаждения общечеловеческой религии любви в пределах нашего земного существования.

Глава XIII

Право в половой жизни

А. Общие понятия о праве.

Человеческое представление о праве является довольно своеобразным. Всякий считает долгом кричать о праве и свободе, но при этом имеет в виду лишь самого себя, не обращая внимания на то, что в интересах осуществления своих собственных «неотъемлемых» прав он ежеминутно посягает на чужие права. Свобода и право столь же красиво звучат, как понятия, сколько и непримиримы в практической жизни. Мое право на свободу в моем представлении, в смысле всестороннего проявления моего "я" в связи с моими чувствами, — есть нечто невозможное, т. е. неосуществимое без того, чтобы не нарушить прав и свободы всякого мне равного. Но люди не устают, тем не менее, распространяться в высокопарных выражениях на ту же тему, клеймят презрением и осуждают существующие общественные установления, подчеркивают отрицательные качества окружающих, но пасуют перед практической оценкой противоречия, обусловливаемых скрытым в них самих стремлением к свободе. Во всем этом следует видеть проявление инстинктивного, филогенетического чувства недовольства и протеста со стороны унаследованной нами и сильной еще в нас зверской породы, не удовлетворяющейся обязательным игром общественной **жизни** и не перестающей искать удовлетворения в безграничном просторе по лицу всей земли, уже достаточно тесной для человеческого рода.

Человеку, таким образом, свойственно желание расширить свободу своего "я" вне тех ограничений, которым он обязан подчиниться в силу социальной необходимости. Его природа еще довольно близка к природе животного, полукочевого, отчасти семейного, любящего охоту и власть, имеющего немало эгоистических потребностей наслаждения. И теперь в пределах отведенного ему пространства, он ежеминутно натывается на себе подобных и на такие же стремления и вожделения, которые свойственны ему самому, и которые поработают его собственное "я". На этом и базируется его вопль протеста, который, однако, является необходимым в интересах выработки соответствующей формулы социального освобождения и применения ее в жизни. Эта нужда особенно сильно дает себя чувствовать в половом вопросе.

Что же тогда представляет собою человеческое право? Раньше, чем остановиться на формально установленных данных, мы подразделим собственно право с точки зрения психологической и общечеловеческой на две категории обособленных понятий: естественное право и право обычное.

Естественное право. Под ним мы разумеем относительное представление, а именно: право на существование и вытекающие из него условия. Но в зависимости от того, что на созданной, как полагают, божеством земле существование одной твари обуславливается гибелью других, то наиболее древним естественным правом каждого живого индивидуума является право пожирать другой индивидуум. В этом и заключается право сильного, причем абсолютное естественное право и представляет собою право сильного.

Мы займемся, однако, понятием об относительном естественном праве. Сюда относятся лишь определенные группы живых существ, причем и относительность эта двойная. В зависимости от этого понятия определенная группа индивидуумов берет себе право нарушать как угодно права других групп, но у нее уже создаются и известные обязанности каждого из индивидуумов по отношению к остальным членам той же группы, причем права этих последних охраняются им, как и свои собственные. Групповое право, стало-быть, представляет собою социальные права и обязанности. Наиболее совершенную организацию группового права у животных мы видим у муравьев. Здесь каждый участник группы (муравьиной колонии) может уничтожать и обижать все, не имеющее отношения к его собственной колонии (группе). В пределах своей же группы ему полагается корм, жилище, при праве на удовлетворение всех своих индивидуальных потребностей, но зато он обязан участвовать как в созидательной, непрерывной работе, так и борьбе, конечной целью которых является сохранение жилья, добывание корма, воспроизведение и защита от какого угодно воздействия со стороны внешнего мира. Все эти права и обязанности здесь стали вполне инстинктивными и, стало-быть, обуславливаемыми естественной организацией муравьев, независимо от воздействия каких-либо законодательных установлений. Здесь же не будет места и воплю обиды человеческого хищного зверя, в виду инстинктивности и сопряженного с чувством удовлетворения исполнения этих обязанностей. Если бы единичный муравей пожелал бы ничего не делать или только наслаждаться, то никто не стал бы его неволить, но у него этих желаний вовсе и не является. Только на почве такого социального самопожертвования и могло возникнуть

общество муравьев, которое немедленно разрушилось бы при отсутствии такового.

Что же касается представления о естественном групповом праве у человека, то здесь мы сталкиваемся с значительностью и трудностью их возникновения. Впервые инстинктивное человеческое групповое право распространяется только на его семью и окружающую его среду, хотя и здесь уже имеется масса оговорок. Начинаются раздоры между членами брака и семьи, между братьями и сестрами, родителями и детьми, завершающиеся нередко отцеубийством, братоубийством и детоубийством. Если же выйти из пределов ограниченного круга семьи, то ведь и в настоящее время между отдельными личностями практикуются в самых широких размерах обман, воровство и еще худшие проявления зверского инстинкта, на почве же классовой борьбы допускаются не менее отвратительные злоупотребления... Частные интересы, стало-быть, всюду и везде берут верх над общечеловеческими. Мы видим, таким образом, торжество хищника в природе человека, при весьма слабом развитии инстинкта общественности в его мозгу. И если мы все-таки считаемся с наличием человеческих обществ, то происхождением последние обязаны почти исключительно навыку, но отнюдь не природным человеческим свойствам. В примитивные времена такие групповые единицы состояли из маленьких общин, которые с своей точки зрения на все остальное человечество и весь мир смотрели, как на добычу. Наличие каннибализма подтверждает, что хищность была в более значительной степени свойственна первобытному человеку, чем его обезьяноподобному прародителю. Но общества объединились, причем сильные проглатывали более слабые, вкушена была сладость причинения страдания другим на почве

властолюбия, и, наконец, пришлось считаться с ограниченностью всей земной поверхности. Тогда и создалось представление о человечности, о правах личности: «*Homo sum et nihil humani a me alienum puto*» (я человек, и ничто человеческое мне не чуждо).

Можно отсюда заключить, что должна рассчитывать с течением времени на последовательное развитие относительность группового права у человека, вплоть до того момента, когда она станет достоянием всего человечества. С другой стороны, представляется довольно трудным установить понятие о человечестве, обнаруживающем способности к социальному образованию или цивилизации. Пропасть между высшими представителями человечества и низшими обезьянами чрезвычайно велика, и ни в каком случае не может быть переброшен мост для ныне живущих существ. Мы, однако, стали приходить к последовательному признанию за животными, близко стоящими к человеку, права на жизнь, но вместе с тем пришли к заключению, что есть некоторое количество современных человеческих рас (акка, ведды, негры), ни в каком случае негодных к усвоению нашей культуры. И настанет момент, когда придется выбирать между этими низшими расами и существованием нашим и нашей культуры. Мы не будем здесь останавливаться над проведением границы человеческой культуры или определением начала относительного группового права; мы не будем здесь задаваться вопросом, в каких именно пределах заключаются обязанности культурного человека по отношению ко всему миру остальных живых существ, в каких размерах ему предоставляется извлекать из них пользу, применять для работы, употреблять в пищу и даже истреблять, если это будет сопряжено с запросами его собственного существования. Этот вопрос почти решен при

менительно к растительному миру и к миру животных, ниже оранг-утаига. Что же касается людей и таких племен, которые расовыми отличиями стоят значительно ниже нас, то здесь трудно сказать что-нибудь в окончательной форме. Здесь необходимо считаться с этим расовым различием, так как, вне всякого сомнения, в интересах культурных рас развиваться в мирном соседстве, а не тратить энергию на взаимное истребление. Люди чувствительные не простили бы нам вышеизложенного мнения без этой научной оговорки. Мы не будем брать примера со страуса, прячущего голову в песок, а смело посмотрим грядущему в лицо, так как это единственный путь для приведения в исполнение полезного и хорошего. И тогда мы придем к заключению, что естественное право человека будет постепенно видоизменяться, превращаясь в комплекс социальных прав и обязанностей применительно к единой объединенной группе, которую будем называть культурным человечеством, и границы которой будут последовательно определяться практическим путем. Считаюсь, однако, с такой точкой зрения, естественное право не так скоро еще будет усвоено даже культурным человеком, носящим в себе инстинкты дикого зверя. Мы будем, поэтому, откровенны, если скажем, что «естественным» это право может быть названо лишь весьма условно.

Человеческое социальное право носит в себе элементы искусственности, причем на долю естественности приходится лишь ограниченное количество первоначальных прав и обязанностей, преимущественно в половой области. Сюда относятся инстинкты, в силу которых свойственно стремиться к сохранению семьи и ее защите. Мы отнесем сюда и право на существование, на труд и обязанность трудиться, а также право ребенка на вскармле-

ние его матерью, на воспитание и защиту родителями, которым кормление детей вменяется в обязанность, а также обязанности мужа по отношению к жене, право на добывание пищи, удовлетворение полового стремления и т. д.

Можно насчитать еще целый ряд таких же групповых прав, которые, в силу своей необходимости, носят тот же термин «естественных». Сюда относится право владения жилищем, защиты своего существования от чужого посягательства, право мыслить по собственному своему усмотрению, однако, без навязывания своих мыслей чужим, а также обязанность относиться с уважением к жизни и собственности чужого, принимая на себя заботу о нравственном и физическом воспитании юношества и т. д.

С другой стороны, если исходить из беспристрастного взгляда на вещи, возникает спорность таких общеизвестных прав и обязанностей, которые по настоящее время принимались за непреложные и, в силу этого, естественные. Мы имеем здесь в виду права и обязанности, связанные с церковью, религией, отечеством и национальностью, а также права военные и т. д. Относясь беспристрастно к вопросу человеческого развития, мы должны констатировать, что последние права и обязанности являются лишь историческими насильственными приобретениями ограниченных, искусственных человеческих групп. Здесь, очевидно, дело сводилось к совместной защите национальных и религиозных установлений, а также и к покорению других человеческих групп с целью использования их, что и обусловило такого рода относительные права и обязанности. В связи с этим, мы и подходим к следующей категории правовых представлений.

Обычное право. Это право, если рассуждать строго, вовсе не право. Под ним мы должны понимать объединение всех возможных и даже невозможных обычаев, благоприобретенных людьми в зависимости от местных и случайных отношений и освященных одной общей догмой. В состав его вошли такие неустойчивые понятия, как естественное право сильного, мистический элемент, страсти человеческие во всех их проявлениях и в большем размере половое стремление. Нелепость и необоснованность обычного права всего лучше иллюстрируется иногда различиями или же прямою противоположностью параллельных правовых представлений у различных народов. В то время, когда в одном месте многоженство является правом и установлением свыше, оно в другом будет преступлением. Таким же преступлением считается и единичное убийство, в то время как массовые истребления людей на войне возводятся в добродетель. То же можно сказать и относительно воровства и грабежей, преступных в мирном состоянии людей и считающихся честным осуществлением прав победителя. При монархическом образе правления преступным считается оскорбление величества, но стремление к единовластию в демократическом государстве, наоборот, строго наказуемо. Католику вменяется в обязанность, когда он это найдет нужным, прибегнуть ко лжи и *reservatio mentalis*, но строго воспрещается призывать имя бога, клясться религией при заведомой лжи. И одновременно, вне последней клятвы, всякая иная ложь считается не больше, как дурным делом или грехом, или чем-то недостойным (пусть слова твои будут «да», «да» и «нет», «нет»).

Как недуг злой, из рода в род

Свои права, узаконения

Упорно ряд веков несет Одно
другому поколенью. Исчезнет
мудрость, встанет зло... И горе
вам, рожденным ныне! Чтоб право
юное пришло,
О том не слышно и в помине!...
(Мефистофель в «Фаусте» Гете).

Обычное право различных народов изобилует многочисленными противоположностями, отсутствием последовательности, ненормальностью и деспотией, но не дальше ушли и мы с нашими обычными правовыми представлениями, исходящими из римского права.

Вслед за правом сильного человечество последовательно усваивало и новые правовые представления, причем во главе угла ставилось право воздаяния или мести, так называемый закон Линча, который гласит: «Око за око и зуб за зуб». Такое право мести следует считать вполне «естественным», вполне человеческим, правда, исходящим из полуживотного инстинкта, но благотворным в том смысле, что в первобытной форме и независимо от внутренних побуждений создается основа для равноправия людей в том случае, когда нарушены их интересы. Древнее право дает, однако, еще и другое представление искупления, обусловленное религиозной мистикой. Человек, благодаря свойственному ему чувству страха, взвалил на себя божество, которое воображение его наделило всевозможными человеческими страстями, приписав ему способность возмущаться человеческими

дурными поступками и свойствами. Благодаря этому человек решил для снискания расположения божества умиротворять его человеческими жертвами, причем на первых порах объектами являлись не непременно преступные элементы, а большею частью несчастные и ни в чем неповинные люди, подвергшиеся пыткам и приносившиеся в жертву лишь с одной целью успокоить вышедшее из состояния равновесия божество. Впоследствии этот обычай проникся некоторой гуманностью среды, причем возникло представление о возможности искупления. Таким образом, преступление искупалось соответствующим наказанием, — вплоть до смертной казни. Что касается современного уголовного права, то и оно в свою очередь смешивает такие два понятия, как искупление и возмездие, причем мы встречаемся с квалификацией преступлений, как направленных против божества или религии и в зависимости от этого подлежащих искуплению и наказанию. Здесь замечательно это смешение религиозных и правовых представлений.

Благорасположение божества путем принесения в жертву животных и других даров, практикуемое многими дикими народами в виде благодарности, просьбы и по другим причинам, должно считать, в меньшей мере, странным. По-видимому, предполагалось удовлетворение вожелений божества, которые люди антропоморфически ему приписывали.

Но все же уже в древности идеал права представлялся Фемидой, богиней правосудия, изображавшейся с повязкой на глазах и весами в руках. Назначение весов было, очевидно, символическое, для указания необходимости точного взвешивания права и нарушения его в каждом отдельном случае. Что касается повязки, то и здесь ею указывалось на беспристрастный образ дей

ствий судьи. В связи с господствовавшими в те времена представлениями о наказании и искуплении, такое символическое изображение женщины с весами было достаточно точным олицетворением права. Умы людей тогда еще не занимали такие понятия, как психология человеческой природы, душевные расстройства, связанные с уменьшением вменяемости, а также высшие общественные идеалы. Тот судья считался недостойным, который за вознаграждение подвергал наказанию невинного, освободив виновного от ответственности. В этом случае Фемида освобождалась от повязки и пристрастно, но без трудности, надавливала на ту чашку, которую желательно было спустить. Но это не мешало слепой Фемиде быть безусловно непартийной, в каком отношении она и в настоящее время заслуживает уважения. Положение Фемиды значительно осложнилось в наши дни, благодаря успехам гуманности и знаний, а также психологии и психиатрии. И здесь она иногда освобождается от повязки, но отнюдь не в партийных интересах, а во имя справедливости, чтобы отчетливо составить себе мнение о людях. На первом плане уже не вопрос о том, совершен ли обвиняемым данный проступок, но является необходимым считаться с побуждениями и окружающими обстоятельствами. Человеческий мозг атакуется со всех сторон алкоголем, душевными аномальностями, воздействием внушения, страстями в такой степени, что часто возникает вопрос о вменяемости. К тому же является большое сомнение в том, насколько человеку свойственны свободный выбор и абсолютная свобода воли, которые считались непреложными с точки зрения устаревшего уголовного правосудия. Мы пойдем дальше и назовем такой взгляд на вещи полной иллюзией, обусловленной тем обстоятельством, что нам не свойственно сознавать отда-

ленное побуждение наших проступков, остающихся вне нашего сознания и поэтому нам неизвестных. Это было сформулировано еще великим Спинозой и всесторонне подтверждается современной наукой. Если предположить, что всякий поступок вызывается соответственной причиной, то и, естественно, наши заключения также будут находиться в прямой функции от деятельности нашего мозга, которые, в свою очередь, обусловлены будут унаследованными и усвоенными энграммами в качестве внутренних, сочетавшихся с внешними, причин. И если мы придем к заключению, что старая истина о свободе человеческой воли есть ложь в самой основе, причем эта воля представит собою видоизменяющуюся способность нашего мозга приспособлять свои функции к окружающей обстановке и людям (обществу); если мы будем считаться с тем, что воля наша находится в непосредственной зависимости от сочетания наследственных энергий (характера) с теми из них, которые действовали на нас во всю нашу жизнь, вместе с воздействием чувства рассматриваемого момента, — то право, как таковое, и, между прочим, уголовное право предстанут перед нами в совершенно ином свете. Исчезнет представление о возмездии, являющемся варварским пережитком животных чувств мести, в сфере которых жили наши предки; исчезнет и искупление, как продукт дряхлого и мистического суеверия. Юридическая реформа в настоящее время это уже имеет в виду. Мы можем считаться, в связи с вышесказанным, еще с двумя основными причинами, дающими возможность оправдать существование права:

- 1) Обеспечение безопасности человеческого общества препятствием, воздвигаемым преступнику, в его дальнейшей вредоносной деятельности, причем определенное установление и законы предусматривают интере

сы общества, имея целью предоставление людям наиболее удобных и естественных условий существования.

2) Ознакомление с мотивами преступления и изучения всех различий между представителями сословий, в интересах усовершенствования людей и улучшения их общественного положения.

Здесь, как мы видим, в основу положено совершенное видоизменение тех правдивых представлений, которые не только достались нам в виде дряхлых форм, но и принадлежат современным гражданским правовым представлениям. Это видоизменение частью уже приводится в исполнение, причем изъято будет право из когтистых объятий одряхлевшей метафизически-религиозной догматики и в дальнейшем будет считаться лишь с прикладными естественными знаниями, определяющими личность человека, которому, между прочим, тогда лишь по справедливости и присвоена будет характеристика Линнея: «*Homo sapiens*». Прошла пора, когда юридика захлебывалась в прикладной метафизике, базируясь на варварских обычаях, суеверии и мистике, возведенных в догму. Пусть Фемида освободится от своей повязки, усвоит психологию и научные знания и начнет функционировать, не считаясь ни с партиями, ни с трудностью работы, но исходя лишь из основ человеческой справедливости.

Великий современный профессор уголовного права Ф. фон-Лист, который, как известно, обосновывается на естественно-научной почве, все же считается с тем, что наше общество, погрязшее в омуте предрассудков, должно лишь последовательно подготавливаться к такому положению вещей. В новейшее время известный юрист д-р Эрих Вульфен выпустил в свет сочинение: «*Psychologie des Verbrechers*», 1908, которое он заключает следующи

ми словами: "Словом, повсюду и везде знаки и чудеса! Известный вопрос профессора Биркмейера, в Мюнхене, знатока классической уголовной школы: «Что ж тогда ф.-Лист оставляет от современного уголовного права? Этот вопрос отпадает сам собою. От современного уголовного права, если все указания не ошибочны, в будущем ничего не останется».

К выводам этого сочинения, заключающего в себе свыше 1000 страниц, я должен целиком присоединиться, так как я давно уже высказался в этом же духе. «Почему, когда и где заключают людей в дома для умалишенных? Сумасшествие, закон, мораль и карательные установления», в отчете цюрихского общества оказания помощи душевно-больным, за 1884 г. — и затем: *Lieber die Zurechnungsfähigkeit des normalen Menschen*, München, 1901.

Если половые чувства обуславливают наиболее сокровенные и священные данные для индивидуального счастья, то в такой же мере они находятся в тесной связи с общественным благополучием человека. В этой сфере представляется чрезвычайно затруднительным достаточно стройное сочетание общего блага с интересами отдельного лица, вследствие чего половые правоотношения меньше всего поддаются исследованию. Мы уже указывали на удовлетворение полового стремления личности, как на его естественное право, что и подтверждается выводом науки. Но в жизни это положение является очень часто роковым, ибо удовлетворение полового стремления не только непосредственно затрагивает других людей, но может отразиться и на большом количестве третьих лиц, причиняя больше вреда, чем удовольствия. Это зависит, главным образом, от воспроизведения, без наличия которого возможно было бы гармоническое сочетание индивидуализма с социализмом.

Успешно сделав уже некоторые крупные культурные завоевания, современное нам право все же склонно еще основываться на варварском мнении о неравенстве полов в правовом отношении. Не отрицаем, что качественно душа мужчины и душа женщины все же различаются между собою. Но при отсутствии в нашем обществе бесполовых индивидуумов, когда представители обоих полов должны совместно работать на социальной почве, никакие соображения не могут послужить в пользу необходимости подчинения в правовом смысле одного пола другому. Даже считаясь с тем, что мозг мужчины тяжелее мозга женщины на 130 или 150 граммов, причем он изобретательнее и утонченнее, все же нельзя видеть в этом разумных данных для мужчины урезывать, сравнительно со своими собственными, социальные права своей половой подруги жизни или своей матери. Его ведь не пугают какие бы ни было приемы захвата со стороны женщины, так как он располагает превосходящею физической силой. На первом плане, поэтому, социальное уравнение прав обоих полов. Дети перестают в дальнейшем рассматриваться, как мы это наблюдали до сих пор (см. главу VI), в качестве собственности или полезных вещей. К этому и сводятся основные понятия в естественном половом праве. Животным совершенно чужды те злоупотребления, какие практикует человек применительно к своей семье. Мы рассмотрим теперь более специальные положения.

Б. Гражданское право и его аналогии (кроме уголовного права).

Гражданское право, вместе с государственным и общественным, имеет своим специальным назначением установление равновесия во взаимоотношениях людей. В его функции не входит наказание, в смысле искупления, и его не касается преступление, как таковое. Оно стремится установить социальную основу для регулирования взаимных договоров и обязательств, но оно соприкасается с уголовным правом в зависимости от представления о гражданском возмещении убытков и применении, в случае необходимости, административных принудительных мер. Это право в большей степени исходит из естественных соображений и имеет более тесное общение с потребностями и социальными условиями человека, — однако, и оно не свободно от влияния религиозной мистики и скверных обычаев, встречающихся в нем довольно часто. Мы, на этот раз, желаем разобраться, применительно к нашему вопросу, в том, что имеется налицо, и что является предметом желания. Впрочем, подробности законодательного свойства не будут здесь служить предметом наших рассуждений, ибо я не располагаю для этого достаточными сведениями специалиста, да и к тому же мы совершенно отвлеклись бы от нашей темы.

Брак и половые отношения, как таковые. Отсылаю к тому, что было уже приведено нами в главах VI, VIII, X, XI и XII, а также прошу считаться с изложенным в предыдущих главах. Совершение полового акта двумя индивидуумами, свободно на это решившимися и не причиняю

щими при этом никакого урона третьему лицу, должно рассматриваться в качестве частного дела, столь же обычного, как рукопожатие или поцелуй, и, во всяком случае, ничего общего не имеющего ни с гражданским, ни с уголовным правом. Этот принцип является непреложным, хотя в настоящее время он и подвергается всевозможным стеснениям. Ограничение индивидуальной свободы может быть тогда лишь предоставлено обществу, когда приведение в исполнение этой свободы сопряжено с нанесением ущерба кому-либо из его членов. Но свободное совершение полового акта людьми взрослыми и вменяемыми, поскольку он не сопряжен с дальнейшими результатами, не приносит никакого вреда ни обществу, ни отдельным его членам.

Однако, в практике права встречалось упорное противодействие этому взгляду. У многих народов, преимущественно у германских, конкубинат, или совершение полового акта вне брака, наказывается. Если же его и терпят, то, во всяком случае, относясь к нему недоброжелательно, причем женщина и дети являются здесь жертвами искупления. Несмотря на то, что приведенные нами раньше предписания католической религии в изложении Лигори, касающиеся подробностей совершения полового акта, и являют собою не больше, как предписания церкви, но все же их влияние на отношение в католическом браке довольно велико.

Что касается гражданского права, то совершение полового акта признается им исключительно в форме брака. Но последовательное видоизменение брака от полигамии (полигинии в узком значении) через моногамию к полиандрии и от кратковременного брака до обязательного соединения на всю жизнь (у католиков) или вплоть до практиковавшегося в Индии обычая, когда жена еле-

довала в могилу за мужем, — было уже изложено нами в главе VI. Религиозные предания (сами являющиеся последствием варварских обычаев) занимают наиболее видное место в брачном праве, чем и объясняются те невероятные усилия, с которыми принцип гражданского брака обеспечил себе право на существование в большинстве культурных стран. И в настоящее время церковный брак является единственной формой, господствуя, в качестве главного обычая, рядом с гражданским браком. Этим подтверждается, в какой мере сильны в нас предания, согласно которым, между прочим, брак рассматривается, как божественное установление или данный богу и не подлежащий отмене обет. Мы касались уже подробностей религиозных брачных установлений в главах VI и XII. Вполне понятно, что современная гуманно-социальная точка зрения допускает лишь возможность гражданского брака, причем формальности в браке, имеющие, отношение к религии, должны рассматриваться, как частное дело. Эти религиозные обычаи ничего общего с государством и обществом не имеют, и следует не жалеть ни энергия, ни сил для борьбы с ними, как государственными установлениями.

Вникнем же в сущность гражданского брака и ответим на вопрос, чем ему следует быть? В современном своем состоянии гражданский брак представляет собою как бы робкую пробу, сильно нуждаясь в усовершенствовании. Под этой формой следует разуместь договор между двумя представителями противоположного пола, преследующий цели совместного воспроизведения. Однако, и в этой форме закон берет на себя больше забот о взаимоотношениях супругов, чем об интересах грядущего потомства, которое, казалось бы, единственно и должно было бы привлечь к себе внимание законодателя. Кроме

того, неизбежно чувствуется здесь еще и зависимость женщины, благодаря чему гражданский брак много теряет в своей принципиальности.

И действительно, в основу гражданского брака должно быть первым делом положено как безусловно правовое равенство, так и такое же отделение имущества каждого из супругов. Совершенно ненормальным является такого рода порядок, согласно которому женщина за мгновенное любовное опьянение платится всем своим имуществом в пользу мужа. Впрочем следует надеяться, что это наследие диких времен совершенно исчезнет из нашего гражданского права. Однако, в тех случаях, где женщина располагает достаточными правами, она при наличии скверного характера, в свою очередь, будет вредить мужу, опираясь на общность имущества. Должно усвоить также и более правильный взгляд на функции женщины, как хозяйки в совместной жизни; причем ее работа не будет представлять собою чего-либо обязательного, а рядом с работой мужа внесется в ее личный кредит. Общность имущества должна быть вычеркнута из обихода, как безусловно вредная и лишняя гражданского правового смысла. Пока супруги объединены могучим чувством любви, общность эта будет практически осуществляться и независимо от легализированных форм. Но если семья раскололась, то общность имущества должна считаться, в свою очередь, больше не существующей, в интересах честно трудящейся стороны и потомства. При таком взгляде на вещи сведено было бы на-нет много отрицательного, вытекающего из брачных взаимоотношений, и даже при счастливом во всех прочих отношениях браке последний не мог бы страдать от расточительности кого-либо из супругов, могущей вредно отразиться на семье.

Продолжительность брака тоже играет важную роль. В тех случаях, когда брачный договор обуславливает абсолютную половую верность, развод, конечно, лишен всякого смысла, но, вместе с тем, какой несообразностью является насильное приковывание друг к другу двух людей, которые не желают и не в состоянии влачить вместе дальнейшее существование. Развод, в виду этого, нужно считать гражданско-правовой необходимостью, которая, разумеется, не представляет собою идеала, но является верным способом для прекращения разложения семьи.

Из причин, обуславливающих развод, на первом месте стоят венерические болезни, расстройство мозговых функций, неверность в браке и вообще порочный образ жизни, преступность, но, главным образом, постоянные раздоры и неуживчивость. Не редки случаи, когда развод бывает следствием бесплодия или импотентности, хотя, с другой стороны, полигамия или полиандрия, не принявшие слишком больших размеров, предпочтительнее развода. Мне вспоминается один случай, когда жена, вынужденная душевным расстройством своего мужа, получила развод и вышла снова замуж. Однако, она продолжала весьма аккуратно посещать его в психиатрической лечебнице и, когда его состояние несколько улучшилось, поместила его у себя вместе со вторым мужем, который, в свою очередь, считал это вполне правильным. При наличии детей развод значительно осложняется, о чем будет сказано ниже. Если закон допускает возможность превращения брака во временный договор, то очевидно, мы здесь недалеко ушли от свободных любовных взаимоотношений. Чтобы избежать нежелательных последствий, мы должны принять во внимание все те причины, которые, независимо от появления потомства способны

обусловить гражданско-правовое значение половых отношений. Гражданский закон может урегулировать правовые отношения и внебрачных детей, дав им права, одинаковые с родившимися в браке, что явилось бы лишь самым элементарным актом справедливости.

Тому же гражданскому праву необходимо запретить вступление в брак несовершеннолетних. Общество обязано вмешиваться в этом случае, так как незрелый ребенок сам еще нуждается в защите, и, во всяком случае, половые сношения являются для него преждевременными. Вообще же для девушек, моложе семнадцати лет и для мальчиков восемнадцати-двадцати лет половые сношения ни в каком случае не могут быть допустимы, в интересах здоровой социальной и индивидуальной гигиены, а стало-быть, и нормального гражданского права. Это же целиком применяется и к душевно-больным. Правда, это очень серьезный вопрос. И в самом деле: нужно ли насильственно отделить друг от друга такую пару, когда одна сторона душевно заболела, в то время как другая этого не желает? В Германии такой брак объявляется недействительным. Мы об этом еще будем говорить, но пока укажу лишь на то, что вредные последствия в таких случаях происходят, главным образом, от появления потомства. Поэтому важно лишь, чтобы в таком браке больше не рождалось детей. Вообще же будущему предстоит полное решение этого вопроса.

Мотивом для развода могут служить также такие физические недостатки, которые остались необнаруженными до вступления в брак. Однако, закон здесь считается лишь с интересами потерпевшей стороны и, если это нужно, предупреждает рождение калек. Но не в его

компетенции высказывать свое мнение о половых отношениях и об их прекращении.

Важным является вопрос о прелюбодеянии, который, однако, тоже нуждается во вмешательстве со стороны закона. В связи с обнаруженным прелюбодеянием, пострадавшая сторона раньше всего имеет право на развод, получая и некоторые преимущества. Но при таких случаях браконарушений, когда, с согласия обеих сторон, они выливаются в бигамию или биандрию, ни гражданскому, ни уголовному закону здесь нет места. Под таким случаем мы разумеем такой, когда, например, супруги, в силу каких-нибудь личных соображений, желают продолжать сожитительство, но в связи с обнаруженной импотентностью или же бесплодием у одной из сторон, другой предоставляется право на половые сношения вне брака. В таких случаях интересы третьего лица или общества остаются незатронутыми, и стало-быть, правовое вмешательство является неуместным.

Сложным представляется разрешение вопроса, как быть в тех случаях, когда развода требует одна из сторон, но на нее не согласна другая, причем для развода мотивов не имеется. В этом случае почти ничего нельзя сделать в борьбе с капризами «бога любви». Закону при таком обороте дела следует считаться прежде всего и единственно с правом потомства от этого брака, причем на неверном супруге лежит и обязанность содержания семьи. Закону не подлежит охранять всякие гражданские права той стороны, которая не посягает на нарушение брачных отношений. Необходимость имущественного разделения сказывается здесь очень ярко. Но, с другой стороны, я не вижу смысла в поддержании брака, которого одна из сторон и знать не желает, так как практические результаты при этом сводятся к нулю. Здесь, во вся

ком случае, мы считаемся с моралью в тесном ее применении, но не с правом, и сердечная угнетенность продолжающей оставаться верною стороны будет вполне одинакова независимо от формы брака, законного ли или конкубината. И здесь закону делать нечего, если не считать попыток к примирению.

Здесь мы останавливаемся перед запутанными отношениями. Мы убедились уже в том, что необходимо во многих случаях ограничение права на удовлетворение полового стремления, как сопряженное с нарушением прав других лиц. Наибольшее осложнение заключается в том, что такое удовлетворение (не считая патологических случаев) нуждается в участии двух существ, из которых одно получает удовольствие, другое может считать его для себя оскорбительным или вредным. Этот случай входит уже в компетенцию уголовного права, при рассмотрении которого мы этого и коснемся. Но и гражданско-правовые отношения требуют, чтобы свободное удовлетворение полового пробуждения обусловлено было лишь добровольным согласием на это обеих сторон. Здесь не могут быть допущены никакие отступления. Не только несовершеннолетние, но и совершеннолетние должны быть охранены от посягательства на телесное насилие, противное их воле. В установлении христианского брака имеется еще достаточно применительно к этому остатков варварства, причем закон заставляет женщину отдаваться своему властелину и повелителю в зависимости от его усмотрения. В этом заключается нечто противоположное мужской верности, лишь формальной в браке. Что касается женщины, то она даже при большой возбудимости в силу физиологических причин лишена возможности располагать таким же правом, и ее жалоба принимается лишь в соображение, когда мо

жет быть доказана абсолютная импотенция. Здесь мы видим, насколько неуместно со стороны закона вмешиваться в подробности половых отношений, и право неизбежно уступит место бесправию. Это предусматривается и в судебной практике и интерпретируется «супружескими обязанностями». Индивидуальное половое стремление чрезвычайно неустойчиво и насильное введение его в рамки моногамного законодательного установления не только бессмысленно, но и неосуществимо. Мы должны поэтому считать необоснованными мечтаниями взгляд на брачную жизнь Толстого, относясь однако с уважением к его этическим заключениям. Если мужчина, обладающий сильной чувственностью, сочетался в браке с холодной девушкой, для которой совершение полового акта является чем-то весьма противным, то в одинаковой мере бессмысленно навязывать мужу воздержание, а жене согласие на совершение полового акта. Здесь облегчить положение вещей могут лишь развод, конкубинат или бигамия, если нет места для взаимных уступок. При современном взгляде на вещи разрешается только развод, который, в свою очередь, будет жестоким, если имеется уже налицо беременность, или любимый ребенок, или же любовь и уважение между супругами, без связи с их половыми побуждениями.

Однако, все эти крайности могут быть умерены доброю волей. Не считаясь здесь с вопросами морали, а базируясь лишь на правде, мы желаем урегулировать вопрос в том случае, когда одна сторона постоянно желает, а другая этого не желает. Особенно роковым является здесь то обстоятельство, что половая страсть сосредоточивается на одном индивидууме, причем может случиться, что любовь будет отвергнута безапелляционно, что мы и видим каждодневно. Мы поэтому и полагаем, что не

в интересах нравственности навязывать помощью религиозной проповеди, или поэзии, или всяких иных форм, ненарушимость любви в смысле моногамии, т. е. такого положения, в силу которого «женщина (и даже мужчина!) может и обязана лишь единственный раз в жизни любить». Такой жестокий взгляд на вещи должен быть категорически опровергаем, ибо он не страшен в сентиментальных грезах поэта, но является несчастьем для людей, которые видят в нем догму. На почве такого взгляда рождаются мученики, никому ненужные, явившиеся следствием смерти любимой стороны, болезни ее, а также семейного разлада и даже непризнанной любви. Внушаемость играет здесь крупную роль.

И действительно, если может быть по справедливости допустимо право отвергнуть половое посягательство другого, то с точки зрения закона и морали желающий любить, но не встретивший взаимности, может остановиться на другом выборе, который отнесется к нему более благосклонно. Однако, в настоящее время под гнетом общественного мнения люди охотнее остаются терпящей стороной, и на законе лежит обязанность урегулировать такую ненормальность.

Закон признает, что мотивами для развода могут служить дурное обхождение, повреждения в половой сфере, прелюбодеяние, преступность и половая импотенция, но и здесь общественное мнение производит свое давление, а между тем при вышеуказанных условиях возможно еще и требование гражданского удовлетворения, а то уголовного наказания. Чем-то невероятным является гражданский и особенно уголовный взаимный иск неразведенных супругов, у которых брак, само собою разумеется, должно считать фактически нарушенным, а

дальнейшее его продолжение в меньшей мере скандальным.

Венерическое заражение является очень важным рассмотреть здесь с точки зрения гигиенически-гуманитарной. Если зараженный венерической болезнью совершает половой акт с другой стороной, этой болезнью не страдающей, то здесь мы встречаемся с ярко выраженным преступлением, причем закон должен вознаградить потерпевшего на счет виновного, не освобождая последнего от наказания. В этом случае, очевидно, обмануто доверие, причем потерпевший имеет право жаловаться, но часто не делает этого из чувства стыда. Это и является на руку преступным элементам, тогда как наказание виновных служило бы вернейшим обеспечением против заражения венерическими болезнями и размножения обремененных наследственным сифилисом детей. Эти последние вообще не должны были бы появляться на свет, о чем и должны позаботиться сифилитически зараженные супруги, прибегая в этом случае, например, к кондому (см. главу XIV).

Мы коснулись уже тоже весьма замысловатого вопроса, имеющего в виду взаимоотношения гражданского права и проституции. Мы резко осудили какую бы то ни было попытку ее урегулирования и официального признания. Однако, каково отношение гражданского закона к свободной проституции, которая этически представляет собою колоссальное зло? Но пока сильно господство Мамоны, нечего и говорить об ее уничтожении, так как торговля телом обуславливается свойственной человеку продажностью, причем люди, привыкшие все получать за деньги, получают за соответствующее вознаграждение и согласие на совершение полового акта. Противодействие может быть только нравственное. Государству надлежит

в связи с этим как можно скорее отвернуться от этой клоаки, перестав ее опекать и признавать, но направив всю свою энергию на уничтожение сводничества и каких бы то ни было общественных выступлений проституции, которая таким образом перейдет в сферу исключительно личных интимных взаимоотношений. И торговля собою можно надеяться, окончательно исчезнет с введением более справедливой организации трудовой деятельности, заработной платы, а также с прекращением употребления спиртных напитков.

Резюмируя вышеизложенное, мы заключаем, что последовательные реформы видоизменяют гражданский брак в наиболее свободный договор, имеющей целью половое сожитие. Закон поэтому должен вычеркнуть из сферы своей деятельности никому не нужную и даже вредную работу на выяснение половых отношений, заменив ее приведением в должный порядок обязанностей родителей применительно к их потомству. Тогда будет сведено на-нет различие между браком и ничем не связанными половыми отношениями, так как закон будет тогда заботиться не о сохранении полового установления, будто бы утвержденного богом, а об укреплении естественных отношений в семье, служащих к возвышению этических и социальных чувств. (См. главу X. Брак по расчету. Нельзя не улыбнуться, когда разрешают именовать утвержденным богом на всю жизнь установлением такие брачные союзы, как брак богатой девушки с купленным офицером или же собственностицы публичного дома с сутенером. Впрочем, в прежние времена брак по покупке был обставлен еще хуже).

Предлагались всевозможные способы для наибольшего облагораживания существующих свободных половых отношений, причем указывалось на бессмысленное

обыкновение присваивать замужней женщине другое титулование, чем незамужней, так как действительно можно было бы считать справедливым присваивать неженатому мужчине название «Herrlein», как и незамужней женщине «Fraulein». В зависимости от этого девушка, имеющая ребенка и во всяком случае не сделав этим ничего нехорошего, ибо она слушалась лишь велений природы, оставаясь при таком наименовании, носит на себе как бы клеймо позора. Одна женщина, которая имела от мужчины при свободной любви потомство из девяти человек и заболела душевным расстройством, на мое обращение к ней со словом «Fraulien» иронически ответила мне: «очень приличная „Fraulien" с девятью детьми». Этот ответ может стоить доброго кодекса. Дети, на самом деле, представляют собою связывающий элемент в браке. При их отсутствии бессмысленным является вмешательство закона в эти брачные отношения, пока нет страдающей стороны, и ничто не могло бы препятствовать самой непритязательной организации гражданского брака. Мы коснемся в дальнейшем более существенной стороны этого вопроса. Уже в наши дни некоторые государства предоставляют право прибегать к законам о гражданском браке, устанавливают брачные договоры, обуславливающие разделение имущества и труда, а также определенные права и обязанности по отношению к потомству, и таким образом как бы вводится поправка в существенные пробелы законодательства.

Характерными являются стремления извращенных в половом смысле людей, особенно же гомосексуалистов (см. главу VIII, б), обручаться и вступать в брак с объектами их любви. Закон с такими «браками» во всяком случае считаться не может, но, поскольку они не отражаются на интересах общества или частных лиц, закон не дол

жен обращать на них никакого внимания, тем более, что и потомства ожидать не приходится.

Правовые отношения детей. Матриархат. Дети, как мы видели, представляют собою действительный, филогенетически и психологически обусловленный, связывающий элемент в браке и семье. Это настолько обосновано, что, как это уже констатировано в главе VI, многие дикие народности тогда лишь юридически признают брак, когда он дал уже потомство; причем бесплодная женщина даже у культурных народов заслуживает пренебрежения. Тем более должно считать ненормальным в правовом смысле тот пункт Наполеоновского кодекса, в силу которого возбраняется разыскивание отцовства. Если считаться со всеми высокими социальными, обязанностями, возлагаемыми на людей воспроизведением, то каким ненормальным порядком должно признать законное освобождение одного из родителей, в данном случае мужчины, от несения ответственности только по той причине, что не были приняты в соображение некоторые религиозные и законные формальности до зачатия. Но, может быть, вина мужчины при рождении ребенка вне брака значительно меньше, чем вина женщины, если вообще здесь может быть речь о проступке? Столь же позорно, сколь и курьезно, что французский язык дает внебрачным детям обозначение «*enfants naturels*» (между прочим, и в немецком «*natürliche kinder*»)! Но тогда, быть может, детей, рожденных в браке, мы будем именовать «*sur-naturels*», или неестественными. Позорно для нашего законодательства ни в чем неповинных внебрачных детей клеимить тем, что им предоставляется лишь в виде исключения присваивать себе фамилию матери, вместо фамилии отца. Если говорить о естественном праве, то дети, независимо от их брачного и внебрачного происхождения,

должны быть уравниены в правах своих в социальном отношении, нося имя своего отца или матери, причем последнее было бы даже логичнее. Матриархат, наблюдаемый у дикарей (см. главы VI и XIX), так именно и поступает, являясь значительно более приличным, чем патриархат. Но должно допустить, что, вместе с признанием за женщиной ее социальных прав, исчезнут и преимущества одного лица в брачном союзе. Тогда, между прочим, на основе равноправия обоих полов, материнское имя, в интересах ясности и простоты, сделается вместе с тем и фамильным именем, но очевидна большая близость матери к ребенку, чем отца. Значительно реже является не установленным или сомнительным материнство (дети найденные, подмененные или подкинутые), но оно значительно легче и чаще устанавливается, чем отцовство. Так при одновременных половых сношениях матери с двумя мужчинами, не всегда легко установить истинного отца. Если же исходить из тех попечении, трудностей и даже трат собственного организма, с которыми связано для матери рождение и воспитание ребенка, и которые совершенно чужды отцу, то присвоение ее имени потомству, в качестве фамильного имени, будет особенно справедливым. Наше законодательство с таким положением вещей, к сожалению, еще не считается, но мы должны их всячески подчеркивать, как способ для разрешения многих запутанных вопросов.

Природа так устроена, что при долгом беспомощном детстве ребенка кормление и воспитание его лежит на обязанности родителей. Мы не должны, поэтому, прибегая к неестественным социальным теориям, освобождать от этой обязанности человека, так как на этой почве возникли бы неизбежно промискуитет и связанное с ним социальное вырождение. И вообще социальные обычаи

можно с большим успехом подвергать большим изменениям, если они только имеют своей базой неестественные, традиционные догмы моды, а также и привычки на почве религии. Но введение социальных установлений, идущих в разрез с самыми святыми натуральными, филогенетически свойственными человеческой природы, побуждениями, является глубокооскорбительным и вместе с тем чреватым плохими социальными результатами. Мы указывали уже в главах VI и VII, что людям в их половых отношениях филогенетически свойственна семья на основах симпатии между супругами, родителями и детьми, и в связи с этим внутренне действительная моногамия является наиболее естественные, высшие и лучшие сексуальные любовные взаимоотношения, даже независимо от интенсивности, в особенности у мужчины, эгоистических полигамных стремлений. Мы считаемся при этом с многочисленными и разнообразными исключениями. При испорченности нравов наблюдаются безобразные отношения родителей к потомству, эксплуатация его, толкание его на путь проституции и т. д., причем нередки случаи, когда почему-либо неудобные дети незаметно, но верно замучиваются на смерть. Отсюда очевидна необходимость для законодательства поспешить с выработкой таких установлений, которые исключили бы возможность насилия или злоупотребления со стороны родителей. Было бы полезно обратить внимание на предположения, сделанные законодательству Австрии по почяну Лидии фон-Вольфранг, преследующие защиту прав детей:

Lydia von Wolfring: Wie schützt man die Kinder von Misshandlung und Verbiechen, 1899; Kindermisshandlungen, 1902; Absvkennung der Väterlichen Gewalt, 1902; ee же: Beschränkung der Zivilrechte bei Gewohnheitstrinkern, 1903; Lindwirtsehaftlich-gewerbliche Kinderkolonien, 1904; Die Ur-

sachen der Verwahrlosung der Jugend; Die Kinderwisshandlungen, ihre Ursachen und die Mittel zu ihrer Abhilfe aus den Schriften des I. Oesterreichischen Kinderschutzkongresses. 1907; Die Schutzbedürftige Jugend und ihre Wohlfahrt 1908.

Государство обязано взять на себя воспитание детей, явившихся жертвою дурного людского обращения, причем, водворив их в благотворительных учреждениях, но оно ни в коем случае не снимает ответственности с родителей по содержанию этих детей. Автор предполагает, как наилучшую меру, отдавать таких детей на попечение бездетных добросовестных супругов, в среде которых они найдут семейную обстановку. Здесь в основу положены также соображения педагогического свойства.

Но все же единственно нормальным останется такое положение вещей, при котором забота о потомстве будет лежать одинаково на обоих родителях. Помощь государства выразится в этом случае в организации школ, действуя даже, когда это нужно, принудительно, ибо на обществе лежит обязанность поднимать своих членов на общественный культурный уровень, причем власть родителей в этом случае не может действовать отрицательно. В функции государства, как мы видим, входит обязательное бесплатное школьное обучение. Вообще же власть родителей должна быть известным образом ограничена, причем должно исключить такие ненормальности, как извлечение пользы родителями из детей, а также практикуемые наказания, иногда переходящие всякие границы. О необходимости совершенного отменения физического наказания в школах нечего и говорить.

Государство должно следить за тем, чтобы родители непременно прокормили своих детей. Освобождение от этой обязанности не может быть предоставлено ни одно

му отцу (и также ни одной матери), независимо от их материального положения и их брачных отношений. При современном положении вещей ничего нет проще, особенно для человека, не располагающего собственностью, улетучиться, оставив своих детей на шее матери или же в распоряжении воспитательного дома. Если это был собственник, то его необходимо заставить принять все меры для обеспечения рожденного им потомства. Если же это был человек без средств, то он может соответствующей работой отслужить стоимость содержания. Это представит собою более верный способ для охранения супружеской верности и моногамии, более верный, во всяком случае, чем непосредственное вторжение закона в половые отношения. Стало-быть, родители, так или иначе, обязаны воспитывать своих детей.

Мое столь категорически высказанное утверждение встретит, без сомнения, отпор со стороны лиц, которые возьмут на себя отстаивать интересы бедных людей, не способных прокормить самих себя. Но где речь идет об обязанности, там, разумеется, и право. Если мы навязываем родителям определенные обязанности, то им принадлежат и определенные права. С успехами социализма восторжествует справедливость и в этом смысле. Когда человек будет иметь в своем распоряжении весь продукт своей трудовой деятельности, то он будет в состоянии и в половом смысле вести приличное существование. Но вместе с тем взваливание воспитания потомства на одних только родителей не является справедливым, так как параллельно бездетные люди будут себе «устраивать удобства жизни и вволю бездельничать на том основании, что отказались от счастья иметь потомство». С этой целью государство применяет поощрительные меры для семейств, обремененных детьми, и даже привлекает к несе

нию определенных налогов бездетных или же холостяков, как это имело место раньше в Англии (1695 — 1706). Впрочем, там носятся с мыслью о вторичном введении этого налога.

Такой же характер имеет и упомянутый нами обычай в Норвегии на льготных условиях перевозить на кораблях женщин и детей. Впоследствии, с наиболее полным развитием социальных реформ, человеку не представится больше надобности отлынивать от прокормления и воспитания потомства, так как будет обеспечено бесплатное школьное обучение, и государство будет заботиться об инвалидах, сиротах, больных и т. д. И мы снова обращаемся к Фемиде, освободившейся от своей повязки: «Прими же все меры, чтобы, благодаря естественно-научным социальным знаниям, твои весы остались бы вечно в действительном и справедливом равновесии».

Я допускаю возражение, что не всегда можно быть уверенным в истинном отцовстве. В этом есть доля истины. Однако, при предоставлении соответствующих прав женщинам и том воспитании девушек, основы которого указаны в главе XVI, положение вещей примет другой оборот. Отцовство, пожалуй, и в настоящее время нетрудно установить. Пусть будут усовершенствованные пути сообщения, облегчающие бегство преступника. Но ведь то же обстоятельство действует и в смысле возможности его обнаружить. В связи с возрастающей культурой человечества и улучшением международных отношений преступным элементам не будет больше места на земном шаре, и бегство, в целях освобождения себя от исполнения определенных обязанностей, не даст уже никаких определенных обязанностей, не даст уже никаких результатов. Все говорит таким образом, в пользу ответвен

ности родителей в деле прокормления и воспитания потомства. Но ответственность родителей состоит еще в том, чтобы не плодить духовных и физических калек. По этому поводу говорили о запрещении брака, но очень сомнительно. Мы об этом в дальнейшем будем еще говорить.

Забота о сиротах, душевно-больных и т. д., приводимая уже и в настоящее время в исполнение, нуждается в усовершенствовании. Но одновременно наблюдается чрезвычайно вредное обыкновение, практикуемое многими общинами, сводящееся к тому, что бедные и брошенные дети отдаются на попечение и воспитание тому, кто требует за это меньшее вознаграждение. Отсюда и берут себе начало всевозможные злоупотребления (нищенство, покинутые дети и т. д.). Внебрачные дети падают жертвой, с одной стороны, жадности к деньгам, а с другой — полового лицемерия. По этим же причинам так часты де-тоубийства и вытравливание плода. Гражданскому праву, в связи с уголовным, надлежит принять все строгие меры к тому, чтобы подобного рода явления не могли больше иметь места.

С наступлением такой эры, когда эти предложения найдут себе осуществление в лице закона, брак и свободная любовь будут друг от друга отличаться лишь условно, причем лишь наличность или отсутствие брачного договора обусловят ту или иную форму. Моногамия в этом случае останется только в выигрыше, ибо исчезнет прежде всего позорная проституция, не будет больше места промискуитету, а явится свободная и крепкая условная моногамия, зиждущаяся на законах естества.

В настоящее время ведется упорная борьба между такими жупелами, как «принудительный брак на всю

жизнь», и «свободной любовью». Это — преувеличение. Свободная любовь ни в каком случае не должна служить синонимом промискуитета или же освобождения от обязанности относительно забеременевшей женщины и воспитания потомства. Мы же в данном случае исходим из естественнонаучных и социальных требований.

Формы и продолжительность брака. Во избежание повторения, отсылаю к главе VI. Этот пункт нами уже в достаточной мере освещен. Мы считаемся, конечно, с моногамией, как естественной формой брака, обусловленной продолжительным благополучием для всех членов семьи, но эта форма отнюдь не может считаться единственно благодетельной, исчерпывающей половые отношения, и думать так было бы равносильно приготовлению из нее правовой смирительной рубашки для всего человечества. Мы видим уже в истории и этнографии успешное развитие народов, живущих в полигамии, в то время как полиандрия дает весьма отрицательные результаты. Но и наша христианская моногамия далеко не чужда лживых основ и лицемерия, от которых не удалось спасти ее даже законодательным путем. При безусловном запрещении развода, как у католиков, он заменен был разделением стола, постели и дома, что, в свою очередь, усугубило лишь брачные раздоры. В то же время строгость моногамных законов дала выход людям к проституции, причем те же законы снизили до регистрирования сводничества. Такие примеры непосредственно указывают на бессмысленность принудительной моногамии, направленной к удержанию в определенных границах естественных наших стремлений. Массы не могут реагировать столь же покорно, как отдельные личности.

Что касается полиандрии, то она возникла на почве бедности, обуславливая вымирание практикующих ее

рас. К тому же нормальному мужчине в большей степени свойственна полигамия, чем полиандрия нормальной женщине. В некоторых случаях может быть оправдываема и полиандрия, так как немало есть женщин, которые, хотя бы и на патологической почве, будучи ненасытны в половом отношении, не в состоянии удовлетвориться одним нормальным мужчиной. И пусть тогда уделят ей свое внимание путем свободного соглашения любые дон-жуаны, ибо в противном случае для таких женщин широко открыт путь в проституцию (мы уже знаем о существовании проститутток-нимфоманок), при этом же и дон-жуаны будут отвлечены от нормальных девушек. Указывая на полигамию в главе VI, приводя различные формы ее, во многих из них не нашли столь унижительных элементов для женщины, какие можно было бы предположить из сравнения с мусульманской полигинией. Последняя теряет, главным образом, от варварского способа приобретения жен, как предметов торговли. Но при матриархате эти условия исчезают, и женщина, уравненная в правах с мужем, нечего не имеет против полигинии. Я беру себе право утверждать, что моногамный брак, в наиболее благородном его проявлении, будет в большей степени гарантирован установленной законом свободой, а также исполнением каждым из супругов своих обязанностей. При добровольной связи люди охотнее сойдутся и прочнее полюбят друг друга. Ничего не было бы страшного в том, если бы практиковались пробные браки в качестве кратковременных связей, заканчивающиеся разводом. И в настоящее время это сплошь и рядом имеет место, но лишь в более грубом проявлении, а между тем при таких браках закон первым долгом обеспечил бы вопрос относительно потомства. Можно возразить, что в интересах разнообразия легкомысленные люди будут прибегать к

такой форме брака, не рождая детей, но это не будет большим вредом, так как будет разумнее, если эта порода сама себя обречет на вымирание. Мы тогда противопоставим два естественных стремления, из них первое — стремление к деторождению и второе — к половому удовлетворению. При желании удовлетворить первое из них, необходимо придется урегулировать второе, при содействии, где это нужно будет, гражданского законодательства. Нет никакого разумного и этического основания, чтобы, в связи с упомянутыми оговорками, законом были бы воспрещены при уравнивании полов полиандрия и полигиния в качестве предотвращающих мер.

Брак между родственниками. Отсылаю к сказанному в главе VI. Чтобы избежать вредных результатов весьма близкого скрещивания между людьми, необходимо, по моему, совершенно воспретить брак или иную половую связь, имеющую целью получение потомства, между прямыми родственниками (особенно же между родителями и детьми), а также между братом и сестрой. Заботы законов относительно всего, что стоит дальше этих родственных связей, являются бессмысленной бюрократической стряпней. Браки между свойственниками, женитьба на сестре умершей сестры, — все это напрасно запрещается законом, между тем как у других народов такие браки носили характер почти обязательный. Нет также мотива для запрещения брака между дядями и тетками, с одной стороны, племянниками и племянницами — с другой, а также между двоюродными, причем вреда для потомства в таких случаях не обнаруживалось. Необходимо только избегать накопления унаследованных недостатков, которые исчезают при браке с посторонними. Впрочем, не следует практиковать слишком часто повторения

родственных браков в семье, так как они очень легко накапливают фамильные недостатки.

Ограничения личной свободы социально вредных или социально опасных субъектов по отношению к половой жизни. Люди не всегда способны отличить болезненное и принудительное от здорового и умеющего приспособляться, впрочем отношение их к этим двум различным проявлениям страдает неточностью, — в этом заключается весьма фатальный элемент в социальной области. От него страдают не только гражданское законодательство, но и постановления административные. Масса, будучи страстной, впечатлительной и не умеющей отдавать себе отчета, создает нередко положения, друг друга исключаящие, вместе с тем обуславливающие и вопиющие несправедливости: она выражает свое негодование в ответ на проявления насилия, произвола, нарушение свободы и всякие иные ограничения, налагаемые компетентными людьми, которые сочли необходимым, в интересах общественной безопасности, поместить в лечебницу человека душевнобольного, являющегося опасным для окружающих и лишь непосвященному кажущегося нормальным. Но, вместе с тем, если этот человек, оставшийся на свободе, действуя в состоянии безумия, совершит грабеж, убийство или какую-нибудь извращенную гадость, та же масса, вся обуреваемая чувством возмездия, будет настаивать на искуплении или наказании и даже не остановится перед тем, чтобы собственноручно разделаться с преступником. Положение психиатра, которого масса готова обвинить в желании засадить всех и вся в психиатрическую лечебницу, является в этом случае, довольно щекотливым, так как, во всяком случае, он не может рассчитывать на спокойное к нему отношение. Его единственной заботой является проведение в жизнь общечеловече

ских мероприятии, преследующих охранение психических больных от самих себя и от посягательства со стороны других лиц, но, вместе с тем, и предупреждение возможности для этих неменяемых приносить вред окружающим. Но общество этого еще не усвоило, и в его распоряжении имеется немало представителей юриспруденции старой формации, которые не прочь прежде всего запастьсь необходимыми мерами для защиты здоровых от врачей-психиатров. Этот взгляд на вещи со стороны, общества довольно усердно поддерживается и распространяется страдающими манией преследования, людьми ненормальными или полунормальными и даже печатью.

В такой атмосфере, действующей отравляюще на психиатра, ему приходится работать, и неудивительно, что необходимые усовершенствования от этого только тормозятся. Удивительно, как публика и юристы, не имеющие представления о человеческой психологии, берут себе смелость думать, что они защищают личную свободу (речь идет, конечно, о добросовестных людях, но отнюдь не о не стесняющихся средствами ходатаях), а между тем, из их поля зрения ускользает то обстоятельство, что, благодаря их стараниям, немало душевно-больных отсылается в карательные учреждения, в то время как другие, может быть, и более опасные, душевно-больные пользуются полной свободой, совершают возмутительные преступления и систематически мучают окружающих, среди которых невинными жертвами большей частью являются члены семьи. Такая недалёковидность толпы приводит в отчаяние психиатра, а между тем эта людская трусость делает то, что пощаженными остаются всего чаще насильники-изуверы, и, благодаря такому обороту, всевозможные алкоголики, садисты и страдающие другими извращениями продолжают угнетать своих

близких — во имя торжества пресловутой личной свободы. А, между тем, то же общество, поддаваясь внушению дерзких и крикливых, в свою очередь, переносить свой гнет на слабых и уступчивых, лишая их свободы.

Здесь большую роль играют половые преступления и извращения, обязанные своим происхождением пьянству. Я выскажу здесь следующие мои соображения.

Нельзя ожидать благоприятных результатов до тех пор, пока изучение психологии и психиатрии не будет вменено в обязанность юристам и законодателям, и пока не будет установлен принцип детальной психиатрической экспертизы каждого закоренелого преступника и вообще опасных людей. Необходимо совместное и согласованное действие юристов и психиатров, причем, одновременно с ознакомлением с психологией, юристы будут клиническим путем изучать осужденных преступников. И в самом деле, можно ли братья за решение судьбы ближнего, не будучи посвященным в душевные свойства этих пасынков общества. Пусть юристы, которым дороги судьбы человечества, идут вслед за ученым знатоком права Францем Лист, в интересах осуществления реформ.

(Привожу здесь следующие труды: Delbrück, Gerichtliche Psychopathologie, 1897; его же: Die pathologische Lüge und der psychisch-abnorme Schwindler, 1891. Forel: Verbrechen und konstitutionelle Seelenabnormitäten, 1907, Kolle: Gerichtlich-psychiatrische Gutachten (клинические экспертизы Фореля, 1894). Liszt: Schutz der Gesellschaft gegen gemeingefährliche Geisteskranke und vermindert Zurechnungsfähige. Forel: Die verminderte Zurechnungsfähigkeit. 1899. Erich Wulffem: Die Psychologie des Verbrechers, 1908).

Очевидно, что необходимо принять все меры не только для борьбы с непосредственным вредом, причиняемым обществу подобными субъектами (например, садистами), всячески обезвреживать их, но и прилагать все усилия и средства к тому, чтобы предупредить развитие потомства таких лиц, зародышевая плазма которых в большинстве случаев бластофорически отравлена алкоголем. Оставляя первый вопрос в стороне, я позволю себе второму уделить несколько слов.

Очень ревностные и ни перед чем не останавливающиеся сторонники реформ рекомендовали кастрацию, как одну из радикальных мер (например, Рюдин в последнее время). Это предложение было, однако, встречено всеобщим криком возмущения. Наше сверхчувствительное культурное общество не может ужиться с этой мыслью, тогда как кастрация была совершенно обыденным явлением у некоторых народов древности, а у мусульман практикуется и ныне, доставляя весьма преданных и безопасных гаремных прислужников. Даже папа не брезгал кастратами, пользуясь ими, как дискантами в церковных концертах, устраиваемых в Риме. С этой целью мальчики подвергались кастрированию в детстве. И лишь теперь папа Пий X желает это уничтожить. Войны последних времен, изуверства европейцев в Африке, Китае и т. д. обнаружили, на какие гнусности способна природа человека, в любой момент готового на убийства. В наше время кастрация допускается лишь по предписанию врача, в случае соответствующего болезненного состояния. Я должен здесь сознаться, что такая операция над душевнобольным преступником была произведена с моего согласия в моей лечебнице, причем больной, ощущавший боли в семенном канатике, лично настаивал на кастрации. Впрочем, я смотрел на такую операцию, как на

предупредительное средство против появления у этого субъекта потомства. Таким же образом была кастрирована и истеричная девушка 14 лет, родители которой были своднями и проститутками, и которая, в свою очередь, уже бросалась на шею каждому встречному, получая от этого удовольствие. Впрочем, кастрация в то время применялась при лечении истеричных, хотя я имел в виду при этом социальную цель. В интересах уменьшения размножения испорченных и несчастных существ было бы полезно если не кастрировать, то, по крайней мере, производить такие операции, как дислокация труб, дающие в результате бесплодие, но не отражающаяся ни на яичниках, ни на *libido sexualis*. Что касается таких извращенных, как садисты, то кастрация в отношении к ним может считаться даже необходимой. И вообще, если психопатологическое состояние данного субъекта таково, что ему трудно считаться с велениями рассудка, то операция будет ему служить лишь на пользу, так как в противном случае, в интересах обеспечения окружающих, его придется изолировать и стало-быть, причинить ему еще большие неприятности.

Но применение такой экстраординарной меры рекомендуется в определенных, вполне выраженных, случаях, причем желательно, чтобы такого рода операции не возбранялись законом при наличии согласия больного. При настоящем же положении вещей, даже с согласия больного подвергнуться такой операции, врачу не всегда возможно идти ему навстречу, с точки зрения закона. Если такую операцию произвести в молодости, то общество будет освобождено от преступных по своей извращенности элементов. В тех же случаях, когда речь идет только о том, чтобы предупредить появление потомства, то дело может ограничиться применением известных предупре-

дителейных против заберемнения средств, так как благодаря им достигается удовлетворение полового стремления, не сопряженное ни с какими последствиями. Поразительно, что во многих местах продажа средств для регулирования деторождения (кондомы и др.) воспрещена и даже преследуется, как нечто безнравственное. Об этом см. дальше, главу XIV.

Для нас здесь важно в принципе установить, что при современном положении вещей в браке создается благоприятная почва для рождения преступных и психопатических элементов и калек. Между тем как воспроизведение здорового потомства от нормальных физически и духовно людей, если не препятствуется, то, во всяком случае, затрудняется. Если человек безнадежно больной вступил в брак, то он может родить столько болезненных детей, сколько ему вздумается, между тем как здоровая и нормальная девушка, так называемый «перл», поступившая в услужение, встречает всякие препятствия к вступлению в брак, так как ее желают как можно больше эксплуатировать. Родивши же ребенка вне брака, девушка тотчас же лишается места и чести. Исходя из вышеизложенного, мы настаиваем на предоставлении наибольшей личной свободы людям нормальным и способным приспособляться и в то же время требуем наибольшего личного ограничения людей ненормальных. К этому и должны быть сведены функции гражданского права.

В прежние времена душевно-больным запрещалось вступать в брак, или же брак, уже совершившийся, объявлялся недействительным. Конечно, такие меры не решают вопроса и объясняются господствовавшим мнением, что лишь брак обуславливает рождения и к таковым вынуждает. Однако, мы знаем, что это не обосновано. Что касается развода, то он допускается лишь в том

случае, когда болезнь непосредственно констатирована. Между тем как весь ужас заключается в том, что в большинстве браков с ненормальной одной стороной, ненормальность эта, тяжело отражаясь на здоровой стороне, настолько незаметна, что остается не обнаруженной не только в глазах окружающих, но даже пред лицом суда.

(Немецкое гражданское право в следующих параграфах идет навстречу таким связям: § 1333 немецкого права гласит: «Брак может быть оспариваем супругом, если при совершении брака он ошибся в оценке достоинств противной стороны, своевременное знакомство с качествами которой, при уважении им к сущности брака удержало бы его от вступления в таковой». Там же, § 1353: «Супруги обязаны друг перед другом к совместному половому сожителству. Если при установлении совместного сожителства окажется, что одна из сторон злоупотребляет своим правом,— другая сторона не обязана подчиняться ее требованиям»).

Можно себе представить, сколько несчастий в таком браке, и сколько приходится переносить несчастной жертве его. Тем убедительнее приходится настаивать на вышеприведенном решении вопроса.

Швейцарским союзным судом, летом, 1905 года, вынесено весьма важное принципиальное решение. Слабоумный житель г. Базеля (30 лет) захотел вступить в брак, но мать ему этого не разрешила, с чем, между прочим, согласились как гражданский суд, так и следующая инстанция. Однако, сын апеллировал в союзный суд, который вынес специальную формулировку «слабоумия», которую сделано весьма важное ограничение права вступать в брак. Оказывается, с его точки зрения, что какая бы то ни было профессия или обнаруженные знания,

ловкость в каких-нибудь отраслях, вообще же нормальность в определенных сферах, — все это не обуславливает еще прав данной личности на вступление в брак. Чтобы запретить его, достаточно обнаружения у данного субъекта даже очень неполного идиотизма. Государство, в целях охранения семейной жизни, должно не разрешать брака душевно-больным, равно как и было бы естественно вообще значительно сузить право жениться по соображениям физиологического свойства, чтобы не плодить обремененного болезненной наследственностью потомства. Такой взгляд на вещи в принципе своем может быть только приветствуем, так как начинает касаться самой сути.

Наследственное право. Связь этого права с половым вопросом лишь косвенная, но она имеет чрезвычайное влияние на рождение потомства. Бедный люд имеет всегда больше детей, чем обеспеченные классы, и это объясняется тем, что им, во-первых, терять нечего, и половые сношения являются для них единственным удовлетворением, в то время как способы предупреждения беременности им недоступны. Но вместе с тем они предполагают использовать свое потомство. При наличности же некоторых средств, люди стараются воздерживаться от расплождения большого количества детей, чтобы обеспечить имеющихся налицо от перспективы нужды. Поэтому и стремятся иметь лишь столько детей, сколько в состоянии будут воспитать и впоследствии снабдить «достаточным количеством средств». На этом и базируется, так называемая, французская «Zweikinder system». Печально в этом случае то, что дети, с точки зрения таких родителей, обязательно должны выйти на жизненный путь с известным количеством средств, причем личный труд их совершенно не принимается в соображение. Есть еще и та

кие взгляды у очень богатых лиц, которые опасаются плодить слишком много детей, не желая дробить своего огромного состояния и тем самым уменьшить значение семьи. Для ребенка, вполне естественно, сопряжено с вредными последствиями сознание, что его ждет всю жизнь обеспеченное существование, и труд, таким образом, не только не будет для него обязательным, но и услуги других людей, лишенных средств, всегда будут в его распоряжении. Однако, очень печально, когда будущность, наоборот, рисуется в весьма мрачных красках, когда воображение представляет длинный ряд годов упорного труда, дающего лишь средства к прозябанию. То же ощущает каждая личность, приходящая к заключению, что всякая упорная деятельность ее не даст обеспечения, как для нее, так и семьи, а вся предназначена для общества.

Интересы общества не в состоянии так воздействовать на человека, чтобы единственно обусловить бодрость и жизнерадостность работы последнего, ибо глубоко засело семейное чувство в сознании человеческом.

В связи с такими отношениями, наследственное право начинает проявляться более или менее значительно. Была попытка путем введения прогрессивного налога на наследства отчасти эксплуатировать скопление в единичных руках богатств. Мне лично это кажется недостаточным. Не претендуя на точно сформулированное мнение, я спрашиваю, нельзя ли построить наследственное право на таких основаниях, чтобы потомство располагало лишь наследством вплоть до того возраста, когда оно будет уже в состоянии работать и зарабатывать, например, к 25 или 26 годам. Разумеется, к этому времени такие дети будут уже владеть и высшим образованием. Юноша не будет уже предаваться праздности, в надежде на унаследованное состояние.

дованные капиталы, а будет считаться с тем, что к определенному сроку продукты его труда будут служить единственным средством для его пропитания. Пусть меня не обвиняют в том, что я имею претензии на создание новой социалистической системы в связи с приведенной идеей, ибо такой взгляд на вещи неоднократно предлагался уже и раньше. Я преследую лишь уменьшение возможности извлекать пользу из чужого труда, причем на первом плане у меня обеспечение появления на свет дееспособного и здорового потомства. (На основании вышеизложенного разумеется совершенно новое этически-социальное положение, на основе которого будет построено новое семейное право с разумным воспитанием, всеобщим школьным образованием и пр, и пр. Но даже и при таких условиях все же будет налицо забота о юбетвенных детях, в зависимости от высоты культурного уровня человечества. Надлежит всякому социальному установлению иметь в виду такого рода культурное побуждение).

Неоднократно ставилось на вид, и вполне справедливо, что некоторые отрасли культуры для своей разработки и изучения требуют чрезвычайной затраты средств и в то же время в материальном отношении почти или совершенно не окупаются. Вполне понятно, что на государстве лежит обязанность взять на себя возмещение всех расходов, связанных с движением науки вперед, так как оно от роста этой культуры лишь выигрывает. И в данном случае его деятельность будет напоминать собою поощрительные приемы владетельных особ и меценатов, которые в прежние времена (и в настоящее время) содействовали материально процветанию науки и искусств. Государство в этом случае пойдет еще дальше, так как оно обеспечивает возникновение рабочих средств и ра

бочих центров, не обязанных частному покровительству, не всегда свободному от беспристрастия.

В. Уголовное право.

Уголовное право — это право наказания, которое истекает из понятий содеянного преступления и возмездия, причем последние основаны на представлении о свободе воли, неосновательность которой нами уже доказана под лит. А (общие понятия). Такой взгляд на вещи обуславливает некоторую сомнительность современного нам уголовного права, причем это, главным образом, объясняется тем, что наука права все время не считалась с успехами всех прочих знаний и человечности. Да и искупления базировались на мистике и на праве сильного, находящихся в тесной близости к чувству мести. Раз оно налицо, то наказанию подлежит слабейший по той лишь причине, что он есть слабейший: «*Vae vicijs!*» В свою очередь, созданное человеком по своему образу божество тоже возымело свои претензии на возмездие. Положив понятие о праве сильного в основу своего правового мировоззрения, человек испытывал страх вообще перед всеми вещами и явлениями (лес, ночь, молния, бури, звезды и т. д.), которые были для него непонятны, приписывая все это воздействию темных, а потом и высших сил. Таким образом, представление о добре и зле должно было у него отличаться большой своеобразностью. Разумеется, нашлись люди, которые сумели использовать та- кой взгляд на вещи и взять на себя роль представителей божества, чтобы судить людей, называя себя жрецами, королями, а потом и судьями. Большую роль сыграл фатализм, исключаящий свободу воли, который мы могли

видеть, например, у мусульман, между прочим, в лице их Гарун-аль-Рашида. Идея фатализма не вяжется с представлением о свободе воли, мышления и поступков, так как все заранее и неуклонно предрешено.

Я уже указывал (в «Die Zurechnungsfähigkeit des normalen Menschen»), что уголовное право может и не считаться со свободой воли. Категорический императив Канта не вяжется с ощущаемой нами свободой и ответственностью, ибо свойственно и душевно-больному чувствовать себя субъективно свободным, между тем как нормальный человек видит его неспособным. Пусть метафизика определяет вопрос о возможности безусловного предопределения (фатализм), нас это здесь не интересует. Но исходя из детерминизма, или закона причинности, которым определяются наши поступки, мы убедимся в том, что, в связи со сложностью наших мозговых функций, в большинстве случаев бессознательных, или, как мы уже определили, подсознательных, — мы будем иметь представление о наших решениях, как о свободных.

(Закон причинности сводится в конечном результате к закону энергии, который в данном случае гласит: «В области нашего относительного познания каждому действию соответствует одноценное противодействие; ничто не теряется». Из этого, однако, не истекает фаталистическое предопределение, так как нам ничего не известно ни о причинах возникновения, ни о конечных целях вселенной).

Но мы также видим, что человеческий мозг обладает способностью адекватно, т. е. в зависимости от окружающих обстоятельств, приспособляться к различным условиям существования. В этом смысле и должно пони

мать относительную свободу. Человек, наиболее свободный, скорее всего обнаруживает способность приспособления (Здесь идет речь об активном и сознательном приспособлении. Есть также пассивная приспособляемость, когда люди, как бы сделанные из теста, всюду и везде устраиваются, со всеми уживаются и, разумеется, отличаются весьма малой свободой, но и растяжимость их приспособления констатирует нечто вроде внутренней свободы, так как принуждение чуждо их сознанию). Однако, под высшей этической способностью к приспособлению, или под свободной, разумеется не та свобода, которая диктует волку в образе человека поступки лишь в его собственных интересах, но та свобода, которая направляет деятельность мозга на благо человечества. И понятно, что низкие страсти, ограниченный ум и слабая воля сводят на-нет свободу личности. Теоретическая вера в свободу воли тут не при чем. Человек, чрезвычайно связанный, ощущает субъективно чувство свободы, как и связанный в значительно меньшей степени. Получив наказание за совершение поступка, обусловленное его связанностью, он будет считаться с ним, как с несправедливостью, но, в свою очередь, и судья будет исходить из неправильных начал, применяя хотя и в скрытом виде, принцип возмездия, являясь как бы представителем божества и, во всяком случае, основывая свое решение на устаревших обычаях, тесно связанных с религиозными представлениями. Можно было бы сказать, что наиболее ясное представление о своей связанности характеризует тем большую свободу человека, ибо он считается со своими мозговыми функциями.

Уголовное право, таким образом, должно отказаться от своих основ и стать на научно-социальную точку зрения. Тогда оно и будет с честью защищать общество от

людей, для него опасных и будет заботиться о личностях неменяемых. Пункты уголовного права в большей или меньшей степени совпадут тогда с правом гражданским. И, отрешившись от функций представителя божества, выносящего решения и наказания, судья будет олицетворять собою защитника и предохранителя.

Предполагалось, что наказания будут в состоянии внушить страхи прекращать преступления, воздействуя на слабую волю. Однако, обнаруживается заразительность насилия и грубости, причем совершенно несостоятельной оказалась теория наведения страха, так как человеку свойственно, что, между прочим, доказывается и войнами, привыкать к преступлению, возмездию и крови. Благоприятно влиять может лишь внушение добрых и справедливых идей. Смертная казнь обезвреживает лишь преступника, а наши каторжные места заключения являются школами порока и преступности. А между тем, всякую тюрьму можно было бы преобразовать в воспитательное учреждение, согласно с основами психологии, что имело бы, без сомнения, только благотворные результаты.

История психиатрии и процессов ведьм подтверждает наш правильный взгляд. Не очень давно на душевнобольных смотрели, как на преступников или действовавших под непосредственным влиянием нечистой силы, причем, применительно к этому и выносились приговоры. Впрочем, католики и теперь еще склонны считаться с наличием ведьм, которых не прочь были бы и судить. Упомянутые процессы и положили основу господствующим предрассудкам относительно психических больных.

И теперь еще мы полагаем, что судебный приговор обусловливает позор осужденного. В связи с этим мне ка

жуются особенно характерными слова, слышанные мною лично от бывшего директора каторжной тюрьмы, д-ра Гильом, в настоящее время состоящего председателем союзного статистического бюро. Во время одной из застольных бесед, он, прислушиваясь к различным мнениям, произнес следующее: «Знаете ли, господа, много преступников пришлось мне встречать за всю мою жизнь, всякий раз я делил их на две группы. Из них представители одной были, без сомнения, больные, остальные же — о, эти остальные! Углубляясь в самого себя, я невольно самого себя спрашивал: не следовал бы ли я им в аналогичных случаях?» Конечно, нельзя так резко разграничивать преступников, но основа здесь, безусловно, верна. Привожу книгу Ганса Лойсса («Aus dem Zuchthause»), полную многих поучительных вещей. Автор сам был в исправительной тюрьме.

Мы займемся теперь взаимоотношением половых проявлений с уголовным правом, в его настоящем и в его желательном будущем. Нам известны те странные мотивы уголовного права, которое считается с весьма странными половыми проступками. Так, например, тяжелая кара сваливается на голову какого-нибудь несчастного простачка, прибегнувшего под кровом темного сарая к удовлетворению своей половой страсти при посредстве жующей свою жвачку коровы, глубоко к этому равнодушной, ничего не потерявшей в своей стыдливости и не потерпевшей никакого урона. Никакого убытка не потерпел здесь и собственник этой коровы, хотя последнее не принимается в соображение судьей, ибо суровое наказание остается в той же силе, если корова принадлежала и самому содомисту. Но тогда здравый смысл задается вопросом: на каких основаниях наказывается поступок, не сопряженный с каким-либо вредом ни для человека, ни

для общества, ни для самого животного? Очевидно, мы здесь считаемся с унаследованной религиозной мистикой, исходя из разрушения богом грешных Содомы и Гоморры. Но ведь бог покарал смертью и поступок Олона, — почему же закон не карает онанизма столь же сурово? В последнее время велся спор о том, в каких именно случаях следует наказывать провинившегося, если он лишь воспользовался задним проходом другого (педерастия), или наказанию подлежат всякие непристойные взаимные проступки. Иными словами, наказание определялось участием той или иной слизистой оболочки или кожи в удовлетворении извращенного полового стремления. Можно себе представить взгляд на вещи такого вершителя судеб человеческих, берущего себе одновременно функции физиолога, анатома и психолога! Насколько мне известно, в Германии подлежат наказанию половые отношения лишь между двумя мужчинами, но не между двумя женщинами. Уголовное право, как мы видим, исходит из мотивов, ничем не оправдываемых и построенных на пережитках мистики. В «Zeitschrift für schweizerisches Strafrecht» усердно защищалась против религии необходимость представления о преступлении! Рассмотрим теперь отдельные явления в связи с их истинной социальной ценностью.

В интересах сведения на-нет насилия, несправедливости и ничем не оправдываемых противоречий, вмешательство уголовного права возможно лишь при обнаружении действительного или ожидаемого вреда по отношению к отдельным лицам или обществу. Здесь должно считаться с наличием невменяемости, если таковая имела место, и со степенью ее интенсивности, т. е. совершил ли данный проступок душевно-больной или лишь отчасти больной, или же совершенно здоровый. Опреде

лив все обстоятельства дела, судья должен изыскать все способы, которые обеспечат обществу невозможность повторения таких случаев, а также подействуют на преступника в смысле его исправления. Если преступник алкоголик, то его должно поместить в соответствующую больницу, а потом содействовать его поступлению в общество трезвости, причем такие меры будут действовать вернее, чем меры наказания. Если же имеют дело с безнадежным рецидивистом, то неизбежен будет основательный надзор и лишение его некоторых опасных для других форм свободы. В этом случае руководящими указаниями могут служить основательное ознакомление с прошлым преступника, наказаниями, им уже назначавшимися, и всестороннее психологическое изучение его личности. Совместная деятельность психиатра и юриста является здесь особенно плодотворной. Уголовная сфера может быть уже затронута и при нормальном совершении полового акта, если он обусловлен был насилием или хитростью (изнасилование, злоупотребление невменяемостью, воздействие внушением и т. д.). Разумеется, необходимы меры против таких преступлений, причем пострадавший должен быть соответствующим образом вознагражден. Во всяком случае, нас в большей степени интересует защита пострадавшего, чем смягчение наказания виновника преступления. В тех случаях, когда насилие вызвало беременность, закон должен разрешить искусственный выкидыш, так как навязывание деторождения женщине такими способами не может быть названо справедливым. Тот же взгляд на вещи должен быть применяем, когда половое злоупотребление касалось несовершеннолетних. Когда же женщина соблазнила несовершеннолетнего мальчика, то продукт этого соблазна в лице ребенка должен быть исключительно на попечении

этой женщины, которой не разрешается и выкидыш, так как она сама сыграла роль соблазнительницы. Такое постановление, между прочим, оправдывается более тесной связью ребенка с его матерью.

В гражданском праве мы упоминали уже о случаях всяких заболеваний на венерической почве при совершении полового акта.

Кровосмешение. Под заголовком «Брак между родственниками» мы определили запрещение границы понятия о кровосмешении. Отсылаю также к главе VI. Наиболее вредные последствия должно видеть в случаях кровосмешения между родителями и детьми. Источники следует искать в ненормальностях на психической почве, алкоголизме, промискуитете или же изолированности семьи от остального мира. Так, его можно наблюдать у живущих уединенно в швейцарских альпийских хижинах. Приводимые здесь примеры представляют собою кровосмешение первого рода, подлежащее наказанию.

Грубый, пьяный муж непрерывно требовал от жены совершения полового акта. Чтобы избегнуть его приставаний, она отдала ему свою дочь для полового использования.

Погрязшая в пьянстве женщина прельщала своего сына, 17 — 18 лет, сбивая его на совершение с ней полового акта. Протестуя в глубине души против такого желания своей матери, сын убил ее, тоже предварительно напившись. Но в тюрьме он представлял собою образец добропорядочности, так как лишь алкоголь и соблазн толкнули его на совершение убийства.

Бывший присяжный заседатель рассказал мне о следующем случае, который подлежал его разрешению: А. Р., 50-ти лет, женатый на рослой здоровой женщине,

отец 6 детей (девочки и мальчики в возрасте от 6 до 24 лет), обвинялся в половом изнасиловании всех своих детей; кроме того, ему ставилось в вину еще половое общение с животными, собаками и кошками. Его 18-летний сын совершал половые акты со своей матерью и сестрой. Вообще, во всей семье наблюдалось психопатологическое извращение.

Я имел случай наблюдать семью, которая состояла большей частью из слабоумных и душевно-больных и даже лечил ее. Здесь кровосмешение имело место среди всех членов семьи, между отцом и дочерьми, матерью и сыновьями, а также братьями и сестрами. Отсюда прямой вывод, равно как и из многих других наблюдений, что кровосмешение должно рассматривать не как причину, а как следствие ненормального и болезненного состояния. Это, во всяком случае, не исключает вредных последствий, но не в таких размерах, чтобы иметь большое воздействие на расу. Поэтому кровосмешение должно быть уголовно преследуемо лишь тогда, когда совращены были несовершеннолетние или психически больные, или же, когда имело место изнасилование. Но, во всяком случае, предохранением может служить то естественное отвращение, которое свойственно человеку к кровосмешению, причем, в интересах охранения от появления потомства, большую роль сыграет применение предохранительных средств. Если будет устранен алкоголизм, улучшен присмотр за психическими больными и, вообще, видоизменены социальные условия человеческого существования, то кровосмешение все больше и больше будет сведено на-нет.

Должно упорно преследовать всякие покушения на несовершеннолетних, но и здесь необходимо считаться с

наследственной извращенностью преступника или же злоупотреблением человека в нормальном состоянии.

Необходимо немедленно устранить от занятий с девочками ненормального в половом отношении учителя, который покушался на своих несовершеннолетних учениц. Но если он еще к тому страдает извращенностью, то меры предохранения должны быть более серьезными. Так же должно быть запрещено гомосексуалистам преподавание представителям своего же пола.

Касаясь извращений на половой почве, которые приведены были нами в главе VIII, мы столкнемся с непоследовательностью и мистическим мировоззрением, положенными в основу нашего уголовного права. Здесь наказанию подлежат такие поступки на половой почве, которые не сопряжены с причинением кому-либо вреда или же обусловлены взаимным согласием участвовавших сторон. Если здесь может быть место моральным соображениям или вмешательству врача, то уголовному праву здесь делать нечего. Под такими случаями мы разумеем такие поступки, имевшие место между взрослыми, с доброго их согласия, без посягательства на интересы третьего, как онанизм, педерастия, мазохизм, фетишизм и т. д. Почему, например, должны быть преследуемы урнинги? Ведь общество выиграет лишь от того, что эти несчастные, вступая в связь между собою, не дадут обществу потомства. И наоборот, брак между гомосексуалистом и представителем противоположного пола мы должны рассматривать, как преступление, совершенное применительно к нормальной половине этой супружеской четы и их детям.

К тому же, мы видели уже какие злоупотребления практикуют подонки общества по отношению к урнингам,

на почве преследования последних современньй законом, что подтверждают Краффт-Эбинг, Моль и др., а также констатировано неоднократно и мною.

Пресловутый § 175 немецкого уголовного права и подобные параграфы законодательства швейцарских кантонов вредны по своему содержанию и подлежат уничтожению, и чем раньше, тем лучше. Кто в этом еще недостаточно убедился из крупного процесса Гарден — Мольтке — Эйленбурга, — тому уже, действительно, ничем не помочь. Наказуют и уничтожают несчастных людей, которых болезненное предрасположение тянет в омут грязи, и в то же время оправдывают отъявленнейших вымогателей. И в этом справедливость!

Но в тех случаях, когда удовлетворение извращенности возможно противно воле и во вред объекту, законом должны быть применены самые энергичные меры защиты, и не столько в интересах наказания извращенных индивидуумов, сколько для предохранения лиц, ставших их жертвами. На первом плане здесь садизм и растление. Дело значительно осложняется благодаря тому, что нельзя выжидать последствий и вмешаться лишь тогда, когда преступление имеется уж налицо. Но, вместе с тем, нельзя же, в самом деле, привлекать к ответственности человека лишь за то только, что ему свойственен данный инстинкт, против которого он, будучи во всех отношениях порядочным человеком, энергично протестует. Я имел дело, как врач, с человеком, которому было свойственно такое извращение, и его порядочность и этическое чувство удерживали его от непристойного поступка, и в отчаянии он искал выхода в онанизме и т. д. В таком случае, конечно, можно надеяться на самого больного, который не разрешит себе гнусности, но врач обязан взять с него слово, что он немедленно явится под наблюдение

врача, как только сила воли ему начнет изменять. Нередки случаи, когда в борьбе с самим собою такой человек кончает самоубийством. В тех случаях, когда сдерживающего начала нет, и когда субъект спокойно искал возможности удовлетворения, против обнаружившегося преступления должны быть приняты психиатрические меры. Наблюдается, однако, особое умение, например, у садистов, скрывать свои поступки, и если поэтому один из них успел предстать пред лицом правосудия, то его необходимо изолировать на долгий срок. Может быть, здесь уместно и применение кастрации. Впрочем, последняя, может быть, вовсе и не представляет защиты от такого извращения, но все же могла бы быть рекомендуема, если цель будет хоть отчасти достигнута.

Что касается эксгибиционистов, то относительно них особенно трудно говорить что-либо, ибо прежде всего их вред исчерпывается лишь тем, что они обнажаются в присутствии женщин и стараются в их присутствии совершать мастурбационные действия, оскорбляя таким образом чувства стыдливости молодых девушек и детей. Строгость закона применительно к этой категории извращенных людей совершенно неуместна, так как нельзя говорить об исключительном вреде, приносимом созерцанием таких поступков, которые лишь смешны и внушают отвращение. Если таких людей непродолжительное время лечить в психиатрической больнице или же подвергнуть надзору, то результаты получаются благоприятные. Таков же должен быть взгляд закона на случай некрофилии или полового осквернения трупов, в тесном смысле связанного с садизмом. Такие извращенные субъекты, или некрофилы, не будучи способны на совершение убийства, на почве садизма стараются надругаться над трупами, доходя даже до пожирания их частей. Нечего и

говорить, что такие люди должны быть совершенно изолированы, в виду их крупной опасности для общества. Фетишисты же, если не считать их склонности к похищению облюбованных ими предметов, а также отрезывания кос у девушек, вообще безвредны.

Мы уже доказывали отсутствие оснований для наказуемости конкубината. Мы также касались и вопроса относительно необходимости вмешательства закона в проституцию, не считая, конечно, сводничества и торговли живым товаром, строжайше уголовно преследуемых. Торговля телом других людей, как разновидность работорговли, должна быть строжайше воспрещена. Мы отсылаем здесь к главе XII. Также не подлежат преследованию публичные провокации, неблагопристойности и низости на половой почве.

Совершение полового акта не должно быть сопряжено с каким-либо насильственным действием и нельзя допустить такого права, в силу которого один человек мог бы заставить второго дать ему половое удовлетворение без согласия последнего. Конечно, здесь трудно точно провести разграничивающую линию, ибо жеманство может приписать даже невинному намеку чудовищные размеры, но все же должна быть предоставлена возможность для нормального ухаживания в связи с неизвестным представлением о приличиях, разумеется, если не состоялось специального соглашения (см. главу IV, Флирт).

Интересно исследовать вопрос относительно того, сколько можно себе позволить, если состоялось взаимное соглашение, не посягая однако на интересы третьих лиц. Наши нравы ведь отличаются в этом смысле достаточной свободой, причем более откровенный флирт мог бы счи

таться уже злом. Например, неприличные раздевания или совершения полового акта и т. д. в присутствии посторонних лиц, ни в каком случае нельзя разрешить, так как, между прочим, оно вызвало бы половое раздражение у детей, оскорбляя общественное приличие. Все сводится, очевидно, в данном случае к мерам полиции, имеющим целью защиту детей и женщин от приставаний на улицах, всякого рода оскорблению и покушению.

Указываю здесь на приведенное в главах V и VII по поводу порнографии. См. также главу XVIII. И в этих случаях установление точной грани уголовной наказуемости представляется весьма затруднительным. Нравы нашего общества сами открывают двери порнографии, но не то проявление ее опасно, когда мы видим ее выставленной во всяких витринах и на открытых местах. Наиболее опасной и проникающей в глубь души и сознания является та утонченная эстетическая порнография, которая приняла образ талантливо исполненных изображений эротических романов и пьес и таким образом под сенью искусства, а иногда и морали, забрасывает свои сети. Принято весьма ошибочно называть порнографическими такие произведения, как романы Золя или драмы Брие, которые открыто говорят о разврате наших дней, но ненормальность этого взгляда доказывается тем, что в таких сочинениях нет восхваления безнравственности, а талант раскрывает нам факты из действительной жизни, внушающие отвращение и ужас. Удалив картину Беклина (Наяды) из витрины, начальник полиции обнаружил не только ненужную стыдливость, но и отсутствие представления о безнравственном и порнографическом. Можно, конечно, говорить об эротическом действии на грубых невежд и таких произведениях, что мы и видели у тирольских крестьян, которые, движимые моральным него

дованием, уничтожали мраморные женские бюсты, выставленные на улице. Но все же ложной стыдливости не удалить эротики, которая всегда сумеет избрать себе кружные пути. Необходимо остановиться на чем-нибудь более благоразумном, чем обрушиваться на искусство и его изобразителей.

Иначе обстоит с порнографией. Половой порок представляется не с тем, чтобы подчеркнуть его отвратительность и печальные последствия, но лишь с целью его прославления, чтобы расхваливать его и привлечь как можно больше последователей. При этом безразлично, выставляется ли он дерзко на показ; скрывается ли он под покрывалом, устроенным таким образом, что видным становится именно то, что должно скрываться; проявляется ли он при блестящем освещении электричества, или полусвете мягкого будуара — во всех своих проявлениях или извращениях он рассчитан на подстрекательство, щекотание, соблазн, раздражение, совращение, похотливость и разжигание самых низменных стремлений. В некоторых случаях порнографическое блюдо преподносится под соусом сентиментальности или морали, причем не только не исчезает вкус блюда, но его пикантность усиливается, благодаря такому противопоставлению. Это же, между прочим, дает возможность пороку беспрепятственно проникнуть в общество под прикрытием патента добродетели. При этом, имея в виду в результате ее победу, стараются все время придавать пороку такие пикантные прелести, которые действуют возбуждающе на человеческую похоть. Прикрывание порнографии подобием добродетели имеет целью улавливание наивных людей (яд, разумеется, все равно будет действовать), люди же, не столь наивные, смогут без стеснения открыто наслаждаться таким произведением. И представляется

чрезвычайно трудным определить, где кончается чистое искусство и начинается торжество порока. Следует обратить особое внимание на такие преступления против нравственности и половые покушения, которые совершаются над психическими больными в расчете на их невменяемость. С этой целью, например, урнинги определяются служителями в психиатрические лечебницы. Такие преступления должны быть наказуемы как преступления против несовершеннолетних, но и здесь, однако, необходимо считаться со степенью причиненного вреда и степенью вменяемости совершившего поступок.

Довольно трудно решить вопрос относительно прав женщины на ее потомство, а также аналогичных прав общества и его обязанностей. Во всяком случае, нет сомнения в том, что родившийся младенец находится уже под защитой общества, при этом строго караться должны как родительские злоупотребления, так и гнусная профессия тех делательниц ангелочков, которые за соответствующее вознаграждение, путем замаривания детей, отправляют их в райские края. Следует, однако, помнить, что такие случаи истекают непосредственно из современных социально-экономических отношений, а также обуславливаются беззащитным положением внебрачных детей и позором, выпадающим на их голову, благодаря свойственному людям лицемерию. Но как должен смотреть закон на плод, пребывающий в утробе матери, и каково должно быть его отношение к искусственно произведенному выкидышу? Мнения по этому поводу различны. Беременность, как следствие насилия, должна быть устранена при помощи искусственного выкидыша, как я уже об этом говорил. Вообще же принципиально выкидыши не должны быть допускаемы, если только совершение полового акта было с согласия обеих сторон и не предпи

сываются врачом. Зародыш имеет все права на существование, причем рождение представляет собою лишь частные случаи в его жизни после десяти месяцев беременности, считаемых в четыре недели, как и лунные. Ребенок может остаться жить уже на седьмом месяце.

В этом вопросе допускается много отступлений, однако, строгость со стороны врача является здесь особенно неуместной, так как ему раньше других надлежит решить вопрос о допустимости или недопустимости выкидыша. Ведь бывают случаи, когда беременность представляет собою бедствие для родителей и потомства, которым угрожает в этом случае какая-нибудь опасность. В супружестве можно разрешить искусственный выкидыш, если отец психически больной, или если забеременела идиотка, психически больная или подверженная эпилепсии. Разрешается выкидыш и в том случае, когда здоровье матери может пострадать от беременности, или же если ее неизлечимая болезнь обещает больное потомство. Все эти заключения, конечно, должны явиться следствием всестороннего, основанного на опыте обсуждения.

Одновременно с этим является необходимым упомянуть еще об одном, хотя и несколько щекотливом вопросе, касающемся возможности оставить в живых такое потомство, которое представляет из себя прирожденных калек или неизлечимых уродов. Закон обязывает нас не посягать на существование таких индивидуумов, которые появились на свет кретинами, идиотами, гидроцефалами или без глаз и ушей, с уродливыми половыми органами и т. д. Может быть, настанет время, когда, заручившись согласием родителей и опираясь на весьма осторожно сделанную медицинскую экспертизу, можно будет помощью нечувствительного наркоза прекратить дальнейшее

существование таких несчастных, не обязывая их к дальнейшей мученической жизни, только потому, что этого желает закон. Дряхлая религиозная догматика и здесь безраздельно властвует еще над законодательством, ибо мы видим, что содержатся колоссальные армии, предназначенные для уничтожения тысяч находящихся в цветущем здоровьи людей, причем рядом с этим другие многие тысячи пропадают под гнетом голода, проституции, алкоголизма и эксплуатации, — и одновременно настаивают на том, чтобы медицина, всеми имеющимися в ее распоряжении средствами, содействовала бы сохранению жалкого прозябания умственных и физических уродов. Воздвигаются специальные сооружения для идиотов и искренно выражают свою радость, когда многолетние сверхъестественные усилия пожертвовавшего собою персонала приводят к тому, что маленький идиотик может, как попугай, прошамкать несколько слов или что-нибудь намалевать на бумаге, — особенно же восторгаются, когда эти карикатуры на человека механически твердят молитву, устремив очи в потолок. Сопоставляя такие факты, мы видим всю горькую иронию, заключающуюся в наших, не чуждых гуманности нравах. Было бы благоразумнее, если бы эти, не жалеющие своих сил, воспитатели и учителя идиотов дали бы последним спокойно почить вечным сном, а сами дали бы жизнь своим собственным здоровым детям! Впрочем, это уже выходит из нашей области.

Различают искусственный выкидыш в первые месяцы беременности и в последние, причем при жизнеспособности ребенка искусственный выкидыш носит уже название искусственных преждевременных родов. Наказание будет большим в том случае, если такие роды имеют целью лишь возможность избавиться от потомства, что

рассматривается, как детоубийство. Поэтому мать не должна иметь права единственно по своему усмотрению решать вопрос о выкидыше, а лучше прибегнуть к врачебному исследованию, тем более, что в нашем распоряжении в настоящее время имеется достаточное количество предупреждающих зачатие средств. И общество может поэтому требовать, чтобы мать не посягала на беременность, если таковая уже состоялась. При достижении матерью больших прав и большей половой свободы, искусственные выкидыши должны будут все меньше и меньше оправдываться, исключая мотивы медицинские или социально-гигиенические. Пока материнство вне брака клеймено позором, нельзя слишком строго порицать случаи прекращения беременности и даже лишения жизни новорожденных. Но в будущем должны наступить иные отношения, — причем нельзя будет считать позором никакую беременность, которую нужно было бы потому утаивать. Мне могут, конечно, указать мою непоследовательность, ибо каждому человеку, независимо от его пола, должно быть предоставлено по личному усмотрению распоряжаться своим организмом, так что уголовное право в данном случае не при чем, — однако здесь совершенно иное положение вещей. Ибо мы имеем дело не с одним только живым организмом, а двумя, иногда же и более (двойни и т. д.). Едва совершилось зачатие, зародыш, хотя и тесно связанный в своем существовании с существованием матери, все же располагает уже известными социальными правами, которые тем более нуждаются в защите со стороны общества, что зародыш сам не в состоянии отстаивать свое право. Что касается измены в браке, которая в настоящее время подвергается каре, то она только должна служить причиной к разводу. Мы видели уже отсутствие основания для принудительной вер

ности. Осветив вопрос при изложении гражданского права, мы думаем, что уголовное право может вмешиваться в измену супружеской верности только в том случае, когда она сопровождалась какими-либо непосредственными преступлениями, не имеющими отношения к нашему вопросу. Уголовное право не может войти в обсуждение вопроса относительно той косвенной опасности, какую представляет дурная наследственность для потомства. Правда, гражданское право может кое-что в этом смысле сделать, и им уже кое-что и делается. Но в дальнейшем мы приведем иные средства, могущие обеспечить нам благоприятные результаты. Мы указывали уже на возможность и уместность кастрации в некоторых случаях, разумеется, весьма ограниченных. Я полагаю, что, опираясь на социальную этику, возможно таким образом разумно регулировать воспроизведение потомства, что мы уйдем дальше от правовых сомнительных норм, вредно отражающихся на свободе. Законы, к сожалению, всегда должно рассматривать, как зло, необходимое лишь в некоторых случаях, но очень часто не нужное.

Должен закончить тем, что необходимо сочетание уголовного и гражданского прав с административными мерами в интересах оберегания в половой сфере как отдельных личностей, так общества и грядущих поколений. Но это может быть выполнено лишь в тех случаях, когда резко проявленные человеческие слабости категорически мешают достижению таких же результатов добровольным путем при помощи этического и интеллектуального образования и воспитания.

Добавление к главе XIII

I. Случаи из судебной практики.

Приводимый ниже факт имел место в кантоне Сан-Галлен, в Швейцарии, в 1904 г. и, как таковой, в полной мере подкрепляет наши выводы. Фрида Келлер родилась в 1879 г. в Bischofszell'e, в кантоне Thurgau, от вполне приличных родителей. Мать ее отличалась кротостью и чувствительностью, отец же, весьма почтенная личность, был строг и вспыльчив. Среди одиннадцати сестер Фрида была пятой. Училась хорошо, но страдала головными болями вследствие воспаления мозга на четвертом году от роду. Обучалась ремеслу швеи и портняжному искусству, следя также за хозяйством дома. Впоследствии поступила в модный магазин в Сан-Галлене швеей, где ею оставались довольны и платили 60 франков в месяц содержания.

В погоне за большими заработками, она по воскресным дням исполняла обязанности помощницы в кафе, где женатый хозяин упорно приставал к ней со своими ухаживаниями.

Она вскоре перешла в новый магазин с ежемесячным окладом в 80 франков, но, когда ей было 19 лет, хозяин кафе, который давно уже на нее покушался, увлек ее под благовидным предлогом в погреб и здесь заставил ее ему отдаться, что повторялось еще раза два. В мае 1899 г. она разрешилась от бремени мальчиком в госпитале в Сан-Галлене.

Не утаив перед своими близкими всех вышеописанных подробностей, она старательно скрывала свои позор перед чужими. Что касается ее матери, то она весьма сожалела свою дочь, так как в свое время была поставлена в такие же условия, когда ей было 18 лет. Увлечший ее господин покинул несчастную, которая, разрешившись от бремени, убила ребенка, за что и присуждена была к тюремному заключению на 6 лет. Приговор суда объяснил ее поступок не нравственной ее испорченностью, а ложным стыдом. Между прочим, Фрида всего этого не знала. Что касается отца, то он позор дочери принял близко к сердцу, не хотел ей оказывать помощи и даже собирался выгнать на улицу. Ребенок помещен был в местном детском приюте. Соблазнитель делал ей весьма лестные обещания, взяв на себя заботу по содержанию ребенка, но выдал ей всего лишь 80 франков и вскоре совершенно исчез из города.

Суд не выяснил обстоятельств беременности, что не дало возможности привлечь соблазнителя к ответственности. Изнасилования, конечно, в данном случае не было, а имело место неожиданное нападение на духовнобеспомощную девушку и, по утверждению защитника, не могло быть и речи о «любовной связи». Здесь было лишь соращение или неожиданное нападение. Впоследствии соблазнитель отрицал отцовство, но, очевидно, прибегал к неправде, так как он своими платежами и исчезновением непосредственно подтвердил свою виновность.

Необходимо было вносить за ребенка еженедельно 5 франков, и, кроме того, Фриде обходились стол и квартира у ее замужней сестры в 45 франков ежемесячно. По смерти родителей, Фрида получила от отца 2471 франк, которые, впрочем, целиком попали в руки ее брата.

Бедная девушка начала переживать очень печальные дни. Ей нехватает средств на содержание ребенка, и вместе с тем, чувство стыда не разрешает признаться в его существовании. И, наконец, ей предложено было приютом забрать ребенка в 1903 г. по достижении им предельного возраста (пять лет).

Что оставалось ей делать?

Несомненно, что навязчивые мысли, преследовавшие в то время Фриду Келлер, обуславливали ее ясно выраженное патологическое состояние, на которое вполне основательно, указал, между прочим, и ее защитник.

и мучительно хочется сохранить тайну и вместе с тем содержать ребенка, но она не предпринимает в этом смысле никаких мер. Она не заботится о приискании более дешевого приюта, не хлопочет о большем жалованьи, не старается получить своих денег от брата, не советуется с замужней сестрою и даже не преследует соблазнителя, женатого человека, — все это в интересах сохранения тайны. Хотя в связи с законом, предъявление иска об отцовстве к женатому соблазнителю не представляется возможным (!) Но все эти вопросы ее как-будто не интересуют, о чем она и заявила впоследствии на суде. И вот, с понедельника пасхи 1904 г., т. е. с той минуты, когда ребенку предстояло покинуть приют, одна лишь мысль медленно, но зловеще, начинает овладевать ее дезорганизованным и объатым страхом мозгом, мысль, кажущаяся ей единственным просветом в ее отчаянном положении, — мысль о необходимости избавиться от ребенка. Это навязчивое представление цепко овладевает ее разумом и, наконец, толкает ее на решительный шаг.

Несмотря на любовь к детям, Фрида своего ребенка не любила, хотя и аккуратно за него платила. Она его ни-

когда не ласкала, не баловала, не целовала и, будучи в других случаях доброй и отзывчивой женщиной, весьма безучастно относилась к собственному ребенку. В начале апреля приют был ею извещен, что она вскоре примет ребенка.

За несколько дней до этого ее видели мечущейся по квартире в поисках за каким-то шнурком. Внешний вид ее говорил о придавленном внутреннем состоянии. Наконец, она решилась. Сестры ее были извещены, что ребенок ее будет отправлен к тетке из Мюнхена, которая ждет ее в Цюрихе. Схватив ребенка за руку, она отправилась с ним в Гагенбахский лес. Здесь в уединенном месте, она долго раздумывала, не решаясь на свое ужасное дело. Но, по ее словам, какая-то неведомая сила подталкивала ее. Вырыв могилку руками, она удавила ребенка шнурком и, убедившись в его смерти, зарыла трупик и обходным путем отправилась в отчаянии домой. 1-го июня приют был ею извещен о благополучном прибытии ребенка в Мюнхен, 7-го июня трупик после сильного дождя был найден на поверхности земли какими-то бродягами, 11-го того же месяца Фрида заплатила последний долг приюту за ребенка, а 14-го она была арестована. Фрида не переставала объяснять свой поступок неспособностью содержать ребенка, а также необходимостью соблюдать тайну, которая заключала в себе позор ее вынужденного материнства, обусловившего внебрачное рождение.

По свидетельству знавших ее, она отличалась кротостью, добротой, интеллигентностью, любовью к труду, скромностью, любила детей. Заранее обдуманное намерение было признано ею самой, причем она не высказала никаких забот в интересах смягчения своего преступления. Такие случаи по местным законам (ст. 133) заслужи

вают смертного приговора, каковой и был ей вынесен. Фрида Келлер при этом потеряла сознание.

Верховный совет СанТалленского кантона большинством всех против одного вместо смертной казни, назначил ей пожизненное заключение в каторжной тюрьме. В этом заключаются сухие факты, заимствованные нами из протоколов суда в местной газете и из великолепного отчета в «Signale de Ceneve» (господин А. де-Морзье).

И вместе с г. де-Морзье мы должны выразить свою уверенность в том, что вынося такой смертный приговор и не привлекая к ответственности действительного виновника преступления, закон как бы специально создан с целью уничтожить всякую веру в правосудие, которое может быть названо варварским и позором для двадцатого века. Но мы еще присовокупим следующее:

Fiat justitia, pereat mundus. Суд и присяжные сделали свое дело на почве закона. Здесь точка. И в этом правосудие.

Не подлежит сомнению ненормальность душевного состояния Фриды Келлер, находившейся под воздействием самовнушения или навязчивой идеи, что не особенно редко. Непоследовательность ее действий подтверждает это вполне основательно. При большей наличности в мозгах наших судей и присяжных основ психологического разумения в ущерб обилию параграфов кодекса, они на почве сомнения в нормальности обвиняемой додумались бы хотя бы до психиатрической экспертизы. Но возникает вопрос: можно ли навязывать материнские чувства женщине, родившей плод нечаянного полового нападения? Я уже доказывал необходимость искусственного выкидыша в случаях изнасилования. Фрида Келлер имела достаточно основания не любить своего ребенка.

Не любя своего ребенка, даже питая к нему отвращение, что является необычным в материнстве, она этим подтверждала то обстоятельство, что половое удовлетворение было у нее украдено. Этот случай резко подчеркивает грубость и лицемерие наших взглядов в области полового вопроса, которые служат источником стыда, отчаяния и страха, — и только деревянные и высохшие сердца наших юристов и бюрократов могут сохранить в таких случаях олимпийское спокойствие.

Можно было бы принять за горькую насмешку эту милость для несчастной жертвы несчастной судьбы, выжившую в пожизненной каторжной тюрьме. Юстиция Сан-Галлена должна была бы, задумываясь, видоизменить закон и не оставить бедную жертву долго ждать своего освобождения.

Если встречается детоубийство, то чаще действительным убийцей является не мать, фактически убившая ребенка, но низкий отец, покинувший беременную или не пожелавший признать ребенка. В приведенном случае объединились, в качестве благоприятствующих фактов, наследственность со стороны матери, результаты воспаления мозга в детстве, беспомощность, нужда, чувство стыда, а также невозможное поведение отца, — что и сделало ее скорее жертвой, чем преступницей. Подробности дела указывают на то, что ребенок представлял для нее не только источник хлопот и огорчений, но был ей противен.

Но по какому пути женщина добрая, отзывчивая и вообще любящая детей может дойти до ненависти к собственному ребенку? Задавшись подобного рода вопросом, судьи, без сомнения, подумали бы основательнее над вынесенным приговором и, в силу веления своей со

вести, нашли бы действительных преступников в лице мужской трусливой грубости, лицемерия на половой почве и несправедливых законов.

Весьма своеобразно то обстоятельство, что, в связи с протестом соблазителя, направленным против печати, местный суд решил уже после вынесения приговора над Фридой К. (не могущего быть измененным) сделать дополнительное расследование, однако, без пересмотра самого дела! Этот господин удостоился чрезвычайного внимания, и вполне справедливым следует считать протест союза женщин в Арау, направленный против такого законодательства с такими приговорами. Когда каждая беременность и каждое рождение смогут рассчитывать на уважение общества, причем каждой женщине удастся в лице закона видеть защитника ее прав и охранителя ее детей, — тогда лишь детоубийства будут подлежать действительно строгому осуждению.

Дополнительные сведения в октябре 1908 г. О поведении Фриды Келлер в тюрьме вплоть до сего времени я получил следующие достоверные сведения. Вначале она содержалась в течение 6 месяцев в одиночном заключении. После этого она была переведена в качестве прачки в прачешную при тюрьме и отличалась хорошим поведением. В интеллигентных кругах города Сан-Галлена начинают возрастать в ее пользу симпатии. Так как уже раньше один мужчина (Айхеле), приговоренный к смерти, замененной ему пожизненным заключением в исправительной тюрьме, по прошению, был выпущен на свободу, после нескольких лет отбывания наказания, то можно надеяться, что и бедную Ф. К. постигнет та же участь.

В новейшее время, в 1908 г., произошел следующий однородный случай. «Мрачная картина развернулась тре-

тьего дня перед судом присяжных в г. Фрей-берге, по поводу детоубийства, в котором обвинялась 19-летняя сельская работница Кониецко из Силезии. Обвиняемой вменялось в преступление, что она предумышленно умертвила внебрачного ребенка, рожденного в 9 ч. утра 25 февраля в Лошковицах, причем она удушила младенца, засунув ему в рот и нос скомканный платок. Обвиняемая откровенно созналась. Как выяснилось при разборе дела, Кониецко, бедная сирота, поступила в имение работницей. Здесь она пала жертвой грубого насилия рабочего, ныне привлеченного по этому поводу к ответственности, который, между прочим, заразил ее при этом отвратительной болезнью. Благодаря этой болезни, она лишилась места и в своем несчастий, лишенная всякой поддержки, совершенно одинокая, без всяких средств к существованию, она в порыве отчаяния совершила это дело, приведшее ее на скамью подсудимых. Суд признал смягчающие вину обстоятельства, приговорил обвиняемую к двухлетнему тюремному заключению».

Как милостиво! Этот верх милосердия звучит злою иронией.

II. Из нового уголовного закона кантона Люцерна, от 5 июля 1906 г.

(доказательство отсталости наших законодателей).

§ 115.

(1. Богохульство). Кто преднамеренно и обдуманно богохульствует, вызывая этим общественный соблазн,

подлежит двухгодичному заключению в смирительном доме.

В более легких случаях применяются исправительные меры.

§ 116.

(2. Осквернение святыни). Кто из ненависти или презрения к религии учинит насилие по отношению к св. дарам или дарохранилищу, будет считаться виновным в осквернении святыни и, смотря по учиненному соблазну, подлежит заключению в смирительном доме до шести лет.

В более легких случаях применяются исправительные меры.

§ 119.

(3. Извращенный разврат). Противоестественное удовлетворение полового инстинкта при посредстве человека или животного, если этот проступок не учинен при нижепоименованных отягчающих обстоятельствах, наказывается заключением в смирительном доме до пяти лет.

Такое теократическое уголовное право в современном культурном государстве не нуждается в комментариях.

Глава XIV

Медицина и половая жизнь. Половая гигиена

Общие указания. Если богословие представляет собою вероучение о боге и загробной жизни, а право — кодифицированный сборник древних и новых обычаев и законов, то медицина, как говорят, является искусством, — искусством лечить больного человека. Указанные три дисциплины имеют в корне своем одно чувство и одно сознание. Человек пришел к религии и преклонению перед богом под влиянием страха перед темными, таинственными, непостижимыми силами и перед посмертной судьбою, ощущая вместе с тем незначительность собственных знаний и сил. Право обязано своим происхождением чувству справедливости и несправедливости, находящемуся в филогенетическом соотношении с чувством симпатии или совести, базирующейся на необходимости совместной общественной человеческой деятельности. Медицину обусловили ощущение боли и страх перед болезнью и смертью, смягченные сознанием, что страдания могут быть облегчены или же устранены. Но пока богословие, если изолировать его от самовластно захваченной им этики и учения морали, базируется на мистике, силясь красивыми фразами сделать из нее нечто челове-чески-натуральное, право же, игнорируя свое происхождение и конечную цель, ушло в толкование и применение параграфов закона, медицина вся жива живым человеком.

«Седа, дорогой друг, вся теория, и зелено златое дерево жизни». Эти слова Гете должны быть всегда памятны врачу. Чтобы устранить болезнь, т. е. ввести в норму нарушенные функции организма, поскольку это возможно, врачу необходимо знать нормальное тело и его жизненные отправления. Вследствие этого искусство неизбежно должно иметь под собою основу вспомогательных и экспериментальных наук, обуславливающих эти знания, и раньше всего, дисциплины анатомии и физиологии. В зависимости от этого в последовательном развитии медицины происходило и постепенное развитие ее вспомогательных наук. Благодаря медицине, приобрели интерес исследования таких скрытых жизненных познаний, как гистология, эмбриология, сравнительная анатомия и физиология, анатомия и физиология мозга и в новейшее время бактериология. Чем только не займется человек, чтобы охранить и починить свое дорогое я! Но углубление во все эти науки по той причине и поглотило столько места в медицине, что само искусство лечения отступило на второстепенное место, хотя оно не перестает играть самую видную роль в практике и всего больше импонировать естественнонаучно необразованной публике.

Это искусство довольно разноценно. Но оно проявляется в настоящем виде лишь в тех случаях, когда свободное от малейшей примеси шарлатанства, оперирует на основании выводов науки, так как неуч применит свой талант там, где этого не требуется, и пуская в ход ненужные в данный момент средства, шарлатан же сосредоточивает все свое внимание на капиталах больного. Наблюдаются странные сочетания истинного искусства с незнанием, знания с шарлатанством и искусством и знания с недостаточной искусностью. В идеале можно желать

соединения знания и искусства с честностью и отсутствием алчности. Бывают сочетания в лице одного и того же субъекта всех таких качеств, как невежество, бездарность, алчность и шарлатанство. К сожалению, вышеприведенные слова Гете еще мало привлекают к себе внимание даже со стороны одаренных талантов и научно-подготовленных врачей. Есть немало догм и понятия в этой среде, которые воспитаны одряхлевшими гипотезами и предположениями, которым очень далеко до сходства с плодами зеленой ветки действительного опыта жизни. Есть масса врачей, являющихся в своем роде богословами, знающих лишь указку своего руководителя и пользующихся его очками взамен самостоятельного мышления и наблюдения. К таким больше всего принадлежат люди системы (гомеопаты, приверженцы натурального метода лечения и т. д.). Но всего более это положение вещей получает горькое возмездие в сфере полового вопроса.

Нам интереснее самоопределение медицины, как науки, которая, считаясь с далеким от совершенства искусством лечения, нашла для себя удобным прибегнуть к такому гигиеническому закону: «предупреждать лучше, чем лечить».

И тут предрассудки играют крупную роль в представлениях наших врачей применительно к половому вопросу, что наблюдается и относительно алкоголизма, причем здесь не обходится без некоторого воздействия религиозной этики и непоколебимого авторитета. Однако, медицина сделала свое большое дело, так как благодаря ей у нас представилось ясное понятие о половых отношениях человека с точки зрения естественно-научной и этически-социальной. Отношения медицины к половому вопросу, если посвятить им здесь место, значительно отвлекли меня от темы; отсылаю поэтому к главам I, II, III,

IV, и VIII, которые имеют своим основанием медицину и естественные науки. Рассмотрев уже в главе VIII половую патологию, мы обратим здесь внимание на половую гигиену, которую, впрочем, оставим, в ее общей и социальной части, на конец главы, чтобы предварительно указать на некоторые неправильные взгляды врачей на половой вопрос.

В сказанном в главе X мы имели возможность убедиться в том неправильном и вредном взгляде, который поощряет врачебный надзор и регламентацию проституции, не только вредные со стороны нравственной и половой, но совершенно не отвечающие своему назначению и с точки зрения гигиены, в смысле предупреждения заражения венерическими болезнями. Слепо преклоняясь перед авторитетом раз навсегда учрежденного института, врачи брали вопрос с обратной стороны и полагали, что необходимо представление доказательства того, что свободная система должна пользоваться преимуществом пред государственной регламентацией. Но ведь приверженцы регламентации должны сами доказать улучшение дела, хотя бы в отношении предупреждения заражения, с тех пор, как государство взяло проституцию под свою высокую руку. И даже при благоприятном ответе можно было бы сомневаться в необходимости таких принудительных мероприятий. Но не только такого доказательства нет, но и желание собрать такие доказательства закончилось весьма печально. Таким образом, существование этой системы обязано не желанию уменьшить число венерических заболеваний, а объясняется влечением мужчин к излишествам и разнообразию в половой сфере. Однако, можно сомневаться в правах общества продолжать покровительствовать в интересах развратников и сластолюбцев такому недостойному институту, как свод

ничество, получившее патент от правительства, а также унижение женщины и еще большее сокращение ее прав. В этом и сказывается воздействие старых и ложных взглядов на вещи, что немало врачей, которые рекомендуют, в качестве одного из методов своего лечения, посещение проституток и публичных домов. Но ведь такое лечение представляет больше опасности, чем сама болезнь, для которой оно предназначено, и во всяком случае хуже онанизма, поллюций и пр. Что же касается всякого рода извращений, то в домах терпимости они у каждого из их посетителей получают лишь большее усиление.

Я привожу здесь письмо одного нервно-больного, которое может служить типом такого рода историй, имевших место у бесчисленного множества лиц.

"Мне тридцать один год. Я женат был 3 1/3 года и потерял жену два года тому назад, умершую от чахотки. Болезнь эта вскоре обнаружилась у моего ребенка, которого я должен был в течение 1, 5 лет лечить в санатории.

"Под влиянием перенесенного несчастья я почувствовал себя больным и долго не мог придти в себя.

"Я не сплю по ночам, а в продолжение дня безотчетно околачиваюсь по комнатам, не будучи в состоянии освободиться от тоски и угнетенности.

"Ощущаю физические страдания, как тяжесть в голове, спазмы, сухость кожи, потерю семени.

"К сожалению, врачи не облегчили моих страданий. Меня кормили бромом и опиумом и лупулином от потери семени. Так как результатов благоприятных не получалось, то один врач посоветовал мне в качестве единственного средства получить половое удовлетворение. И

вот, пренебрегши моральным чувством, я три месяца тому назад в доме порока, в объятиях проститутки, мнил найти себе исцеление от потери семени. Но взамен этого заразился гонореей, от которой не освободился еще и по настоящее время, так как не помогают ни гоносан, ни вспрыскивания.

«Мое отчаяние не имеет границ и я не задумался бы перед самоубийством, если бы не обязанности, возлагаемые на меня моим несчастным ребенком», . . . и т. д.

Разумеется, в высшей степени бессмысленно запугивать людей преувеличением вредных результатов некоторых половых излишеств. В главе IV (половое стремление) нами приведена была норма вместе с правилом Лютера. Врач же может предложить следующее:

Если молодой человек по каким-либо соображениям еще не предполагает жениться, то должен стараться отвлекать свои мысли от всяких половых представлений, удовлетворяясь ночными периодическими истечениями семени, но отнюдь не прибегая к мастурбационному акту. Это же имеет отношение и к девушкам, которые в этом смысле поставлены в более благоприятные условия, так как в нормальном состоянии инстинкт их слабее и нет выделения желез, обуславливающих половое возбуждение. Если женщина не может владеть собою до брака, то ей необходимо соблюдать большую осторожность, но вовсе нет надобности разуместь в таких случаях проституцию (см. гл. IX, XII и XIX).

Роль моралиста или сурового прокурора совершенно неуместна для врача, к которому обратились по половому вопросу. К сожалению, часто практикуемые запугивания ипохондриков, онанистов и всяких извращенных людей дают самые скверные результаты. Весьма полезным яв

ляется гипнотическое внушение при посредстве врача, которое весьма успешно воздействует, ослабляя половое возбуждение, слишком частое истечение семени и уменьшая случаи извращения. Часто в браке при моногамии много моментов, не разрешающих зачатия, как время после родов, после болезни и т. д. Врач в этом случае должен быть чрезвычайно осторожен. Запретив супружеской чете половые сношения, он поставил мужа в весьма неудобное положение, так как причинит ему страдания, если последний будет воздерживаться, что, между прочим, отдалит его от жены. Если же муж, в интересах удовлетворения своего полового влечения, обратится к продажным женщинам, то неизбежен риск заражения, которое может сделать семью несчастной навсегда.

Отсюда ясно, с какой осторожностью врач должен рекомендовать в браке воздержание. Мы затронем здесь, в связи с вышесказанным, принципиальный вопрос.

Половое воздержание успело возбудить вокруг себя массу всевозможных мнений, из которых крайние, конечно, должны быть исключены, как всякая крайность. Но можно сказать, что всегда господствовала тенденция чрезмерно преувеличивать вред от воздержания. Иногда это довольно трудно, но все же воздержание вполне возможно для обоих полов. Правильным поэтому является мнение медицинского факультета в Христиании, согласно которому заболевания действительно наблюдались, но не в зависимости от воздержания, а в связи с излишествами. Следует избегать обобщений, так как у нормальных в половом смысле людей воздержание может отразиться на их психике и душевном состоянии. Легко возбудимые в половом отношении переживают действительно тяжелые часы в борьбе со своим влечением. Хиникви, о котором мы уже упоминали, приводит случай с одним честным

МО

нахом, который, желая сохранить обет безбрачия, но не в силах совладать со своим возбуждением, вырвал рукой половые части. Такие факты не лишне было бы напомнить проповедникам морали, которые от природы имеют холодный темперамент или успели уже значительно состариться. Они тогда стали бы иначе смотреть на «безнравственность» результатов полового влечения. Одна нимфоманка, богатая и интеллигентная девушка, целомудренная, заявила, что отдастся проституции, если скоро не выйдет замуж. И вместе с тем, как странным должно казаться, когда люди с холодным темпераментом отправляются в публичные дома или обзаводятся семьей, чтобы «сделать так, как другие» и избежать насмешек. Мне лично известен богатый образованный молодой человек, отправившийся под влиянием насмешек товарищей в публичный дом, заразившийся там сифилисом и спустя несколько лет павший жертвой прогрессивного паралича мозга.

Раньше совершение полового акта как у человека, так и у зверя совпадало с представлением о зачатии, но в настоящее время нет места больше для естественного подбора, и, стало — быть, на нас самих лежит обязанность избежать появления на свет несчастных уродов, и поэтому мы должны строго различать удовлетворение половой потребности от зачатия. Это непосредственно в интересах наших и нашего потомства.

Меры для урегулирования в случае надобности и предотвращения зачатия. В главах I и III мы изучили уже механизм совокупления и воспроизведения, который дал нам возможность убедиться в том, что вовсе не представляет большой трудности удовлетворять половые потребности без зачатия, с каковой целью воздвигаются препятствия для проникновения семенной жидкости в матку.

Для этого имеются различные способы или предохранительные меры, как для мужчин, так и для женщин.

1. Меры предупреждения со стороны женщины.

Вслед за совершением полового акта женщина может промывать влагалище теплой водой с уксусом, которого берется от 3 до 5%. Такой способ может быть применяем даже в том случае, когда другое средство (которое применил мужчина) было не совсем достаточно или неудачно. Однако, такое промывание не служит верным предохранением, так как сперматозоиды могли уже успеть попасть в отверстие матки.

Утверждают, что совершение полового акта до менструаций не влечет за собою зачатия, но хотя, действительно, в это время зачатия реже, однако, полагаться на такое средство не рекомендуется.

Имеет применение также маленькая губка, пропитанная каким-нибудь дезинфицирующим составом, вводимая женщиной перед совершением акта в глубь влагалища и вытягиваемая оттуда за нитку вслед за совершением акта. Но и такой способ не надежен, так как сперматозоиды могут проникнуть в матку и независимо от губки.

Так называемые замыкающие пессарии, или замыкающие каучуковые кольца, вводимые женщиной каждый раз перед совершением полового акта и располагаемые перед маточным зевом, также не достигают цели, так как при неправильном их положении они не соответствуют назначению, между тем как семя при этом способе остается во влагалище. Женщина вводит кольцо при помощи ободка, несколько сжав его; во влагалище его устанавливают при помощи пальца, на что слудует получить соответствующие указания от акушерки. Кольцо должно быть

извлекаемо перед менструациями и, вообще, часто подвергается чистке. В последнее время предлагаются к употреблению так называемые предохранительные «шарики», которые состоят из масла какао с хинином и глубоко вводятся во влагалище перед совершением полового акта. Я мало верю в надежность этого средства. Те же самые результаты дает влагалищный пульверизатор «Ате-кос» д-ра Густава (вдувание во влагалище порошка из смеси борной, лимонной и дубильной кислоты в соединении с гумми-арабиком и мукой). Все это ненадежно.

Таким образом, ненадежными являются все средства, которые будет применять женщина, так как приходится иметь дело с полостью влагалища, темной и глубокой, где ничего верного нельзя предпринять. Все это дает основание убедиться в том, что эти средства непригодны.

2. Меры предупреждения со стороны мужчины. Большое распространение имеет способ так называемого *coitus interruptus* (прерванное совокупление), который сводится к тому, что мужчина быстро извлекает половой член из влагалища перед самым моментом эякуляции, так что семя не попадает во влагалище. Такой способ чрезвычайно тягостен, отражаясь на получаемом удовлетворении, и ненадежен, так как может произойти опоздание.

Некоторые мужчины прибегают к *paedicatio mulierum*, который состоит во введении члена в прямую кишку женщины или же в каком-нибудь ином его раздражении (ртом и т. д.). Помимо ненормальности и отвратительности такого способа, он не годится потому, что не удовлетворяет женщину.

Самым простым и достигающим цели средством является непроницаемая пленка, которая одевается на мужской член, находящийся в состоянии эрекции. Тогда семя задерживается в этой пленке, особенно если у основания пленки натянуть, в целях предосторожности, эластическое кольцо, не дающее пленке соскользнуть. Такие пленки называются кондомами или презервативами.

В ходу также каучуковые кондомы, имеющие у отверстия утолщенное и стягивающее кольцо. Однако, они действуют притупляюще на чувствительность головки, значительно уменьшают ощущение сладострастия, задерживая эякуляцию, и кроме того, ненадежны, так как могут прорваться. Имеются, однако, в продаже и лучшие сорта, которые меньше притупляют чувствительность, особенно если до применения ввести туда немного слюны. Каучуковые кондомы должны быть приготовлены из свежей резины, в противном случае они легко прорываются. Кондомы для головки, также приготовляемые из каучука и прикрывающие только одну головку, вряд ли приятнее, так как еще больше уменьшают чувствительность и весьма ненадежны. В настоящее время начали, поэтому, изготавливать, так называемые, цекальные кондомы из прямой кишки различных животных. Они носят название кондомов из рыбьего пузыря и, если отличаются прочностью и не очень тонки, то отлично соответствуют своему назначению. Необходимо только, в интересах предосторожности, одевать подобранное каучуковое кольцо сверх такого кондома, чтобы он не соскользнул и не покрывался складками. Перед применением его смачивают водой и вводят немного слюны. Таким способом устраняется ощущение постороннего тела у мужчины и женщины. Головку также смазывают борным вазелином.

Лучше извлечь еще не совсем ослабевший половой член, осторожно снять кондом с кольцом и вымыть их в чашке, так как один и тот же кондом можно использовать несколько раз, если осторожно промывать его и высушивать между двумя тряпочками, а потом, вдунув воздух, прикрутить отверстие, оставив в таком виде до утра. Таким образом, он снова годен для пользования. Благодаря этому же способу определяется и годность его, так как, будучи проницаем, он не сможет удержать в себе воздуха.

Если кондомы очень тонки, то их можно натянуть один на другой. При обнаружившейся негодности кондома, необходимо сейчас же прибегнуть к упомянутому проспринцованию водою с уксусом. При соблюдении осторожности такой способ безусловно предупреждает зачатие. Женщина, не имеющая основания верить мужчине, может в свою очередь применить какое-нибудь из вышеуказанных средств. Мы обращаем внимание на важность всех этих подробностей, так как бедным людям недоступны слишком частые затраты. Хороший кондом допускает очень частое применение. В экстренных случаях, когда необходима полная гарантия против оплодотворения, рекомендуется одновременное применение кондома мужчиной и пессария или губки женщиной. При промывании же раствором уксуса в воде возможность оплодотворения совершенно исключается. При некотором навыке эта процедура не требует большой затраты времени и совершаются одновременно с раздеванием и одеванием.

Цекальные кондомы, приготовляемые из животной пленки, не притупляют ощущения наслаждения при совершении полового акта. Пьяные забывают всякую предосторожность и легко воспроизводят идиотов. Жен

щинам, которые не могут защитить себя от пьяных мужей, предлагается, по крайней мере, принимать меры предосторожности при помощи пессариев и тому подобных средств, а также промывания.

Обращаю вторично внимание на достижение дешевизны и практичности этих средств, которые, без сомнения облегчают условия нормального брака, исключают преждевременную беременность, не отражаясь на половом ощущении и на чувстве любви, и вводят таким способом дело размножения в соответствующее русло. Если же беременность для женщины безусловно опасна, то применением безвредной операции дислокации труб исключается навсегда необходимость в применении кондомов.

Практикуемое в последнее время совершенное вырезывание матки, при страданиях ее (exБйграйоn), разумеется, имеет следствием совершенное обеспложение женщины.

Высказывалось мнение, и особенно А. Пейером, относительно вредности кондомов. Но это не обосновано. Найденные им сперматозоиды в моче, что может иметь место в самых нормальных случаях, дали ему возможность построить целую теорию относительно нервного расстройства, которое, однако, сюда не имело никакого отношения. Но и другие врачи и простакы рассказывают всевозможные небылицы о применении презервативов и при этом без всякой тени осведомленности на теоретической или практической почве.

Некоторые в своих утверждениях доходят до уверений, что женщина лишается ощущения излияния семени в устье матки! Как-будто какая-либо женщина может это

чувствовать! Невероятно, в какие формы может вылиться предубеждение в интересах своего оправдания.

Патологические субъекты, не имеющие права плодить потомство, благодаря противозачаточным мерам, могут удовлетворять свое половое побуждение, не обогащая человечество уродливыми детьми. Те же меры предоставляют возможность молодым людям вступать в брак в такие годы, когда не имеется еще возможности содержать семью. Кроме того, можно таким способом заранее определить месяц рождения ребенка. Так, в жарких странах можно приспособить роды к осени. Одним словом, является, таким образом, возможность изолировать вопрос воспроизведения от удовлетворения полового побуждения. Мне могут возразить, указывая на то, что эгоисты совершенно откажутся от деторождения, но я в этом не вижу никакого несчастья, так как увеличится лишь число жизнерадостных людей, стремящихся к воспроизведению, которые и обусловят вполне добросовестное поколение.

Эти же меры в некоторой степени ограничат развитие проституции, так как половые сношения в меньшем количестве случаев повлекут за собою беременность, рождения и связанные с ними нередко роковые последствия. Если сюда присовокуплены будут реформы, которые упомянуты были нами в главе XIII, при рассмотрении гражданского права, то можно надеяться, что половые сношения примут более здоровые и нормальные формы. Можно указать также на относительную, но, конечно, не безусловную защиту при помощи кондомов от заражения венерическими болезнями (смотри ниже).

Вышеупомянутая операция у женщины может иметь место во всех тех случаях, когда женщине предстоит на-

всегда отказаться от деторождения (узкий таз, душевная болезнь, эпилепсия и т. д.).

Не верится, что у многих врачей настолько отсутствует чувство стыда, что они непосредственно толкают молодых людей в грязные объятия проституции, в то время как краска покрывает их лицо при упоминании о противозачаточных мерах. Таким образом, обыкновенно, и действуют привычка и предрассудок, давая место стыду там, где его не нужно, и одновременно оправдывая все достойное порицания и отвращения.

Правильное применение средств против зачатия представляет собою камень преткновения для всей индивидуальной и социальной половой гигиены, и святая обязанность врачей подробно ознакомиться с этим вопросом, рекомендуя и поощряя применение кондомов во всех соответствующих случаях. Вместо того, повсюду господствует предрассудок и рутина, значительная часть врачей подходит к этому вопросу с большим запасом теологических и догматических тенденций, чем даже теологи и боящиеся параграфа юристы, — и, по незнанию, или же на почве предрассудка, подвергаются заражению, жен же своих заставляют рожать детей сверх меры. Действительно, в этом случае они проявляют себя профанами. Побужденный VVaасШапсГским обществом врачей, членом которого я состоял, реферировать на эту тему, после того как в Лозанне реферат на эту же тему вызвал всеобщее неудовольствие, я узнал, что некоторые из моих коллег предприняли против меня, хотя и безрезультатно, гонение. Это побудило меня, не считаясь ни с какими последствиями, еще энергичнее защищать мою точку зрения и привлечь их к ответу. Во время дискуссии (присутствовали исключительно врачи и в большом

числе) никто не осмелился возражать против моих выводов. Все, наоборот, даже со мной соглашались.

Гигиена брака. Мы посвятили этому вопросу уже достаточно места в главах VI, X и XIII Б. Из того, что сказано было нами в главах IV и V, могут быть выведены наиболее важные физиологические и психологические условия брака. При условии заключения брака с согласия и сознательного отношения обеих сторон, когда не будут приняты во внимание ни материальные соображения, ни какие-либо источники противоестественного происхождения, ни давление религии и права, если еще при этом обеспечено будет равноправие обоих полов, — то на таких основах может вырасти нормальная взаимная любовь, рука об руку с половым влечением, которая обеспечит внутреннюю связь брака, причем обязанности по отношению к потомству представят собою в той же степени прочные внешние связи. При наличии благоприятной организации происходит слияние этих двух элементов, так как свойственное им социальное чувство долга, или совесть, тесно граничат и с обязанностью, вовсе не нуждаясь в давлении закона. Рассмотрим еще целую серию вопросов на почве медицины.

В главе VII Б мы видели уже, что муж может быть старше жены на 6 — 12 лет, что особенно важно в постоянном моногамном браке. Объясняется это более ранним созреванием, но зато более ранним увяданием женщины в половом и умственном отношениях. Что же касается народов, живущих в полигамии, то здесь, правда, юные мальчики сочетаются браком с юными девочками, которых зато скоро бросают, чтобы обменять на новых юных жен. В нашем обиходе мужчина разрешает этот вопрос при содействии проституции. Развратившись еще в молодости физически и морально и к тому же нередко зара-

жившись венерической болезнью, вступившей в брак склонен смотреть на брачный союз, как на подобие богоугодного учреждения, где роль няньки исполняется женой. Разумеется, трудно придумать такой медицинский рецепт, который указал бы здоровый путь для моногамии, так как полигамия в той форме, в какой она дошла до нас, приближается к жизни животных, проституция же во много раз отвратительнее. *Hic Rhodus, hic salta*, — скажет эгоист, признающий лишь систему «после нас хоть потоп», «ничего не помогает, поэтому не обратим на него внимания!» — легкомысленно отвечает малодушный. «Человек обязан сдерживать свои страсти», — возражает проповедник морали. Мы выберем средний путь и скажем, что при наличии у молодого человека энергии, могущей бороться с его половыми побуждениями, причем до двадцати пяти лет он будет в состоянии оставаться целомудренным, его выигрыш в жизни будет наиболее верным. При отсутствии предрассудков и имея в виду предохранительные от зачатия средства, он может, даже не располагая материальным обеспечением, сочетаться в браке с молодой девушкой. Последняя, в свою очередь, 17-ти или 18 лет, или даже 18 — 19 лет, может стать подругою жизни, так как к этому возрасту вполне развита уже физически и духовно. Разница в годах, таким образом, будет сохранена, и в таком брачном союзе обе стороны смогут успешно продолжать свое образование, поощряя друг друга в стремлении скорее устроиться своею семьей.

Мы уяснили себе уже основы счастья в браке, которое, как мы уже упоминали (см. главы V" б и VII Б.), зависит от умственного, душевного и полового взаимного приспособления, благотворно отражающегося на чувстве любви. Необходимыми условиями их совместного суще

ствования являются общие труд и стремления, готовность быть друг другу полезными и благотворное взаимное воздействие, ничего общего не имеющее с наставничеством или деспотией. Отчуждение не должно иметь места, Мы должны повторить (см. главу V, пример 12), что изолирование спален и постелей ведет к серьезным последствиям, которые, между прочим, обуславливаются и длящейся половой воздержанностью, за исключением, разумеется, таких случаев, как старческая импотенция или серьезная болезнь. Приводилась мысль о том, что женщина должна периодически и достаточно продолжительно отдыхать от половых сношений, и, действительно, в главе IV мы видели, что дикари иногда оставляют в покое своих жен целых два года после родов (все время кормления грудью), так как женщина за этот период считается «нечистой». Но это объясняется лишь тем, что полигамные племена в это время находят удовлетворение при посредстве других женщин. В нашем же моногамном браке необходимо не устраивать перерывов и, если это необходимо, то на непродолжительные сроки. С физиологической точки зрения эти перерывы могут иметь место только во время менструаций и после родов. Грубер полагает («Hygiene des Geschlechtslebens»), что необходимо для периода после родов не меньше четырех недель, но мы допустим даже все шесть недель, и даже в таком случае это будет вполне возможно для мужа. Что касается беременности, то она совершенно не может служить препятствием для половых сношений, причем лишь в более высокие месяцы беременности необходимо соблюдать осторожность, чтобы не принести вреда младенцу- Для замужней женщины необходим достаточно продолжительный промежуток между двумя последователь

ными родами, причем должно пройти не меньше года между родами и ближайшим зачатием, стало-быть, не меньше двух лет между двумя родами. Цекальный кондом благоприятно разрешает этот вопрос в интересах здоровья матери и потомства.

Нельзя заранее определять общего правила для частоты совершения полового акта. Это должно быть обсуждено совместно, но норма Лютера (2 — 3 раза в неделю), которую мы своевременно приводили, очевидно, является наиболее правильной в цветущем возрасте.

Если женщина обладает холодным темпераментом, хотя и любит детей, то она не может навязывать воздержание мужу, если бы он даже не преследовал цели воспроизведения. И не только ей полезно до брака получить соответствующие сведения о половых отношениях, но было бы необходимо, во избежание разочарования и непоправимых шагов, взаимное ознакомление друг друга с потребностями и взглядами на половые отношения.

Если девушка имеет хоть малейшее представление о половых отношениях, хотя бы все время оставалась безусловно целомудренной и от природы нормальна, то все же она инстинктивно будет сознавать, как на нее повлияет мысль о совершении полового акта с тем мужчиной, который ей нравится. Мне рассказывала одна женщина с высшим медицинским образованием, вполне целомудренная, но, разумеется, основательно знавшая, благодаря своей профессии, половые отношения, что одно представление о совершении полового акта с каким угодно мужчиной внушало ей одно лишь отвращение. Но едва явился тот, кто пленил ее сердце, как отвращение это быстро уступило место страсти. Из этого случая, между прочим, подтверждается свойственная женщине мо-

ногамность. В главе XVII мы укажем, каким образом следует посвящать молодых людей в подробности полового вопроса. При настоящем положении вещей совершенно невозможно взаимное объяснение молодых людей перед обручением по поводу их отношений.

Выросши в атмосфере проституции, мужчина часто женится уже истощенный, с большей или меньшей импотенцией, так что в состоянии лишь раздражить свою молодую жену, но не удовлетворить ее. Это ненормальное положение вещей может быть устранено в зависимости от реформы в области половых отношений.

Различают патологическую, или истеричную, любовь, которая с внешней стороны выражается порывами страсти, но мгновенно превращается в ненависть при первом же совершении полового акта. Она свойственна обоим полам, но преимущественно женщине. На сцену выступают тогда такие объяснения: «Это было роковой ошибкой, — я никогда его не любила или не любил!» В таких случаях особенно ценными и, во всяком случае, благоразумными явились бы пробные браки и даже врачебные исследования, которыми могли бы определиться всякие ненормальности в строении женского организма (непомерно узкий таз, делающий опасными роды, и т. д.).

При следовании теории Толстого, т. е. при признании необходимости совершения полового акта лишь в интересах деторождения, девушка должна об этом своевременно предупредить своего мужа, при этом она должна разрешить мужу, в случае его несогласия, прибегать к услугам другой женщины или же отказаться от своей идеи. Я буду спорить, если кому-либо этот взгляд на вещи покажется безнравственным, так как я считаю возможным исходить лишь из основ разума и этики. Впро

чем, этот вопрос слишком щекотлив, чтобы какие-либо нормы могли быть спокойно и систематически применительно к нему обсуждаемы, тем более, что наличность взаимной любви и привязанности всегда будет содействовать получению благоприятных результатов. Потворство инстинктам и страстям здесь менее всего желательно, и удовлетворенными будут вполне те, которые сумели избрать золотую середину. Важную роль играет и вопрос о рождении детей. Мы увидели уже, что тут возможна известная регулировка, и поэтому все заботы наши должны быть направлены на производство доброкачественных детей. Прежде всего важны, конечно, как духовные, так и физические особенности предков и родителей. Одновременно с развитым умом и физическим здоровьем одно из первых мест должен занимать хороший душевный склад, при наличности добропорядочности и энергичной воли. И на самом деле, ни умственные, ни физические преимущества детей не смогут покрыть их слабости, эгоизма и врожденной преступности. Такие дети (здоровенные каналы) являются истинным горем для честных людей, грибами-поганками для общества.

Отсылаю к сказанному о наследственности в главе I. Родители в момент зачатия должны быть вполне здоровы и ни в каком случае не пьяны, так как в таком случае потомство может быть бластофторически испорчено (см. главу I). Если родители очень стары, то и потомство более слабое.

Наблюдаемая в настоящее время тесная зависимость между деторождением и условиями чисто материального свойства достойна самого энергичного порицания. При наличности у людей всех хороших данных душевного и физического свойства, их не должна пугать перспектива обилия потомства, ибо оно при действитель

но лучших своих достоинствах найдет возможность развить свои силы при каких угодно условиях. Падает в борьбе с жизнью лишь все то, что по природе своей недоброкачественно, и бластофторически повреждено. Мы и говорим, конечно, о случайностях жизненного пути, болезнях и пр. Но даже и при таких обстоятельствах от природы крепкий организм сумеет обнаружить больше **стойкости** и большее противодействие, если он только не будет ослабляться воздействием алкоголя, венерических болезней и пр. При естественных, не изломанных культурой условиях существования, как, например, у дикарей, дети являются не обузой, а богатством. Нам же недоступно и воспитание большого количества детей, так как нам не свойственно чувство меры относительно действительно нужных вещей, и большое тщеславие толкает на путь никому ненужной, дорого стоящей и лишь действующей развращающе роскоши. Энергия в деле воспитания должна быть направлена в сторону интеллектуальную, и к этому и сводятся, между прочим, функции государства.

Мы в этих случаях сталкиваемся с весьма щекотливым вопросом, который, однако, должен быть при более естественном положении вещей разрешаем совершенно просто. Два человека, связанные друг с другом искренней любовью, желают объединиться в браке и обращаются за советом к врачу, так как они страдают какой-нибудь болезнью (кто-нибудь из них или оба) или же наследственно обременены. И врачу вменяется в обязанность категорически воспретить брак из социальных соображений во всех тех случаях, когда кто-либо из них подвержен был душевной болезни или еще вполне от нее не оправился, носит в себе задатки туберкулеза или же не успел еще окончательно вылечиться от триппера. Я всегда придерживался такого образа действия.

При меньших осложнениях, но все же наличности сомнительности, когда можно все-таки предполагать, что потомство по своим качествам будет ниже среднего, брак может быть допустим с точки зрения медицины, но при условии неимения потомства. В таких случаях и проявляется особенно благодетельное значение предохранительных от забеременения средств, к которым такие супруги с плохим наследственным предрасположением и будут прибегать, усыновляя, при желании, здоровых сирот.

Но придирчивость и строгость, а также свойственный в таких случаях врачу пессимизм являются здесь совершенно неуместными, так как оказавшая некоторые признаки душевной болезни мать, а особенно какая-нибудь тетка, не могут воздействовать на следующее поколение в смысле запрещения ему плодиться. Указанная в главе I вероятность наследственности должна быть принята в соображение, и в связи с нею врач и укажет, следует ли ограничивать деторождение и в какой именно степени, причем он не должен и в этом случае предъявлять слишком строгие требования, а исходить из среднего уровня массы. Обратиться могут к врачу и люди высоко интеллигентные, но и обремененные наследственностью или психопатические лишь в самой незначительной степени. Врачу надлежит предложить им благоразумный образ жизни на основах гигиены и воздержания от алкоголя. Бесплодие, однако, здесь не является необходимым, так как можно рассчитывать, что потомство, даже и при наличности таких неблагоприятных условий, все же будет выше среднего уровня. Врач, таким образом, обязан не прибегать к обобщениям, а в каждом отдельном случае считаться со всеми имеющимися в его распоряжении фактами и обстоятельствами.

Мы чувствуем себя удовлетворенными, что отныне не представляется необходимым запрещать брак, руководясь лишь опасениями о судьбе потомства. Брак может быть отныне разрешаем хотя бы и психопатам, наследственно обремененным, людям ограниченным и с дурным характером, при условии бесплодности этого брака. Наиболее действительной в таких случаях является дислокация труб, произведенная оперативным путем. К сожалению, хирурги и гинекологи с большим трудом соглашаются оперировать, исходя из таких соображений или же по личной просьбе нуждающихся в этой операции. Они прибегают к этому в случаях местных каких-нибудь страданий, но ни наследственная обремененность, ни страдания на нервной почве почти не служат им побудительным указанием. И таким образом, мы сразу не лишим этих несчастных перспектив в жизни, не будем толкать их на путь проституции и пессимизма. Всякая жестокая мера отличается недолговечностью.

Врачебная тайна. Ни в какой области, может быть, этот вопрос не является столь щекотливым, но и вместе с тем столь затруднительным, как в области половой жизни, причем он успел породить уже различные точки зрения в разных странах. Франция в этом отношении ушла дальше других, и здесь, на почве соблюдения врачебной тайны, можно отказаться от свидетельского показания, можно содействовать укрывательству преступления и пр. Но зато в некоторых странах понятие о врачебной этике почти совершенно отсутствует.

При безусловной наличности таких обстоятельств, которые поставят в тупик при их разрешении, можно все-таки найти некоторые общие указания, которые будут положены в основу взгляда на врачебную тайну для каждого врача. Если врачу доверена какая-нибудь тайна, то он

освобождается от моральной ответственности за ее распространение, если сами доверившиеся ему оказались в достаточной степени болтливыми.

Конечно, необходимо считаться с вменяемостью или невменяемостью пациента. Если врачу доверил тайну какой-нибудь душевно-больной субъект, причем его идеи угрожают безопасности других лиц или же для него самого сопряжены с какими-либо вредными последствиями, то обязанность врача предупредить несчастье, но сделав это в соответствующем месте. Осторожность со стороны врача является наиболее главным условием. В применении к людям вменяемым, врачебная тайна должна быть в известной степени ограничена, причем в случаях, когда она безусловно угрожает интересам третьих лиц и общества, нельзя говорить о ее необходимости и смысле. Врач, например, обязан сообщить, не считаясь с желанием больного, о заболевшем оспой или холерой, во избежание эпидемии, и, очевидно, таким же взглядом на вещи обязан он руководиться и в аналогичных случаях жизни. Ему, таким образом, не может быть вменено в обязанность становиться соучастником содеянного преступления на почве соблюдения врачебной тайны.

Обратимся к примерам из половой жизни.

Молодой человек признается врачу, что имеет склонность к садизму или незрелым детям. Опасность этого человека для общества очевидна, что ставит в весьма неловкое положение врача, но все же нельзя принимать никаких мер. Приступив только к лечению пациента, без принятия необходимых мер для предотвращения его жертв, врач будет неправ. Но еще хуже поступит тот врач, который сделает так, как это было в изложенном уже мною случае, и, вместо ответа по поводу склон

ности пациента к извращенности, начнет на него кричать: «Вы свинья, убирайтесь подальше, а не то я на вас донесу». Так же нерационально поступил бы и тот, кто, не вдаваясь в подробности, донес бы на такого пациента. Врачу надлежит прежде всего детально изучить больного, определить размеры его извращенности и установить, является ли он действительно рабом наследственности, честно помышляющим о своем исправлении и готовым идти на все, чтобы превозмочь свое извращение, — или же это бессовестный эгоист, совершенно не считающийся с нравственной стороной дела и желающий лишь в данном случае выкрутиться из неприятного положения, — в обыденной же жизни уверенно прибегающий к извращенным приемам и, стало-быть, представляющий собою очевидную опасность для окружающих. Такие личности, которых довольно много, стараются чаще использовать врача в своих интересах. Желая и в этом последнем случае придерживаться принципа врачебной тайны, врач сделается как бы соучастником этого пациента. Но как поступать в каждом отдельном случае врачу — при наличии бесконечного количества переходных моментов между двумя этими вышеприведенными полюсами? Выяснение подробностей, как мы уже говорили, является первостепенным и необходимым, причем собственная некомпетентность врача обязывает его обратиться к содействию специалиста (психиатра или невролога) и вынести убеждение в искренности и добропорядочности пациента, в его желании побороть свою страсть и в том, что больной до сего времени еще не поддавался воздействию своего влечения, никому не нанеся вреда; врач примет все меры, чтобы оказать содействие больному и на дальнейшее время, и даст ему указание (кроме совета женитьбы) избавиться от своего состояния, и, если это

окажется нужным, порекомендует ему даже (*horribile dictu*) онанизм и кастрацию. При этом он возьмет обещание с пациента немедленно явиться для поступления в лечебницу, как только почувствует снова, что больше не в силах бороться со своим извращенным влечением. Врачебная тайна при этом не должна быть нарушена. Такое отношение к больному всего вернее может благоприятно на него повлиять и обеспечить общество, чем судебные кары.

В худших случаях, когда больной окажется безнадежным, по собственной ли его воле или благодаря невозможности бороться, и в тех случаях, когда какое-нибудь преступление уже совершено, врачу лучше всего предложить пациенту поступить в психиатрическую лечебницу, в противном случае придется довести о нем до сведения властей, в виду большой опасности больного для общества. Если же последний решил взяться за рациональное лечение, то, разумеется, следует принять меры, чтобы он не подвергался преследованию. Вообще же врачебная тайна должна иметь определенные границы, вне которых молчание врача является уже соучастием, и психиатрическая лечебница в этом случае является наилучшим пристанищем для извращенного больного и исходом для врача, играя такую же роль, как и изоляционные бараки для оспенных и холерных больных.

Взяв наиболее тяжелую категорию извращенных больных, мы имели в виду их, как особенно опасных для окружающих. Но могут иметь место и такие случаи, как составляющие основу драмы Брие «*Les avaries*». Субъект с невылеченным сифилисом спрашивает сонета врача относительно женитьбы. Поступит ли честно врач, если он только отсоветует пациенту и будет безмолвно присутствовать при совершении такого несчастья, так как боль

ной может его и не послушаться — исключительно лишь в интересах торжества врачебной тайны? Не лежит ли на его совести сказать больному: «Будьте осторожны! Если вы поступите несогласно моему совету, я посвящу в вашу тайну невесту или ее отца». Я полагаю, что это его обязанность. Но слишком осторожные действия в этом случае, применяемые обыкновенно к невменяемым, совершенно исключаются, и врач может прямо сказать:

«Конечно, в качестве врача, я обязан строго оберегать вверенную мне тайну вашего состояния, пока оно не посягает на интересы других. Но если вы после моих объяснений все же не остановитесь перед тем, чтобы погубить навеки девушку, надеясь на то, что врачебная тайна обязывает меня молчать, то я принесу в жертву долг врача социальному долгу. И отныне я приму все меры, чтобы помешать осуществлению такого несчастного поступка».

Так, но никак не иначе, представляю я себе долг уважающего себя врача. Аналогичный случай имел у меня место с одним молодым чахоточным человеком. Высказав ему мое категорическое мнение в ответ на его намерение жениться, я получил довольно дерзкий ответ, но тут же, не смутившись, предупредил, что все меры будут мною приняты, чтобы помешать этому браку. Этот молодой человек в конце концов женился на другой, которая хотя и была предупреждена мною, но была им увлечена. Я, во всяком случае, сделал свое дело.

Таким же образом, я думаю, должен поступить всякий врач, имея дело с больными, у которых невылеченные хронический триппер, душевно-больными, склонными к конституциональным половым извращениям и т. д.

В прежние времена урнингов старались излечить при помощи женитьбы, так как считали гомосексуализм приобретенным пороком, и нет недостатка и теперь в таких ничего не смыслящих врачах, которые советуют это делать. Есть урнинги, имеющие даже детей, хотя они относятся с отвращением к той женщине, которая имела несчастье выйти за них замуж, и продолжают сношения с мужчинами. Функции жены и сводятся к обязанностям старшей прислуги, которая должна родить пару детей. Будучи посвященным в перспективу такого брака, врач, разумеется, обязан принять по отношению к урнингу такие же меры угрожающего характера, какие нами приведены были выше.

Могут иметь место еще и такие случаи, когда субъект чувствует лишь некоторые недостатки свои, при наличии которых все же хотел бы жениться. При таком положении дела, получив самое искреннее признание, врач должен сказать следующее: «Хорошо. Вы могли бы сочетаться браком при таких-то и таких-то обстоятельствах, и во всем откровенно сознавшись вашей невесте (или жениху), так как в противном случае ваш брак, построенный на лжи, будет несчастным. Беру на себя поговорить с вашей невестой (или женихом)». Получая чаще разрешение на это, врач может сделать много добра и, во всяком случае, уменьшить количество несчастных браков. При этом для каждого частного случая может решаться вопрос относительно того, будет ли брак бездетным или нет.

Ко мне часто являлись одновременно жених с невестой с целью откровенно изложить те или иные обстоятельства и посоветоваться относительно возможности брака. При таких условиях, конечно, значительно легче

ориентироваться врачу, и остается только пожелать, чтобы такой способ стал бы практиковаться как можно чаще.

Мы коснемся здесь еще вопроса об искусственном выкидыше, но лишь вкратце, так как о нем сказано было в главе XIII В (уголовное право). В этом случае врачу необходимо считаться с целым рядом обстоятельств. Он должен взвесить и социальную сторону дела, причем появление на свет ребенка не всегда должно им отстаиваться, даже если последнему суждено стать калекой. Во всяком случае, должны быть приняты во внимание не только интересы матери, но и плода. Сохранение жизни появившегося на свет калеки необходимо, но, поскольку это доступно, лучше не давать ему родиться. Правда, что лишь после рождения возможно определять качество плода, но тогда уже жизнь даже самого уродливого младенца находится под прикрытием закона, и приходится делать все доступное.

Лечение половых болезней. В главе VIII мы уже сказали, что избежание венерических заражений будет единственным и наиболее верным средством их лечения. Но как же их избежать? Во-первых, не прибегать к услугам проституции; во-вторых, воздерживаться от алкоголя; в-третьих, соблюдать большую чистоту при половом акте и тотчас же после него (обмывание); в-четвертых, подвергнуть предварительному осмотру партнера; в-пятых, применять кондом (для избежания венерических заражений наиболее верным средством являются каучуковые кондомы, так как они легко могут быть промываемы и совершенно непроницаемы. Все же можно применять и цекальные кондомы, но не чаще, чем по одному разу каждый, опуская их в раствор сулемы); в-шестых, не целоваться с подозрительными индивидуумами; в-седьмых, прижигать иодом каждое возбуждавшее подозрение место

(ссадины, пустулы и т. д.). Всякий мужчина, у которого крайняя плоть недостаточно открыта, должен удалить ее оперативным путем (операция удаления фимоза). Женщины должны перед самым совершением полового акта или тотчас же после него делать себе впрыскивания, в случаях появившегося подозрения, из тепловатого раствора (1: 1000) сулемы. (Для проституток, которые ежедневно имеют сношения со многими, это может, при частом повторении, повлечь за собою опасные последствия). Крайняя плоть мужчины представляет собою место, где задерживаются ураты. Поэтому обрезанные значительно реже подвергаются заражению, чем необрезанные. Мочеиспускание после совершения полового акта служит также к промыванию мочевого канала.

Крайне важно также предупредить всех людей своевременно, в молодые годы о той опасности, которую может представить для них заражение венерическими болезнями.

Мнения относительно лечения и течения сифилиса чрезвычайно расходятся. Между тем как большинство врачей еще и в настоящее время преклоняется пред ртутью и преподносит ей, без сомнения, слишком много лавров, — другие порицают применение этого препарата, видя в нем непосредственную причину сухотки спинного мозга и паралича. Замечательно, что у культурных народов упомянутые следствия сифилиса особенно резко проявляются у старых сифилитиков, у арабов же, например, это не имеет места, но зато последние чаще страдают сифилисом костей и кожи. Не объясняется ли это потреблением у нас в большем количестве алкоголя, большей умственной работой или лечением ртутью? Я приписываю это скорее влиянию алкоголя. В новейшее время лечение сифилиса успешно производится и без примене

ния ртути, причем противники ртути утверждают, что характер сифилиса у нас в течение последних лет несколько изменился.

Что касается меня, то я могу, на основании долголетней практики, противопоставить всем догматическим утверждениям следующее:

1. Ртуть, вполне возможно, дает очень хорошие результаты в начале лечения болезни; при длительном же протекании сифилиса ртуть больше уже непригодна и, наоборот, дает даже обратные результаты. При лечении, так называемого метасифилиса (паралич, сухотка или табес), ртуть действует непосредственно вредно, отягчая состояние болезни.

2. Кажущееся излечение первичного сифилиса при помощи ртути или без нее ни в каком случае не препятствует появлению такого метасифилиса (даже через 20 и более лет).

3. Встречаются хотя преждевременные формы собственно мозгового сифилиса (сифилитические опухоли и заболевание сосудов), но действительный паралич и действительная сухотка спинного мозга являются исключительно продуктом первичного сифилиса (метасифилис). Имеются и псевдо-параличи и псевдо-табесы — формы несифилитического происхождения. Но это другие, гораздо реже встречающиеся болезни, которые можно отличать от метасифилиса путем микроскопического исследования.

4. У невинной, целомудренной девушки (которая случайно заразилась сифилисом внеполовым путем) и у детей, не страдающих наследственным сифилисом, пара

лич мозга и сухотка спинного мозга никогда не встречаются.

Здесь не входит в наши виды особенно распространяться, так как мы имеем дело с вопросом исключительно медицинского характера, но примем во внимание лишь некоторые общие пункты. Мы видели уже в главе X, что стыд обуславливает неудовлетворительность лечения венерических больных. Поэтому необходимо наибольшее обеспечение тайны и уважение к чувству стыдливости в этом случае со стороны врача. Больницы должны быть специально с такой целью и приспособлены в смысле возможности лечиться в них, не называя своего имени и не давая никаких указаний относительно себя. Больные венерическими болезнями, особенно женщины, потому, главным образом, и избегают лечения, что опасаются, чтобы их не опознали. Конечно, потерявшая свой стыд особа нисколько не считается с таким положением и если и стремится избежать больницы, то лишь из опасения потерять свой заработок, но более порядочные люди (и особенно женщины), очутившись в таком ужасном положении, со страхом представляют себе перспективу совместного пребывания в специальных отделениях больниц в обществе погибших созданий, не считающихся ни с наличием стыда, ни с условиями приличия. Если тайна лечения, независима от средств больного, будет достигнута и обеспечена, число скрывающих свою болезнь уменьшится до крайнего минимума, что отразится, без сомнения, сокращающе и на числе заражений.

Можно, разумеется, прибегнуть еще и к посредству частного врача, но это не облегчает сохранения анонимности, в то же время обходясь довольно дорого. О кассах для больных здесь тоже не может быть речи. Необходимы в этом случае учреждения общего характера, которые

сделают гораздо больше в интересах общества, чем необоснованная регламентация проституции, о которой мы уже говорили.

Таким же образом, чрезвычайно важным является лечение извращений на половой почве. Мы видели уже возникновение половых извращений в зависимости от наследственности, самовнушения и привычек порочного свойства. В последних случаях противовесом может служить лишь гипнотическое внушение, причем отвлекаяще могут воздействовать косвенным путем и всякие иные средства, как физический труд, массаж, лечение электричеством. Если извращение усвоено привычкой и по нужде, как онанизм или неестественное влечение к своему же полу, то вслед за гипнотическим внушением в смысле исправления может воздействовать и брак.

Но здесь необходимо соблюдение осторожности при постановке диагноза относительно характера извращения, так как только педерастия и онанизм могут представлять собою, главным образом, извращение по нужде, за неимением более естественного. Вообще же, извращения на почве привычки встречаются значительно реже сравнительно с унаследованными извращениями. Мы не причисляем здесь к категории больных таких сластолюбивых субъектов, которые, в интересах ли разнообразия или же желая избегнуть потомства или заражения, разрешают себе противоестественные манипуляции, ибо они сами считают себя нормальными и к содействию врачебной помощи обращаться не считают нужным.

Все те случаи, которые требуют вмешательства врача, почти всегда патологического характера, принадлежат к извращениям наследственным (иногда же самовнушенным или аффективно внушенным). Брак в таких слу

чаях не должен быть советуем. Гипнотическим путем Шренк-Нотцингу удавалось обратить вожделение урнингов мужчин на женщин (удалось это и мне). Но в этих случаях брак все-таки опасно было рекомендовать, так как не было твердой уверенности в достаточно длительном действии внушения. Я с своей стороны старался использовать все меры, чтобы отсоветовать урнингу жениться и, главным образом, плодить потомство. При господствующем современном взгляде на вещи со стороны закона урнинги, к сожалению, не могут вступать между собою в брак, что могло бы давать только положительные в социальном смысле результаты. Как уже было объяснено мною в главе XIII, я охотно присоединяюсь поэтому к тем моим коллегам, которые настаивают на отмене преследования законом гомосексуальной любви и педерастии, обусловленной соглашением между двумя взрослыми индивидуумами. Такие извращенные субъекты должны быть предоставлены самим себе, пока они не приносят никому вреда, не посягают на общественную нравственность и не преследуют несовершеннолетних (содомисты, урнинги, мазохисты, фетишисты и пр.). Если же такой больной на почве стыда и невного расстройства обращается к содействию врача, то его следует лечить гипнотическим внушением, психическим анализом и отвлечением, причем вообще психическое лечение дает отличные результаты. Если установлено безошибочно, что извращение носит чисто усвоенный характер (не следует упускать из виду сочетание из унаследованного и усвоенного извращений), то можно допустить брак, а нередко даже и деторождение после того, как достигнуто уже полное излечение. Бездетный же брак извращенных на вышеуказанных основаниях, при сознательном отношении к нему обеих сторон, может быть вообще допускаем.

Поллюция, онанизм, половая гиперестезия и психическая импотенция поддаются лечению гипнотизмом. При нормальности полового инстинкта во всех остальных отношениях брак чаще может быть разрешаем.

За последнее время весьма усердно предлагался и даже расхваливался иохимбин против импотенции. Мне же приходилось считаться лишь с отрицательными результатами. Предлагались также в качестве вспомогательного средства для введения полового члена во влагалище дорогие аппараты (Эректор, Ультимо и пр.). Мне кажется, что наиболее удобным в этом смысле может явиться хорошо приспособленный и сделанный из хорошей гуттаперчи желобок, который заменит все эти восстановители эрекции. Впрочем, у меня недостает еще в этом случае достаточного количества наблюдений. Конечно, излечение импотенции должно быть установлено до брака и вне его.

При наличии же половой анестезии нет никакого смысла в браке, хотя бы она была и частичной, причем речь идет здесь о мужчине, так как половая анестезия ведь имеется налицо у каждой девушки, не знающей до брака *Orgasmus venereus* и не могущей определить заблаговременно, в какой форме выразится у нее половой инстинкт. Если же половая анестезия будет свойственна женщине и во время брака, то ее наличие не отражается, во всяком случае, на совершении полового акта. Но, с другой стороны, может иметь место брак между обоюдно анестетичными девушкой и мужчиной, конечно, если «брак» будет представлять у них лишь союз на дружеских основаниях, без какой-либо половой подкладки, на исключительно платонических основаниях, какие разумеются чистой теорией. Но, к сожалению, анестетичный субъект совершенно не способен судить о наличии

сти или об отсутствии полового влечения у других, как не способен судить слепой о красках, и поэтому ему свойственно ошибаться при выборе своей подруги для совместной условно брачной жизни. С этим обстоятельством врачу должно считаться.

Мы не имеем здесь в виду специальных указаний относительно лечения половых органов, но считаем долгом указать на практикуемую часто врачами-специалистами ошибку, состоящую в том, что, устремляя всю свою энергию на местное лечение, они не считаются с общими функциями головного мозга. А между тем, некоторые болезни могут быть устранены психическим лечением, путем внушения, как, например, расстройство менструаций у женщины, психическая импотенция, слишком частые поллюции, онанизм, обусловленный фимозом или глистами, и пр. Разумеется, не может быть оправдываема и противоположная ошибка, сводящаяся к пренебрежению лечением местных страданий.

Шантажное лечение. Страдающий человек теряет голову. Этим, в связи с эротизмом, и злоупотребляют вымогатели, которым глупость открывает неисчерпаемые источники, особенно же на половой почве. В этой сфере создалась особого рода промышленность, имеющая своим объектом патентованное и непатентованное мошенничество. Наводя страх на онанистов, извращенных и ипохондриков, эти вымогатели при помощи рекламы обирают людей. Даже на почве так называемого оккультизма зиждется страшный половой обман. Злоупотребление гипнотизмом в половых интересах также имеет место.

Все это несказанно способствует развитию сводничества, уводу детей и т. д. И лишь исключительное невежество массы и неосведомленность в половых во

просах, свойственная даже людям с салонным образованием, образуют благоприятную почву для произрастания этих плевел. Почти ежедневно жалуются мне врачи по этому поводу. Но, в связи с современным состоянием закона, я всякий раз сильно рисковал, когда с фактами в руках собирался обнаружить такое мошенничество. Это требует настоящего разъяснения применительно к половой области.

Глава XV

Половая этика или половая мораль

Не легко указать разграничивающую линию между моралью и правом. Прежнее представление о праве, в связи со взглядом на судебную кару, как на искупление, должно было обеспечить более правильное определение этих разграничивающих линий, но оказывается, что, базируясь на религиозно-метафизических догмах, устаревшее право вторгалось в пределы этики, осуждая несоблюдение религиозных и моральных современных обычаев, как мы это видели в главе XIII, и санкционируя те лишённые нравственного основания и несправедливые поступки, которые исходили из религиозных соображений и ими рекомендовались.

Если же мы примем право в качестве установления для оберегания интересов общества и отдельных лиц от всяких вредных попользований, то мы обнаружим связь его с этикой, которую отрицает целая догматическая школа. И ведь, что представляет собою этика, действительная человеческая мораль?

Предлагалась, правда, и догматическая этика в виде собрания будто бы божественных заветов. На этой почве создались веления, исходившие из религии и отличавшиеся нередко бесчеловечностью. На таких основаниях нередко проявлялось слишком резкое противодействие этики мнимобожественного откровения человеческой этике. Вообще же каждой религии свойственны ее специальные

указания. Когда бог малайцев предписывает им сожрать сердце врага; когда Иегова отличается мстительностью и ревностью, искушая Авраама принесением в жертву своего сына, избивая через своих посланных народ и истребляя весь мужской род при помощи потопа; когда Аллах возводит фатализм в систему, предписывая уничтожение христиан и не разрешая употребление спиртных напитков, между тем как Христос проповедует любовь к врагу и разрешает употребление вина (даже превращая воду в вино); когда индусский бог велит вдове умершего пойти за мужем в могилу, и ряд других богов требует человеческих жертв, — в зависимости от всего этого должно констатировать, что такой калейдоскоп религиозных этик не дает оснований для стройных согласованных выводов. Непосредственно в области полового вопроса религиозные предписания вступают друг с другом в противоречие, как полигамия и моногамия, левират и проч.

Мы поэтому уступим мораль на почве религии жрецам всевозможных исповеданий, как получающим ее, по их уверениям, непосредственно от бога, и займемся человеческой моралью. Однако, формальная догматика будет нами исключена, а приняты в соображение лишь обыденные человеческие взаимоотношения. Связь ее с правом нами уже установлена, причем несомненно и ее соприкосновение с гигиеной (медициной). Если между этикой и гигиеной возникает почему-либо трение, то это обуславливается тем, что имелась в данном случае в виду лишь индивидуальная, а не социальная гигиена (Под социальной гигиеной в обширном смысле я разумею не только гигиену данного общества в защиту слабых, но и всеобщую расовую гигиену, представляющую собою наиболее понятную социальную гигиену. Что касается Плетца, то он в «Archiv für Rassen und Gesellschaftsbiologie»

дал более тесное понятие о социальной гигиене. С точки зрения дидактики он прав. Но я стараюсь объединить эти понятия, так как, по моему мнению, лучшее представление о социальной гигиене ставит на первую очередь ядовитые расы). Врачу же необходимо считаться именно с социальной, а не индивидуальной точкой зрения, или же гигиенические удобства индивидуумов должны у него отступить перед гигиеническими интересами общества. Не должно быть никакого внутреннего разлада между такой социальной гигиеной и человеческой этикой.

Что же представляет собою мораль или этика? Этика с чисто теоретической точки зрения является определением элементов хорошего и дурного в поступках человеческих, в качестве же морали, практически, обязывает делать все хорошее и избегать плохого. Однако, что должно понимать под хорошим и дурным? Хорошее в представлении одного — является дурным в глазах другого. И слова Гете:

"Я силы мощной часть,

Что вечно жаждет зла и все творит добро"

навсегда останутся верными. Если, в свою очередь, скажем: «что часто творят добро, думая о зле», то правильно укажем на то, как наши побуждения не всегда согласуются с вытекающими из них поступками, которые и должны быть отделены от этических побуждений!

Мы можем дальше убедиться в том, что один и тот же поступок, хороший для одного, будет дурным для другого. Если волк сожрал ягненка, то это хорошо для волка, но дурно для ягненка. Мы часто извлекаем хорошее из того, что дурно для другого, и, стало-быть, мораль может быть только относительной, причем не представляется

возможности обнаружить абсолютно положительных или абсолютно отрицательных сторон ее. В наших взаимоотношениях мы стремимся лишь уменьшить это зло и увеличить добро, поскольку возможно. Из практических соображений не представляется, например, даже возможным равнодушно присутствовать при чрезмерном размножении многих рас, безнадежных, однако, в смысле своего умственного состояния, ибо нам может угрожать в конце концов вытеснение этими расами. Одна и та же вещь может причинить нам раньше неприятность, а потом удовольствие, и наоборот, как например, наставление или же чрезмерное удовлетворение лакомки, ощущающего сперва удовольствие, а потом неприятность.

Мы определяем отсюда относительность наших моральных обязанностей, которые теоретически состоят в социальном благе и предъявляемых им требованиях к отдельным личностям, а практически в успешном проведении их в жизнь как отдельными индивидуумами, так и условиями общества. На почве социального блага каждый должен воспитывать в себе добрую волю и чувства альтруизма, причем все роды словесных поучений должны уступить делу и жизненным примерам.

Высшей целью этических функций является деятельность в интересах грядущих поколений.

Если усвоить себе альтруизм и эгоизм достаточно правильно, то в них можно видеть лишь относительную противоположность. Строить основы нашего существования на одном только принципе эгоизма столь же неразумно, как бессмысленно принимать все меры для проведения в жизнь одного только альтруизма. Кормящие своих товарищей медом из своего желудка пчела или муравей, очевидно, ощущают при этом удовлетворение, таким

образом, идя навстречу своим альтруистическим инстинктивным стремлениям. Но человеку еще далеко до одинакового ощущения радости при процессе получения и давания. Человек, жертвовавший своею жизнью или страдающий за родину, семью, науку, очевидно, испытывает некоторое удовлетворение, толкающее его на определенный поступок. Принимая все меры к тому, чтобы природный хищнический инстинкт человека ввести в естественные нормы, более или менее совпадающие с проявлением альтруизма, мы последовательно обеспечиваем нашему потомству земной рай, который, впрочем, будет весьма относительным, но все же более интересным сравнительно с нынешним положением вещей.

Человечество в сильной степени нуждается в хорошем наследственном качестве, воспитании воли и характера подрастающего поколения. Состояние варварства, выражающееся апатией, грубостью чувства, безволием, невежеством и суеверием, все еще свойственно нам независимо от недостаточного воздействия школы, а также религии, не приспособленной более к современному положению вещей.

В «Гамлете» Полоний говорит:

"Это выше всего; будь сам себе предан,
И отсюда следует, как день за ночью: У
тебя не будет фальши ник кому".

Это глубокие, истинные слова, заключающие в себе этическое начало, но для практического их осуществления нужно обладать соответствующим характером.

Эта естественная человеческая мораль даст нам фундамент для половой этики или морали, причем мы

легко ее себе усвоим, рассматривая в связи с нею все, что изложено было в предшествующих тринадцати главах. Без зависимости с побуждениями, обусловившими данные поступки, мы можем считать их социально положительными, или полезными, социально нейтральными или безразличными, и социально отрицательными, или вредными. Но даже в ограниченной сфере применительно к одному или нескольким другим субъектам один и тот же поступок может быть хорошим (положительным), дурным (отрицательным) или же безразличным. Этика, разумеется, считается прежде всего с побуждениями, обусловившими поступок. Но при отсутствии этического чувства человек не в состоянии творить что-нибудь социально положительное, между тем как человек ограниченный и не имеющий представления о вещах, исходя из самых благородных мотивов, учинит что-нибудь весьма отрицательное в социальном смысле. Вместе с тем на почве тщеславия и мести может быть составлено «великодушное завещание», приносящее большую пользу обществу, но вредящее отдельному лицу. Побуждения могут также быть обусловлены эгоистическими соображениями, но из тех же соображений в практическом их применении приносить другим пользу.

Альтруисты представляют собою категорию людей, в которых чрезвычайно мощны этические положительные чувства, которые они и стараются так или иначе приложить к хорошим социальным делам. С другой стороны, чистый эгоист — это индивидуум, который всю силу своей личной симпатии направляет на самого себя. Этическое безразличие эгоиста продолжается до тех пор, пока он не затрагивает интересов других. Но и альтруизм немислим без некоторой доли эгоизма. И если говорить об идеале социального чувства, то нужно его разуместь во

взаимодействии эгоизма и альтруизма, удовлетворяющим потребности общества. Особняком стоит этически испорченный или реально проявляющийся эгоист, составляющий в этом смысле отрицательный элемент. Чистый эгоизм, разумеется, является почти неосуществимой редкостью, так как неизбежно на почве стремления к самоудовлетворению создаются столкновения с интересами окружающих лиц. Социальный порядок на чистом эгоизме, рекомендуемый некоторыми, поэтому фактически не возможен.

Половая этика находит себе основу на этих соображениях. В этическом смысле половое стремление является безразличным. Но смешение понятий, обусловленное исключительно недоразумениями, сделало то, что понятие о «нравственности» вообще, как о моральном, и моральное поведение (в смысле безупречности его применительно к данной догме) в половой сфере начали считать почти совпадающими. Если мы возьмем полового анестетика, то он, без сомнения, будет весьма «нравственным» в половом смысле человеком, но в жизни он может быть испорченным до крайности. Мы не можем здесь этически оценивать его половое равнодушие. Если же урнинг не покушается на целомудрие девушки, то это тоже не вменяется ему в моральную заслугу и т. д. Но на почве полового стремления создаются чрезвычайные иногда столкновения с этикой, ибо получение наслаждения обуславливается пользованием другими людьми. Отсюда исключается фетишизм (и, разумеется, содомия), так как при пользовании неодушевленными предметами в этом случае или услугами животных не затрагиваются пределы морали. Половая этика в представлении различных людей встречает весьма разнообразную оценку, как мы это видим, например, в осуждении предохранитель

ных от забеременения средств такими лицами, которые очень усердно отстаивают проституцию. Считая рождение ребенка вне брака преступлением против нравственности, тот же человек не останавливается перед сомнительной нравственностью, с какою связано непрерывное рождение его женою детей, с опасностью для ее здоровья. Есть и такие моралисты, которые не дают, молодому человеку освятить браком свои отношения к возлюбленной, советуя отделаться от нее и от внебрачного плода деньгами. И вообще, на почве лицемерия, мистики, педантизма, предрассудков, моды, определенного шаблона, нравственности и алчности создаются начала, которые ни в одной точке своей не соприкасаются с этикой. Безнравственность при этом выступает под прикрытием морали. Каковы же должны быть основы этики в половой сфере? На почве свободы от предрассудков можно дать следующий ответ.

Первое положение сводится к тому, чтобы «раньше всего не вредить», второе же, чтобы «всеми мерами приносить индивидуальную и социальную пользу». Таким образом, формула социальной морали выразится следующим положением: «твое половое побуждение и половое действие не должны сознательно приносить вред отдельным индивидуумам и особенно обществу, а содействовать, по мере сил твоих, повышению счастья и ценности».

Вполне понятно, что во всех областях инстинктивной жизни и алчности, в особенности же в половой сфере, умение владеть собою принадлежит к наиболее важному этическому требованию и обуславливается воспитанием характера и воли. Человек должен уже с юных лет приучаться управлять своими инстинктами и страстями, чтобы достигнуть таким путем единственно действитель-

ной относительном свободе, которая делает жизнь достойной и осмысленной. Уже исходя из этих причин, необходимо рекомендовать нормальному человеку половое воздержание. Но особенной заслугой или жизненной целью воздержание не может считаться.

Каждый социальный человек должен стремиться к возможно правильному использованию своего полового инстинкта и умения любить, в интересах его собственных и всех окружающих. Если он сумеет довести эту задачу до конца, впереди его ждет полное удовлетворение, — сознание честно исполненного долга. Во всех своих поступках он должен не упускать из виду, например, следующих образов:

1. Плохой от природы субъект, поддавшись мгновенной страсти, обещивает девушку, наделяет ее внебрачным младенцем и бросает на произвол судьбы. Его поступок как с этической, так и с точки зрения эгоистической, безусловно отрицательный и подлежит обсуждению; обольститель наносит непоправимый вред совращенной им девушке, да и себе приносит больше вреда, чем пользы.

2. Побуждаемая религиозно-этическими соображениями, мечтательная девушка связывает свою судьбу с беспутным пьяницей, в целях его спасения. Лишь в редких случаях такое самопожертвование окупается достигнутыми результатами. Отрицательный с точки зрения эгоизма поступок этот, будучи идеальным по своим альтруистическим мотивам, все же еще предосудительнее в социальном отношении. Такая женщина, спасая от гибели одного человека, совершает тяжкое преступление перед своим будущим потомством, на котором этот акт

самопожертвования отразится крайне отрицательными последствиями.

3. Наследственно тяжело обремененный и импульсивно психопатический субъект, при сильном половом стремлении, соединяется в браке с хорошею девушкой в интересах воспроизведения. Положительный с точки зрения эгоизма поступок, рассчитанный на удовлетворение своего "я", является этически отрицательным по отношению к хорошей женщине, становящейся несчастной, и (в большинстве случаев) к потомству, которое унаследует дурные задатки.

4. Одаренный способностями, трудолюбием и идеалистическим взглядом на вещи, при отличном физическом здоровье, субъект находит себе соответствующую подругу жизни. Не гонясь за легким существованием, они задаются целым рядом социальных задач и вместе с тем производят столько потомства, сколько это можно, чтобы не повредить здоровью матери. Здесь идеально сочетались положительный альтруизм с положительным эгоизмом.

Такое счастливое сочетание не всякому, разумеется, доступно, но половая этика может быть налицо и при менее благоприятствующих обстоятельствах. Нервные субъекты или физически слабые лица, заключая бездетный брак, могут иметь в виду целый ряд социальных задач, усыновляя чужих сирот. Положительная этика, по моему, не пострадает, если когда-нибудь в будущем, при сочетании браком нормального и ненормального индивидуумов, второй из них разрешит первому производить потомство при содействии третьего нормального лица.

Составив себе ясное представление о половой этике, всякий найдет способы ее осуществить, творя поло

жительное добро, избегая зла и удовлетворяя естественные склонности, разумеется, не на почве дурных или извращенных стремлений. Это первым долгом исключит участие в такой социальной гнусности, как публичные дома, проституция, с которыми он будет бороться. Стараясь не вредить в половом смысле всякой другой личности, он примет все нужные меры в случаях невольной ошибки.

Заповеди Моисея в двух местах касаются половой этики:

Седьмая заповедь: не прелюбодействуй.

Десятая заповедь: не желай дома ближнего твоего, не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего.

Но одиннадцатая заповедь Христа гласит: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», выражая устои, какие приличествуют и современной этике. Более полная формулировка современной этики может быть сведена к следующему: «Тебе вменяется в обязанность любить человечество больше, чем самого себя, и свое счастье провидеть в его будущем счастье». На этом базируется указанная нами раньше заповедь социальной этики.

Заповеди Моисея рассматривают женщину как собственность, которая, под страхом божьей кары, неприкосновенна для чужого с точки зрения исключительно собственности. Но, уравниваясь в правах с мужчиной, женщина требует уже иных отношений. Мы вывели уже возможность иногда нарушения обета в браке, без нарушения половых этических начал.

Но половая этика человека должна стремиться к сдерживанию эротически-полигамных побуждений, все

гда могущих повредить счастью других. Очень редки случаи, когда такой вред не обнаруживается (см., например, Гюиде-Мопассан «Mouche» и А. Куврер «La graine»).

В стремлении воздействовать на чувственность читателя, наши романы заняты описанием экстраординарных случаев на почве взаимоотношений полов, не могущих служить базой для социальной этики. Средний человек далек от тех ужасов на почве страсти, которыми его наделяют, не убивается и довольно быстро (даже женщина) утешается. Требование безусловной верности до и после гроба также не совпадает с половой этикой, представляя лишь эгоизм пары. Супружеская верность, заключая в себе безусловно положительные элементы, теряет всю свою прелесть в искусственном преувеличении, так как создающийся культ преклонения перед одной личностью исключает остальные объекты всего мира, к которым относятся чуть ли не с презрением.

Чувства альтруизма у человека, как мы уже говорили, будучи прямыми или непрямыми, представляет собою филогенетические отзвуки полового стремления и особенно половой любви. (Мы согласны с тем, что объединение индивидуумов одного и того же пола основывалось на филогенетическом развитии животных, равно как и человеческих обществ. Но непосредственно чувства симпатии, создающие возможность дружественного общения, являются отзвуками первоначального чувства симпатии индивидуума к индивидууму на почве полового влечения). Тайна половой этики, таким образом, основана на альтруизме в половой сфере, выражающемся не этическими формулами, а поступками. Такая этика пока еще недоступна человечеству, которое питается проповедями самого этического содержания, продолжая оста

ваться глубоко эгоистичным. Этика не может существовать без социальной деятельности.

Было время, когда велась борьба за жизнь против природы, зверей и враждебно настроенных людей. Первые мотивы борьбы отпадали, а борьба с людьми превратилась в колоссальные войны, нелепость которых становится все более и более очевидной. Если в свое время Гектор или Винкельрид не отделял чувства любви к своей жене от чувства любви к родине, то сын века аналогично посвятит, себя борьбе за социальное благо. Мужчина и женщина в этом случае должны идти рука об руку, причем социальная работа благотворно отражается на них самих, обуславливая высокую мозговую деятельность и здоровый дух в здоровом теле. Даже ограниченный ум совершенствуется в такой деятельности, приспособляясь все более и более к социальным функциям.

Может ли человек при такой жизни взять на себя инсценировать такого рода головоломные произведения, какие навязываются ему бульварною литературою? Если это человек нормальный, то, «разумеется, нет»! Нужна патологическая подкладка, чтобы этические стремления личности не в состоянии были повлиять на ее половые побуждения.

Нами указывалось уже на необходимость не какой-нибудь работы, а социальной. Всевозможные однообразные занятия, в какой угодно отрасли, обуславливают односторонность мозга, атрофию этических чувств и исключительность в любви (не в половом стремлении). На таких основах нередко пара эгоистов (а иногда и несколько) дружно эксплуатирует общество. Их верность друг другу и специальное понимание счастья обуславливаются удачею в делах. Ну, а потом? При иных условиях, когда

личные интересы слились с интересами общества, собственное счастье ощущается интенсивнее, но и несчастье не отражается на расположении человека, находящего себе утешение в служении интересам общества, не ожидая взамен ничего от людей, так как привык пренебрегать своими личными стремлениями.

Нельзя говорить о недостижимости хороших привычек. Есть люди, занимающие весьма скромное социальное положение и все-таки имеющие вполне ясное представление об альтруизме, который исповедуют. В главе XVII мы говорим о мерах для развития в этом направлении ребенка. Трудно, разумеется, получить альтруиста из человека, предрасположенного исключительно к эгоистическим проявлениям. Воспитание в известном направлении дает хорошие результаты и при устранении таких отрицательных фактов, как власть алкоголя и денег.

Кроме всего этого, правильный подбор должен быть положен в основу интересов человечества, причем только ряд столетий даст плоды сознательного в этом смысле отношения людей к своим обязанностям. Но человеку свойственно развить энергичную деятельность лишь в тех случаях, когда он видит близкие и непосредственные результаты для своего милого "я". При других же случаях выступает на сцену вялость, апатичность, и человек, сам ничего не делающий в интересах реформы, говорит о других людях, «что они очень плохи, и их с места не сдвинешь». Пример. Какой-то гимназист задался целью устранения алкоголизма и ревностно в продолжение пары лет работал в этом направлении. Сделавшись студентом, он на почве нескольких неудач сразу бросил свою работу, заявив, что «движение против алкоголя лишено будущего». И лишь спустя несколько лет он сознался в том, что ушел от своей деятельности лишь потому, что не

желал прослыть оригиналом. Но узнав, что движение идет вперед и без него, решил взяться снова за эту работу. Люди быстро воспламеняются и решают, что все должно вокруг них столь же быстро и ярко загореться. Если этого не случилось, то они быстро сами же тухнут. У них нехватает личной силы воли, чтобы продолжать ходить своей собственной дорожкой.

Воспитание детей, к сожалению, носит на себе те же следы. Человек весьма медленно и инертно двигается вперед в этой области, чтобы усвоить все лучшее и применимое к жизни.

Мы отошли в сторону, так как рассматриваем такое проявление любви (см. главу V), которое относится к этике вообще. Но уже и на этой почве создается преграда для социально вредных извращений естественного полового стремления. Половая этика не должна создаваться под угрозой религиозных кар и из-за перспективы райских наслаждений. Отсылаю к главам X, XI, XII и XIII. Половая жизнь качественно улучшится, если, минуя мистическую и религиозно-догматическую этику, почувствует под собою этику общечеловеческую, считающуюся с нормальными требованиями человека и счастьем его потомства.

Брак для нас должен представляться в качестве нормального удовлетворения полового стремления, но и вместе с тем этической специальной школы жизни, ие распадаясь на отдельные только проявления. Половая связь между супругами укрепляется на почве разделения труда, равноправия и совместной социальной деятельности. Их работа для обеспечения своего счастья заставит их относиться с уважением к счастью других. Исчезнет ненормальность и фальшь в супружеских взаимоотноше

ниях, свободных от воздействия догмата религии и вмешательства священника. И даже смерть покажется естественным результатом использованного и удовлетворенного жизненного существования.

Есть немало ограниченных субъектов, не считающихся с возможностью осуществления такого идеала, который действительно окажется недостижимым для людей испорченных, неинтеллигентных, погрязших в наслаждениях. Но такой идеал осуществлен уже лучшими человеческими созданиями. Необходимо поэтому в таком духе и воспитывать детей (см. гл. XVII) и улучшать их путем подбора:

«Аллах не должен больше творить, ибо мы создаем его мир!»

В моей брошюре «Половая этика» я ближе высказался по этому вопросу. Эта брошюра вместе с настоящей книгой, подверглась нападению со стороны д-ра Ф. В. Ферстера (*Sexualethik und Sexualpädagogik, eine Auseinandersetzung mit den Modernen, Kempten. Kosel 1907*). Я мог бы удовлетвориться ответом Ферстеру со стороны Юлиана Маркуса (*Die sexuelle Frage und das Christentum, 1908*). Но здесь уместно сказать несколько слов.

Ферстер, который был раньше дарвинистом и монистом, испытал некоторую эволюцию вправо, сделавшую его «почти католиком». Вся его этика сделалась изобличающе теоретически-дуалистической и практически мистическо-аскетической. Примеры: «Природа демонична и должна быть управляема сверхъестественными силами»... Они славят традицию и замалчивают ее исправления на почве науки. «Дух и плоть противопоставляются друг другу». «Человек бесхарактерен и таковым, останется, пока он будет смешивать природу и дух» (благодарю

покорно!)... «Религия представляет собою сверхприроду» и т. д.

При этом Ферстер крючок. Он замалчивает всю патологию, почему-либо ему неудобную. Он говорит в красивых выражениях о добром старом времени, как будто этому времени не свойственны были в такой же мере половые эксцессы и бесхарактерность, как и нашей эпохе. Он обвиняет меня в желании забраковать всех слабых путем естественного подбора и воспитывать совершенно противоположное. Он говорит, что я преувеличиваю, желая играть в «провидение». Он осчастливил нас патологическим провидением, перед которым мы должны молитвенно преклониться! Совершенно верно, г. доктор! Мы должны снабдить себя разумом и наукой вместо того, чтобы слепо полагаться на мистическое, крайне проблематическое провидение.

Несмотря на его добрые намерения и все хорошее в его практической этике (напр., воспитание воли путем самообладания) я все же сожалею Ферстера и прямо предостерегаю от него. Он не считался с тем, что наука не допускает пристрастия, предрассудков и предпосылок. И ныне, в XX столетии, он трубит отступление к устарелой, полуварварской, источенной червями этике, которая плодами своими давно бы себя осудила, если бы люди не были бы так бесхарактерны и не поклонялись бы своим старым идолам.

Он ставит мне в укор мое желание, путем техники предохранение от зачатия, лишит человечество его последних благодетельных этапов, обвиняя в покровительстве распутству, утонченности и искания наслаждения. Здесь перед вами авторитетный принцип людей, наводящих других на определенную мысль, отказывающих всем

в званиях и выставляющих себя единственными защитниками морали. Таким образом, признавали опасными и противными морали все открытия как книгопечатание, солнечную систему Коперника, железные дороги, телеграф и т.д. Конечно, все может быть использовано в худом смысле. Можно при помощи динамита разрушать поместья и жизни, а ножами убивать. Но следует ли из этого, что больше не должно применять динамита для прорытия туннелей и ножей при хирургических операциях? Скрывать средства для регулирования деторождения — это безумство, малодушие. Должно, наоборот, обучать человечество применять их для получения благоприятных результатов.

Приложение к главе XV

Два случая.

Среди критиков первого издания моей книги (Schmidts Jadrbucher der Medizin. 1905) умерший уже в настоящее время женоненавистник д-р Р. И. Мебиус, автор труда «Physiologischer Schwachsinn des Weibes», пишет между прочим:

«Можно иногда опасаться, например, благодаря покровительству Фореля интересам аболиционистов, когда он мечтает о „равноправии" полов. Отдельные пункты здесь действительно заслуживают удивления, как например, психология полов: мужской интеллект больше; при различии чувств у полов они отличаются одинаковой силой; воля женщины сильнее (ибо она проявляется интенсивнее в хозяйстве)!»

Не считаясь с такою наивною мотивировкой, которую навязывает мне Мебиус в моем труде и которой на самом деле здесь нет, я не считаю нужным оправдываться перед этой «критикой» и в виде ответа привожу лишь поучительный случай, сообщения которого я обязан г. Юлиусу Ф. Эд. Вундзаму в Цюрихе, ручающемся за верность его передачи. На этом случае можно проследить, какую внутреннюю ценность представляет собою наша современная половая мораль.

Мои родственник, молодой австрииский морской офицер, вместе со своими приятелями, будучи в Тунисе, отправился в дом терпимости. Здесь одна девушка, едва увидев офицера, громко вскрикнула и убежала к себе, запершись на ключ и не желая выходить до тех пор, пока

не убедилась в том, что вся компания эта ушла. Но молодой офицер, сильно заинтересованный, спрятался за портьерой и дождался прихода девушки в залу. Каково же было удивление моего родственника, когда он в этой девушке узнал дочь одного приличного господина из того города, из которого он сам был родом.

Застигнутая врасплох, девушка в слезах поведала офицеру свою горькую судьбу, взяв с него слово не раскрывать ее тайны.

По ее словам, она вступила в любовную связь с офицером, служившим в гарнизоне их города. Отдавшись ему и скоро почувствовав, что готовится быть матерью, она сообщила об этом своему возлюбленному, который, не задумываясь, перевелся в Триест! Родители узнали о состоянии дочери лишь значительно позже, когда скрывать уже больше не представлялось возможности.

Семья сурово отнеслась к несчастью дочери и выгнала ее на улицу. Бедная девушка отправилась в Триест, чтобы здесь найти защиту у своего соблазнителя. Но ее постигло жестокое разочарование. Офицер заявил ей, что не может ни жениться на ней, ни взять ее к себе, а предлагает лишь деньги, с тем, чтобы она избавила его от дальнейших «хлопот»! Она в презрении отказалась от предложенной суммы.

Не имея возможности вернуться домой и не располагая свободными средствами, девушка решила отправиться на поиски за местом. Но последние месяцы беременности не разрешили ей свободно располагать собою. Она обратилась к одной женщине, бывшей у них когда-то кухаркой и вышедшей замуж за трактирщика в Фиуме, с просьбой ее приютить в настоящем ее положении. У этой женщины она и поселилась, помогая ей по хозяйству и

разрешившись преждевременно от беременности мертвым ребенком. Остаться здесь больше не представлялось возможности. Какой-то агент, часто посещавший трактир, предложил ей устроить ее в немецкой семье в Генуе, где она предполагала изучить также французский и немецкий языки. Но эта «немецкая семья» оказалась публичным домом, откуда девушка впоследствии попала в Тунис.

Здесь она провела целый год, успев уже наполовину отупеть, начиная покоряться своей судьбе, так как все пути были пред нею закрыты. Отчаяние девушки, встретившей моего родственника и сразу перенесшейся в атмосферу бесследно для нее минувшего прошлого, не поддавалось описанию.

Он старался на нее воздействовать, предложив оказать помощь через местное консульство, но перспектива позора останавливала ее пред мыслью о возвращении домой.

Мой родственник обратился к соблазнившему ее офицеру с указанием на его долг, но не удостоился даже ответа. Он же без ее ведома выхлопотал для нее место бонны в Вене в одной знакомой семье. Он не сообщал, конечно, никаких подробностей, но писал лишь, что девушка эта жертва неудачной любви, брошенная своим соблазнителем, ушедшая из родного дома и нуждающаяся в заработках. Сообщить о том, как пала несчастная, он не решался, опасаясь натолкнуться на известные воззрения на этот счет со стороны буржуазной семьи. Да и самой девушке после этого было бы неудобно.

Девушка не соглашалась снова войти в круг порядочных людей после своего столь глубокого падения и переживала чрезвычайные страдания.

Но мой родственник не пожалел своих сил, чтобы постараться убедить ее в возможности исправления.

Были приняты все меры, чтобы хозяин не мог узнать истинной причины посещения офицера и желания его освободить девушку, так как в противном случае девушка увезена была бы в какой-нибудь другой дом терпимости.

Заплатив все причитавшееся за девушку в доме терпимости, офицер должен был пустить в ход угрозу, чтобы добиться ее освобождения.

Девушка встретила в Вене весьма радушный прием. Что же касается моего родственника, то он ее уже больше после этого не встречал.

Мой родственник на первых порах с ней переписывался довольно усердно, причем получал от нее благодарственные письма за выпавшую на ее долю спокойную, счастливую жизнь. Его знакомая, у которых помещена была девушка, тоже отзывалась о последней в самых лестных выражениях.

Но впоследствии, за дальностью расстояния, переписка совершенно прекратилась. Вернувшись из путешествия и посетив в Вене семью, где помещена была девушка, родственник мой встретил здесь довольно холодный прием, а на вопрос о рекомендованной им девушке получил в ответ выговор за помещение в порядочном доме падшей женщины, бывшей до этого, как ему самому было известно, в доме терпимости.

Ей было оказано полное доверие, как собственной дочери, и не имели основания быть ею недовольными. Она совершенно скрыла свое прошлое, которое лишь, благодаря случаю, открылось после того, как она пробыла в этой семье больше года.

А «случай» этот состоял в том, что хозяйская дочь, будучи в гостях в Триесте, познакомилась с капитаном I\I, и вскоре с ним обручилась. Когда капитан приехал в Вену представляться родителям невесты, он увидел здесь их бонну и чрезвычайно смутился. Смущена была и девушка, попросившая даже позволения не выходить из своей комнаты под предлогом нездоровья. Капитан уехал на следующий же день, а спустя несколько времени от него получилось письмо следующего содержания. Он в письме объяснил причину своего смущения при встрече с бонною. Эту девушку знал он давно, она из порядочного дома, но рано пошла по скользкому пути. Сам он видал ее впоследствии на подмостках кафе-шантана в Триесте, а товарищ ему сообщил, что девушка эта находится в доме терпимости в Тунисе. Он, разумеется, убежден в том, что родителям его невесты неизвестна вся эта история, ибо ее в таком случае и не приняли бы в семью, но он, как жених, не может отнестись равнодушно к тому, с кем его невеста ежедневно проводит время.

Это письмо было прочитано моим родственником. Капитан N. и был тем офицером, который когда-то соблазнил несчастную девушку.

Конечно, согласно желанию капитана, девушка была тотчас расчитана, причем ей предложено было жалованье за месяц вперед.

Капитан милостиво указывал в своем письме, что девушка эта, во всяком случае, представляет собою «жалкое создание, заслуживающее снисхождения».

«Что касается девушки, то она, не вдаваясь в подробности и сознавая свою кину, сейчас же ушла, отказавшись, однако, от месячного гонорара из гордости и высокомерия».

С тех пор она исчезла с горизонта знавших ее людей.

Родственнику моему так и не удалось ее найти.

Таким образом, он не в состоянии был спасти несчастную девушку, но зато избавил хозяйскую дочь от брака с этим капитаном".

К этому рассказу Вундзама мы прибавляем: «Пусть страдальчество этой несчастной благородной девушки способствует тому, чтобы наша постыдная лицемерная официальная мораль в половом вопросе заменилась бы новой!» Этот случай для нашей обычной половой этики можно поставить в pendant к случаю Фриды Келлер в правовом половом вопросе.

Следующий второй случай совершенно лишен трагизма первого: я мог бы сказать, что это было сатирической комедией, так как счастливый исход его также представляет собою традиционный конец всякой комедии. Но он не менее поучителен и сообщен мне из источника, заслуживающего безусловного доверия.

Один военный врач встретил в доме терпимости девушку, которая при виде его упала в обморок.

Он узнал в ней дочь из одной его знакомой знатной семьи.

Врач привел девушку в чувство, пошел с нею в ее комнату и здесь узнал от нее все подробности ее быстрого падения.

Она жила в уединении со своим овдовевшим отцом в замке и все время проводила в праздности Отец ее часто отсутствовал из дому, уезжал на охоту, а дочь, оста-

ваясь постоянно одна, дала себя увлечь одному из служителей замка.

Отец, узнав об этом, немедленно упаковал ее вещи, выделил ей ее материнское наследство и, посадив на железную дорогу, исчез с ее горизонта, оставив ее на произвол судьбы. К сожалению, злые люди оказались легче на подъем, чем добрые самаритяне. У неопытной девушки быстро забрали ее приличные деньги, а ценные вещи были промотаны или украдены. И в один прескверный день открылся, после долгих мытарств, печальный путь в публичный дом, где она и пребывает по сие время.

Ознакомившись со всеми этими подробностями, военный врач отправился к содержательнице дома терпимости, которая сообщила ему, что девушка чрезвычайно задолжена. Но врача осенила счастливая мысль. Он вынул случайно оказавшийся в его жилетном кармане гардеробный номерок и таинственно показал его содержательнице. Эта приняла предъявленную ей жестянку за ордер тайной полиции и быстро назвала действительно причитающуюся ей сумму долга. Врач уплатил — и увез освобожденную девушку в крупный город, где поместил ее продавщицей в большом магазине.

С этого момента знатная девушка вела себя безукоризненно. Она вышла впоследствии замуж за мелкого чиновника, и была примерной хозяйкой. У нее больше не было основания кого-либо ненавидеть, кроме ее высокопоставленного отца, о котором не желала больше знать.

Глава XVI

Половой вопрос в политике и политической экономии

Политика, к сожалению, всегда преследовала своей целью только власть и деньги (Речь идет, разумеется, о политике капиталистического строя. — Прим, ред.) И лишь с несказуемыми трудом и невзгодами одержали победу свобода и человеческие права. Политическая экономия, с своей стороны, представляет науку, изучающую народное хозяйство и условия его существования. В связи с историей, статистикой и результатами наблюдения она старается определить законы, которым подчиняются отношения производства, потребления и распределения добра, труда и заработной платы, общественной организации народов, народного здоровья, а также, в числах, отношения народонаселения, прироста и убыли, рождений и смертей и проч. Не будучи достаточно компетентным, не буду разбирать здесь деталей затрагиваемого вопроса. Наука эта, как соприкасающаяся с политикой, мало считалась с естествознанием, хотя за последнее время замечается в этом отношении переход к лучшему. В 1894 году Тилле писал: «За последние пять лет сделано было удивительное открытие, не снившееся ни Адаму Смиту, ни Мальтусу, ни Кобдену, состоящее в том, что народ образуют не продукты и не страны, а люди. Это на самом деле представляет собою нечто новое, хотя, без сомнения, теперь, когда это открытие уже сделано, всякий

заявит, что было ему известно еще раньше». Наука начинает интересоваться гигиеной рас. Учение об эволюции, применительно к политической экономии, мы встречаем у Коньетти де-Мартис (*Le forme primitive nella Evoluzione economica*, 1881). По той же дороге пошел и профессор Е. Швидланд в Вене в его интересном труде о потребности и жадности психологии человека: «*Die psychologischen Grundlagen der Wirtschaft*». (*Zeitschrift für Sozialwissenschaft*, 1895). В прежние времена принималось в соображение лишь количество, а не качество людей, причем человек в качестве образа и подобия божьего, мог родиться только хорошим. Все же его физические и нравственные уродства приписывались его грехам и свободной воле. Вырождение «до третьего и четвертого поколения» считалось за кару бога в ответ за грехи отцов.

Тираны древних и новейших времен всегда считали людей лишь орудием для осуществления своих стремлений, пушечным мясом. Назначая премию для матерей, имевших большое потомство, Наполеон, очевидно, желал лишь обеспечить достаточным количеством солдат своего сына. Его мало занимала духовная сторона рождающегося поколения. В человеческом подборе особенно губительно отражаются войны, которые уничтожают лучшую часть населения, оставляя ему в живых инвалидов и больных. Войны, таким образом, непосредственно отражаются на половых человеческих отношениях, вредя не только количественно, но и качественно.

Политическая экономия, которая дает нам ряд правильных цифр, указывает, те экономические условия, при которых получается прирост или убыль населения, представляет все-таки лишь суммарные результаты, не освещая нам причин. А между тем, необходимо считаться с эмиграцией и иммиграцией, привычками народов и т. д.

Известно, ведь, что post hoc (после этого) не значит еще propter hoc (поэтому). Мы выясняем такие своеобразные подробности: если остальные условия одинаковы, то не прибегающее к спиртным напиткам население оказывается более плодовитым, чем такое, которое в большей или меньшей степени злоупотребляет алкоголем, что можно, между прочим, непосредственно видеть в России на воздерживающихся от пьянства сектантах. Принимая же во внимание и качественное бластофорное воздействие алкоголя на потомство, мы вместе с Гладстоном, Дарвином, Кобденом, О. Контом и другими придем к заключению, что привычка к алкоголю является большим злом для человечества, чем война, голод и чума, вместе взятые. А между тем, слепые экономисты готовы видеть в продуктах производства спирта источник народного благосостояния. Сколько затрачивается энергии, земли и сил на добывание этого губительного продукта, не дающего никакого питания, не представляющего пользы, если не считать аптекарского и промышленного применения, но имеющего главной своей целью телесную и духовную порчу человеческого организма. Было бы смешно, если бы не было так грустно, следить за средоточенностью, с какою чиновники высшего ранга и ученые определяют акцизные доходы со спирта, экспорта его и импорта, монополии фабрикации и пр. Бюджет государства, как это ни необъяснимо со стороны, регулируется при содействии отравления народа алкоголем, причем господствует убеждение, усвоенное авторами этого способа и навязываемое другим, что в такой системе заключается политико-экономический подвиг. Но в действительности соки и здоровье народа повергаются на алтарь Молоха, который, взамен полученного разрешения питаться мозгами масс, охотно предоставляет в распоряжение казны легко

доставшиеся средства. Такой вид политической экономии заслуживает лишь названия «лжи и надувательства». Воздействие этого на половую сферу и наследственность не будет когда-либо достаточным оттенять самым энергичным образом.

Что касается количества населения, то в этом смысле существуют совершенно противоположные взгляды на вещи. Иным рисуется счастье масс в неограниченном увеличении числа их членов, причем они, как и Бебель, утверждают, что земля в состоянии будет прокормить еще невероятное количество людей, если достаточно целесообразно будут использованы все ее клочки и части. Нас не прельщает этот необычайный китайский идеал, рисующий себе все лицо земли в качестве унавоженного картофельного и пшеничного поля, с кроликовым человеческим расплодом на нем. Есть, однако, основание полагать, что усилив свою культуру, китайцы и по своей собственной инициативе превратят весь мир в такой человеческо-кроликовый приплод, если нами своевременно против этого не будут приняты меры.

С другой стороны, мы имеем дело с идеалистами, носящими название неомальтузианцев и считающими количество земных обитателей слишком большим, вследствие чего они и борются с половым их приростом. Один из известных английских неомальтузианцев (д-р Драй-сдаль) заявил мне, например, в своем письме, что произведение мною на свет больше четырех детей, является преступлением. Эти неомальтузианцы, в свою очередь, обращают все свое внимание на количество, упуская из виду качество, базируя на этом довольно наивные вычисления. Ими рекомендуется также применение предупреждающих зачатие средств. Но они не соблюдают при этом никакой последовательности. Прежде всего они

апеллируют к наиболее интеллигентным, умственно выше стоящим слоям общества, обуславливая таким образом стремление к уменьшению необходимых обществу представителей лучшего качества, между тем как негры, китайцы и еще ниже стоящие слои населения не будут считаться с такими суровыми постановлениями, что даст в конце-концов противоположные результаты. У северо-американцев и новозеландцев, сильно придерживающихся неомальтузианства, понижается чрезвычайно число рождений и уменьшается количество лучших рабочих элементов, в то время как происходит сильное размножение негров и китайцев. То же мы можем видеть и во Франции, где руководятся недалёковидными экономическими соображениями. Хотя во Франции число смертей превышает число рождений, но все же неомальтузианцы еще недовольны!

Эти противоположности, бессмысленные с первого же взгляда, могли бы давно уже уступить место целесообразному и благоразумному подбору. Неомальтузианство и следует предлагать дурным низшим расам, отличающимся болезненностью, неспособностью и тупоумием. И, наоборот, наиболее интенсивное размножение настоятельно необходимо рекомендовать более сильным, здоровым, обладающим высшими качествами. Я вижу в этом обстоятельстве косвенный особенно важный политический момент, может быть, более важный, чем все остальное. Результаты выясняются при этом, разумеется, весьма медленно, и о них можно будет судить лишь по истечении нескольких столетий. Но при таких только условиях обеспечено будет лучшее будущее нашему потомству. Настанет период, когда человеческое население на всей земле дойдет до более или менее постоянного состава. При соответствующем улучшении его качества и сведе

нии на-нет отупения пролетарских масс, обусловленного голодовками и нищетой, неомальтузианское учение будет иметь свой смысл и в применении его к лучшим элементам общества. Если людям не грозит в результате китайское отупение, то рациональный подбор будет практиковаться и нашим потомством. Одаренный человек больше дает обществу, чему него берет, и с точки зрения политической экономии являет собою известную ценность. Духовный же или физический урод потребляет больше, чем в состоянии дать, и применительно к политической экономии дает недочет. Я отсылаю здесь к выводам Ф. Гальтона (Eugenik), приведенным в главе XIX.

Мы видели из главы VI, как последовательно обычаи, обязанные своим возникновением человеку, преобразуются в составные элементы религии. Религия и политика, на беду человечеству, всегда взаимно дополняли друг друга, чтобы делать зло. Безбрачие священника, например, имеющее в своем основании религиозную политику, содействовало обеспложиванию более развитой умственно части католического населения, без сомнения, отразившись на нем отрицательно.

Мы уже говорили об установленном Наполеоном I безобразном запрещении разыскивать отцовство. Такими постановлениями и обуславливаются искусственные выкидыши и развращенности мужчин, между тем как здоровье семьи и нормальность половых отношений мы определили лишь при условии правильного исполнения обязанностей родителями относительно своего потомства.

Политическая экономия, как и всякая политика, преследующая благо людей, имеет целью содействие появлению наиболее счастливого, полезного, здорового и работающего потомства. Все возрастающее количество бла-

гоустроенных и научно-поставленных больниц, лечебниц для душевно-больных и идиотов, приютов и пр., говорит о культуре и любви к человечеству. Однако, должно считаться с тем, что непрекращающиеся попечения наши о человеческих руинах, явившихся следствием социальной бестолочи, подтачивают живые силы цветущего и трудолюбивого населения. Наибольшей человечностью отличается такая деятельность, которая направлена на уничтожение зла в самом корне его, в интересах полного прекращения появления на свет умственных и физических уродов. Эта часть вопроса, впрочем, не интересовала наших политиков и экономистов, так как не предвиделось возможности самому же и вкусить от продуктов такой деятельности. Человека, посвятившего себя таким высшим интересам, могли называть фантазером, странным, может быть, даже не совсем нормальным субъектом. Вся энергия уходила на показную гуманность, поворачивавшуюся в ту сторону, откуда страдания доносились наиболее громко. Починка руин отвлекла от самого разрушителя, давно уже подлежащего ответу.

Ликург в Спарте, этот великий законодатель, хотел провести половой подбор законодательным путем. Он мечтал о превращении спартанцев в сильный народ, так как физическая сила считалась тогда идеалом людей. Но он отдавал предпочтение закаливанию, не рекомендуя работы. Заботясь об устранении нездорового и слабого элемента из среды народа, он не мог еще опираться на мало известные в то время законы природы. Но и при достаточной неорганизованности: и неполноте этих законов Ликурга, ему удалось все-таки сделать спартанцев очень сильным народом.

Законы Ликурга не допускали для спартанцев прав на земельное владение, а также и каких-либо излишеств.

При простом образе жизни, постоянном питании своей черной похлебкой, они в частых упражнениях приобретали силу и гибкость. Брак был для всех обязателен, устои же семьи были непоколебимы. Уродливое и слабое потомство удалялось или попросту выбрасывалось. Однако, этой организации свойственно было два основных недостатка.

Прежде всего житель Спарты представлял из себя воина, но отнюдь не работника, а скорее аристократа, хотя и мрачного и закаленного. Презирая работу, он оставлял ее целиком илотам, которые, благодаря этому, усиливались насчет его ослабления. Благодетельное воздействие труда на мозговые центры не было еще известно в те времена Ликургу и его ближайшим советникам. Затем, вся энергия спартанцев уходила на воспитание физической силы, ловкости, мужества, суровости и умения приспособляться, между тем как ум и его развитие, чувства и какие-либо высшие стремления оставались в пренебрежении. Такая односторонность Ликурговой системы, направленной только на физическое развитие народа, в ущерб умственной его деятельности, пренебрежение, оказываемое труду, — и вообще приемы воспитания, не совпадающие с общими формулами органического развития, обуславливали неблагоприятные результаты. Спарта впоследствии, между прочим, пала главным образом жертвой пренебрежения этими законами. Поставив себе целью исключительно власть, спартанцы со всех сторон навлекли на себя ненависть, что и отразилось впоследствии на самом их существовании. Но такой опытный прием непосредственного применения человеческого подбора является наиболее замечательным на протяжении всей человеческой истории.

Мы располагаем в настоящее время гораздо большим количеством реальных данных для успешного решения этого вопроса, но зато нет желания проявить активную деятельность у тех людей, которые стоят во главе правления над остальными людьми. Высшие социальные идеи совершенно ступшевались у них перед экономическими вопросами и стремлением к власти. Лучшие перспективы вырисовываются лишь в каком-нибудь чрезвычайном социальном потрясении.

Ou est la femme? — обыкновенно спрашивает француз, останавливаясь перед чем-либо запутанным в политике и в жизни. Этот вопрос может быть поставлен несколько шире и глубже: «в чем заключается половая побудительная причина?» Людские проступки, независимо от положения данной личности, в большей степени, к сожалению, зависят от ее чувств и страстей, чем от рассудочных соображений, т. е. велений ума и логики. Но половые чувства любви, ревности и ненависти стоят в этом случае на первом плане. Этим и объясняется то обстоятельство, что половые страсти и их психические проявления в подавляющем большинстве случаев, непосредственно или косвенно, играют наибольшую, нередко зловредную роль во всех сферах человеческой деятельности. На почве ревности жена профессора не допустит талантливого человека к занятию соответствующего места в высшей школе или же проведет туда не по заслугам своего фаворита. Известна роль метресс и куртизанок в политике, особенно при автократическом образе правления. Положение вещей не всегда может зайти так далеко, завершившись трагическим скандалом, как при убийстве сербской королевской четы. Незаметные и незначительные обыденные явления могут нередко сыграть очень крупную роль. И судьбы народов очень часто зави

сели от половых интриг высокопоставленных особ. В этом мы можем убедиться из официальной истории народов, но действительная история могла бы дать нам значительно большее количество фактов. Беря за исходную точку вышеизложенное, всякий мыслящий человек сам будет в состоянии иллюстрировать наши заключения примерами из известной ему жизни прошлого и политики настоящего, независимо от той области и сферы, которую он изберет объектом своего исследования. Независимо от экономических общественных отношений, хотя бы и в должной мере урегулированных, нельзя поручиться за то, что в любую минуту не вторгнутся половые страсти в социальную жизнь, внося сюда полную дезорганизацию. Избегнуть нежелательных последствий можно лишь соответственным воспитанием обоих полов, направленным к повышению их социальной совести, причем личные половые ощущения повлияют на дурные социальные проявления. Мы, таким образом, и обнаруживаем проникновение полового вопроса в политику и социальную жизнь. Но с последовательным устранением вредного влияния презренного металла исчезнут в большей или в меньшей степени и те противосоциальные воздействия, которые имеют лишь отдаленную связь с половым побуждением.

Такое положение вещей в большей степени будет зависеть от правильно проведенной в жизнь женской эмансипации, при непосредственном участии женщины в разрешении социальных вопросов. При такой совместной деятельности наиболее рельефно выступит вся серьезность социальной жизненной проблемы. Половая жизнь, как таковая, не будет уже больше препятствовать социальному прогрессу, а оказывать ему возможное содействие, так как исключено будет на этот раз стремление к

эгоистическому наслаждению, которое уступит место существованию на основах труда. В тех местностях, где женщине предоставлено право голоса, она сумела уже доказать свое умение ориентироваться в социальных интересах. Мне укажут на большую консервативность женщины и на ее приверженность к рутине, но у нее, по-моему, берут зато верх чувства симпатии к благородным, социально мыслящим и социально функционирующим представителям противоположного пола (см. главу V б). Кроме того, очень ценны с точки зрения успешной социальной работы ее настойчивое стремление к цели и самоотвержение. В своей статье, приведенной выше, Швидланд требует, в интересах политической экономии, всегда проводить грань между необходимостью и жадностью. Пределы необходимости и излишества не поддаются точному практическому определению. Мы, например, считаем необходимостью такие вещи (матрац, удобное помещение, чистота и т. д), которые наши предшественники называли принадлежностями роскоши. К тому же желания людей отличаются вообще беспредельностью и ненасытностью. Если вполне обосновано стремиться к осуществлению вполне нормальных желаний, то освящение всякого вожделения является прежде всего несправедливым.

Должно обязательно проводить грань, как я это указывал в другом месте (*Hygiene der Nerven und des Geistes*), между хорошими и дурными «надобностями» и вожделениями. При этом хорошими будут те надобности, которые обуславливают здоровое существование и вообще побуждение к социальной деятельности, плохими же будут те из них, которые вредно влияют на жизнь и здоровье отдельных индивидуумов или же пагубно отражаются на интересах целого. Вторая указанная категория

принадлежит уже к области излишеств, т. е. к жадности, а может быть, и к порокам. Среднее место принадлежит нейтральным желанием, как, например, равнодушие ко всему красивому.

В некоторых вещах, составляющих объект человеческого вожделения, заключается непосредственный вред, как алкоголь и наркотические вещества. Вредными могут оказаться и другие предметы, когда они превращаются в ненужную роскошь, как обжорство, половые эксцессы, денежные средства, украшения и т. д. Половые объекты занимают весьма видное место среди предметов вожделения. Если султан или паша обзаводится большим количеством жен, то это, например, представляет собою социально вредную роскошь, гранича с посягательством на права других. Это нами уже раньше рассматривалось. Я желал лишь, присоединяясь к Швидланду, указать здесь на то, что, основываясь на политической экономии, является важным устанавливать точные грани, независимо от их относительности и объективности, между вожделением и необходимостью.

Глава XVII

Половой вопрос в педагогике

Сравнив факты, приведенные нами в главах IV, VI, VII и VIII, мы несомненно придем к заключению, что половые ощущения и половое стремление каждой личности состоят из двух категорий элементов: 1) из таких элементов, которые являются унаследованными и в виде задатка филогенетически приносятся с собою (наследственная мнема), и 2) из элементов, усвоенных за весь период человеческого существования, благодаря влиянию внешних раздражений, привычки и упражнений. Из них принадлежащие к первой категории пребывают на первых порах в состоянии покоя в человеке, будучи зародышевыми энергиями и задатками его и относясь к человеческому характеру. Большинство их активно проявляется с наступлением половой зрелости, причем они продолжают уже в дальнейшем развиваться в зависимости от внешних влияний и усвоения их личностью и ее волей или головным мозгом. Вторые же из них являются следствием влияния на первые эротических раздражений и привычки или упражнения. Педагогика относительно первых совершенно бессильна, так как они образовались уже раньше, и представляют собою лишь базу для педагогического искусства. Педагогика может заняться лишь соответствующим направлением таких унаследованных половых задатков в наиболее целесообразное и обеспечивающее хорошие результаты русло. При наличности безусловно извращенных задатков, как вполне определенные го-

мосексуальные стремления, садизм и т. д., этическому воспитанию ничего больше не останется делать, как, по возможности, стараться влиять на характер и ослаблять половое раздражение, качество же его не сможет быть изменено, и на это не следует возлагать никаких надежд. Если же дело приходится иметь с нормальными средними задатками, то воспитание может иметь весьма благотворное влияние в интересах сведения на-нет патологических уклонений и естественного правильного развития влечения.

Мы убедились, особенно из главы VII, в том, что постепенное приучение к определенным впечатлениям чувств ослабляет эротическое их воздействие, между тем как на эротизм, *ТисТиво* БехиаПБ, исключительно возбуждающе влияют некоторые необычные зрительные и другие впечатления и представления, имеющие отношение к противоположному полу. Людям свойственно повторять одну и ту же ошибку при воспитании ребенка, а именно: навязывать ему свои представления (представления взрослого). Элементы, возбуждающе действующие на взрослого в половом отношении, совершенно не трогают ребенка до достижения им половой зрелости. На этом основании представляется возможность совершенно свободно рассуждать с ним на тему об определенных вещах, не рискуя воздействовать на него в половом отношении. Если же ребенок научится смотреть на половые отношения и все сюда принадлежащее, как на нечто естественное и обыденное, то впоследствии и любопытство его и эротизм будут иметь гораздо меньше пищи, за отсутствием в них прелести новизны. Привыкнув постепенно к голому телу взрослого, ребенок находит вполне естественной наличность половых органов и не будет удивляться, когда современем у него появится растительность на по

ловых частях. Но на основе ложного стыда и при отсутствии представления о половых вещах ребенок приходит в сильное возбуждение и испытывает стыд, благодаря появившимся у него волосам, что вместе с тем служит и источником эротического раздражения. Это еще значительно связано с первыми менструациями у девочки и первыми истечениями семени у мальчика. Непроницаемая пелена, которою изолированы все представления, имеющие то или иное отношение к половой сфере, не только внушают ребенку страх и опасения, но и возбуждает любопытство, усиливая пробуждающийся эротизм. Это и служит причиной совершенно неподходящего ознакомления ребенка с интересующим его вопросом, благодаря посредству скверных людей или испорченных уже товарищей, а также из наблюдения за совершением полового акта животными, чтения соответствующей литературы и пр. Такое ознакомление в виде реальных дурных результатов обуславливает онанизм или иной род полового извращения, а также посещение проституток. То, что называют невинностью, или наивная неосведомленность ребенка, является особенно привлекательной в представлении жаждущих сладострастия мужчины и женщины, испытывающих особый род наслаждения от сведения с пути ребенка. Родители очень редко считаются с результатами того пренебрежения, с которым они относятся к наивным вопросам из половой сферы, предлагаемым ребенком, причем отделяются обыкновенно недомолвками, туманностями и ложью. С удовольствием ссылаюсь здесь на мнение интеллигентной матери семейства г-жи Шмидт-Иегер (De l'éducation sociale de nos filles, Lausanne, Maison du peuple, 1904), вполне мною разделяемое. Вот приблизительно ее рассуждения:

Подавляющее большинство матерей дает воспитание своим дочерям до брака, но можно ли найти достаточно целесообразный образ подготовки! Разумеется, нет, ибо еще и в настоящее время игнорируются необходимейшие знания, которыми должна располагать будущая супруга и мать, так что длинный ряд столетий молодые девушки, выходя замуж, не имеют представления о своих собственных естественных функциях и обязанностях. Им дают поверхностное представление э стряпне, шитье и ведении хозяйства, но половая сфера и вся ее роль остаются для девушки совершенно неизвестными. В Цюрихе открылась недавно школа для сиделок, проходящих курс ухода за роженицами. Здесь же допускаются к обучению и такие девушки, которые, не готовясь в сиделки, пожелали бы ознакомиться практически с госпитальным курсом, чтобы иметь возможность в своей родной семье оказаться полезными в случае надобности, при болезни кого-либо из ее членов, особенно же когда окажутся в семье новорожденный или роженица. Было бы чрезвычайно полезно всюду и везде ввести такое нововведение. Как не умеючи, аляповато и ничего не понимая берется молодая женщина за все эти незнакомые ей функции, и как дорого ей стоит нередко это незнание! У людей в настоящее время положение вещей в этом отношении значительно осложнилось, и нельзя уже рассчитывать на один только инстинкт, как у животных, который подскажет, что делать при уходе за вновь родившимся потомством. Доктором медицины в Цюрихе г-жей Гильфикер недавно внесен в этом смысле еще более совершенный проект, нуждающийся уже в санкции законодателя. По ее мнению, рядом с военной службой, предоставленной в распоряжение мужчины, в интересах, между прочим, развития его мускульной силы, было бы желать

тельно установить и для девушек, не занятых какой-либо другой профессией, по достижении ими 18-ти лет, однолетние занятия в больницах, приютах, женских клиниках, народных школах и пр. Женщины получили бы, таким образом, социальное образование, непосредственно в их интересах, причем все эти учреждения, в свою очередь, имели бы достаточный контингент необходимых руководящих сил. Почему одним лишь мужчинам вменяется в обязанность несение социальной службы?

"Можно ожидать энергичного противодействия в ответ на это революционное предложение. Раньше всех будут оскорблены в лучших своих чувствах буржуазные матери, которые никогда не смогут допустить, чтобы их дочери ознакомились с такими вещами и понятиями, которых ни в каком случае не должна знать девушка до ее замужества. О, святая простота! Почему же скрывать? Не разумнее ли последовательно готовить к браку наших дочерей, давая им точное представление о браке и связанных с ними функциях и обязанностях. Желание так или иначе уйти от объяснения и разъяснения, обыкновенно наблюдаемое в этом случае со стороны родителей и воспитателей, должно называть хотя и бессознательным, но все же преступлением. В то время как мужчины вполне осведомлены относительно того, что ждет их в браке, девушка, благодаря господствующим нравам, блуждает в потемках незнания, нередко губительно отражающегося на всей ее будущности. Кому первому пришла в голову эта лишенная разума мысль, в силу которой целомудренной девушке вменяется в обязанность, в момент приступления к своим половым функциям уже в качестве жены, не иметь никакого понятия об их естественном значении и о предъявляемых к ней определенных требованиях. С точки зрения уголовного закона, наказуемым считается по

ступок, при котором человеку навязывается действие, истинная природа и результаты которого для данного субъекта остались неизвестными. Какой же каре подлежат тогда родители, предоставляющие своих дочерей в распоряжение мужей, которые, в свою очередь, требуют во что бы то ни стало истинных невест? Некоторые женщины склонны указывать на непривлекательность брака, лишенного известных предшествующих иллюзий. Но было бы очень печально, если бы в этом возрасте не было бы вообще иллюзий в каких угодно областях. Причем благотворными и здоровыми являются те из них, которые обязаны своим происхождением самой юности, но сюда не могут быть отнесены фантастические представления, резко расходящиеся с действительностью, что может дать лишь в результате нежелательное разочарование. Если вплоть до брака жить вне времени и пространства, то неизбежным следствием будут неприятные потрясения. А между тем, рациональное воспитание, в связи с разъяснением половых отношений, могло бы предупредить не один случай жестокого разочарования, переживаемого слишком доверчивыми женщинами, причем одновременно повысились бы и этические представления мужа. При ясном представлении девушки о том, что ждет ее по ту сторону замужества, она озаботится требованием более прочных гарантий от своего будущего мужа с соответствующим отчетом и о его прошлом.

Мы можем, однако, предсказать уже и в настоящем неуспех оппозиции нашим взглядам, так как уже и современные девушки склонны выйти из-под влияния рутины и стремиться к свободе. Было бы полезнее, быть может, пойти им в этом смысле навстречу и дать им соответствующие предостережения? Немало родителей с легким сердцем отпускают своих дочерей на службу, совершенно

не считаясь с тем, что может сделать неосведомленность и доверчивость такой девушки, при столкновении ее с опытным и бессовестным дон-жуаном. Не упоминаем уже о западнях, приспособляемых сводниками (гл. IX). Получив соответствующее представление о половых отношениях, девушка, в свою очередь, влияла бы благотворно на окружающую ее атмосферу специфически женского горя. Она, например, не стала бы больше с презрением относиться к незамужней матери или аналогичной несчастной, но постаралась бы внести луч света и помощи в такого рода случаях и, не базируя своего будущего на ненужных на этот раз иллюзиях, задалась бы более облагороженными видами на будущее.

Но чем же и когда начать? Разумеется, не перед самым венчанием, а исподволь в детстве. Все теории сводятся к тому, что не должно говорить детям неправду и должно внушить детям доверие к словам родителей и обыкновение, в свою очередь, говорить одну только правду. Все подробности полового вопроса, разумеется, не могут быть объяснены ребенку, но если всякий раз считаться с его возрастом и утвердить его во мнении, что на все вопросы он всегда получает правдивые ответы, то он, когда это нужно будет, удовлетворится и таким ответом: «ты еще очень маленький и не поймешь этого; мы тебе объясним, когда будешь старше».

Каждому ребенку неизбежно придет в голову мысль осведомиться у матери, если он только с ней откровенен, как появляется на свет ребенок. Ответ на этот вопрос тем облегчается, что ребенку приходилось видеть это в домашнем обиходе у животных, насекомых и пр. Должно ли скрывать от ребенка, что появление на свет человеческого потомства аналогично тому же, что наблюдается и в мире животных? В этом случае исключены всякие кос-

венные представления, питающие впоследствии наш эротизм. Детям в большей степени свойственна наблюдательность, чем это нам кажется. Одна девочка, которой рассказывали историю о журавлях, сказала как-то своей матери: «а я очень рада, что у бабушки скоро появится ребеночек». Когда мать пришла в ужас, ребенок ей объяснил: «у бабушки такой же большой животик, как у кошки», которая должна была скоро иметь котят. Г-жа Шмидт, которая ручается за этот инцидентик, присовокупляет, что уже будучи 10-лет от роду узнала от подруг, что ее вновь родившаяся сестра вовсе не принесена журавлем, а рождена матерью. Соблазн у нее нисколько не возбудился, благодаря этому открытию, но она в значительной степени потеряла доверие к родителям.

"Дети удовлетворяются на первых порах объяснением того, откуда появились их маленькие братики и сестрицы. Но вслед за этим их начинает уже интересовать сам факт образования существа в утробе матери, и в разъяснители выбирается ими обыкновенно заслужившее у них доверие лицо. Здесь и выбирается благоприятный момент, когда представится возможность объяснить наиболее просто непосредственно совершение полового акта. Г-жа Шмидт приводит условия, при каких ей представилась необходимость впервые объяснить это своим детям. Ее сын 8-ми лет с двумя старшими сестричками поспорили относительно птичьего двора, в котором девочки находили совершенно излишним пребывание петуха, не кладущего яиц. Мужская гордость мальчика побудила его взять петуха под защиту, причем он заявил, что он уверен в пользе, приносимой петухом, но не знает, в чем именно она состоит. Мать, к которой дети поспешили за объяснением, просто сказала им, что куры могли бы нестись и без петуха, но такие яйца не дают плода, так как

петух должен дать наседке свое семя; если бы не было отца — петуха, то и не появилось бы деток-цыплят. Это объяснение чрезвычайно польстило гордости мальчика, и он по-детски логично заключил: «тогда и у нас без папы не было бы детей?» Получив на это положительный ответ, дети успокоились и вернулись к игре. Ботаника и зоология также заключают в себе элементы для объяснения, которое, однако, в таких случаях затрудняется. Г-жа Шмидт полагает, что школа могла бы взять на себя объяснение воспроизведения людей в такой же форме, как и размножение растений и животных. Это и было бы наилучшим решением задачи, разумеется, при наличии достаточного такта у учителя и учительницы. Полезнее при этом, если половой вопрос разъясняется детям таким образом, что с мальчиком говорит отец или воспитатель, а с девочкой — мать или воспитательница. Г-жа Шмидт вполне основательно приписывает наблюдаемую у родителей в этом случае щепетильность не твердому какому-либо убеждению, а невозможности более или менее прилично справиться с объяснением вопроса. Наблюдается также, что мать ни в каком случае не заговорит о половых сношениях с ребенком неосведомленным, но позволяет себе довольно двусмысленно трактовать эти тему с теми же детьми, едва она заметила, что дети нахватились известных понятий со стороны.

К сожалению, этот вопрос занимает лишь ограниченное количество педагогов, причем воспитание детей большей частью предоставлено таким скверным посредникам, , как недобросовестные слуги, развращенные товарищи, а также порнографическая литература и пр. На этой почве создается взаимное недоверие между родителями и детьми, педагогами и воспитанниками. Если половые извращения усвоены слишком рано, или преждевре

менно развилось ненормальное половое побуждение, то и здесь вредными окажутся ложный стыд, проповеди на почве морали, строгие взгляды и т. д., — все это должно уступить место искренности и любви. Если же продолжать способ отвиливания, то в результате получается лишь отчуждение, ложь и лицемерие, представляющие собою одно лишь зло".

Такова г-жа Шмидт. В дальнейшем она, подобно нам, настаивает на необходимости для девочки изучения какой-нибудь профессии, которая обеспечит ей в тяжелых случаях жизни кусок хлеба и спасет от необходимости избрать первое подвернувшееся замужество или даже проституцию, в интересах избежания голода и нужды. Она же присовокупляет, что во взаимоотношениях супругов хозяйская работа жены и уход ее за детьми должны учитываться наравне с профессиональной деятельностью мужа вне дома.

В новейшее время наблюдается некоторое освободительное изменение в мировоззрении, по крайней мере, в теории, и весь мир начинает говорить о необходимости разъяснения юношеству полового вопроса. Нечего прибавлять, что считаю необходимым в такой же мере половое просвещение мальчиков, как и девочек. Положение первых не может быть, конечно, осложнено опасностью неудачного брака или беременности. Но и соблазны на пути мальчика значительно больше. Раз избрав скользкий путь, мальчик с трудом сможет снова свернуть на правильную дорогу, хотя бы и независимо от полового заражения. Я считаю долгом обратиться с предложением ко всем родителям и воспитателям, аналогичным предложению г-жи Шмидт, сделанному ею матерям и наставницам. Не упускайте момента и не выжидайте до тех пор, когда мальчики будут находиться уже под скверным воз

действием или же увлечены любопытством на почве эротизма. Большую роль в деле совращения мальчиков играют не только испорченные товарищи, но и нередко взрослые женщины, подверженные эротизму.

Приводимый ниже отрывок из письма одной дамы ко мне весьма знаменателен.

"У меня было пятеро детей, трое мальчиков и две девочки, которым я, по представившейся необходимости, дала нужные объяснения в половом отношении. По многим приметам, я однажды заметила, что сын мой переживает переходное время. Он стал пуглив, замкнут и огорчен недостаточностью у него особенных талантов и т. д. Мой муж не обращал внимания, и я вынуждена была взяться за дело. На первых порах это оказалось нелегко. Я внутренне сознавала, как ошибочен и противоположен наш метод воспитания, и что приходится теперь плыть против течения. Впечатление, произведенное на мальчика, было поразительное, он как бы всплыл. Он дал мне возможность заглянуть в его детскую душу, как в открытую книгу. Тема была всесторонне исследована, и в конце концов он мне сказал: «Мама, каким счастьем было бы для человечества, если бы матери преодолели ложный стыд и непринужденно говорили бы со своими детьми о таких естественных вещах. Ты, мама, не имеешь представления, как все перевирается и какие омерзительные вещи приходится слышать от товарищей». И это должно составлять защиту против величайшей опасности в жизни!— Когда я должна была разрешиться от бремени моим меньшим ребенком, мне было страшно тягостно охранять эту тайну от моей 14-летней дочери! Я взяла ее к себе и в соответствующей форме дала ей нужное разъяснение. Вначале она вся преисполнилась радости. Она почувствовала себя весьма польщенной, что я счи

таю ее настолько взрослой и достойной, чтобы говорить с ней о таких серьезных вещах. Но потом она мне заметила: «Однако, мама, ведь это все так просто и красиво; почему же нам не говорят об этом до того, как получаем в школе такие отвратительные разъяснения».

Из всего сказанного и из вашей уважаемой книги явствует, что при помощи естественного и здорового разъяснения нам дана возможность располагать счастьем человечества и сделать его еще более счастливым и здоровым. Но большинство родителей и учителей остаются перед лицом этого вопроса совершенно беспомощными. Среди них я знала очень много весьма рассудительных людей.

Здесь мы должны принять во внимание несколько существенных педагогических направляющих указаний.

Интеллект и чувство в человеческом мозгу внутренне соединены, что обуславливает проявления воли, причем эти последние, в зависимости от их интенсивности и продолжительности, обратно влияют на функции мозга. Весьма ошибочно, потому, предполагать возможность непосредственного догматического и теоретического раздельного воздействия на три проявления человеческой души: интеллект, чувства и волю. Ошибается школа, если остается при мнении, что способна воздействовать исключительно на интеллект ребенка, предоставив заботу о чувствах и воле ребенка родителям. Лишенным всякого смысла является также стремление оказать давление на чувства, особенно этические, и на совесть, прибегая к моральным наставлениям и наказаниям. О, эти моральные указания, обучение нравственности при помощи теории, — они являются отбросами человеческого духа. Как будто представляется возможным внедрить в мозг ребен

ка совесть и чувство альтруизма при помощи отвлеченных догматических образов, в то время как он способен усвоить лишь все конкретное. Почти в каждой семье раздаются одного и того же смысла, в одних и тех же выражениях раздражительные или патетические упреки со стороны родителей, которых дети почти не слышат или же встречают враждебно, с плачем и возражениями. Но, во всяком случае, их душа не участвует в этом споре. Со стороны это производит впечатление шарманки, автоматически разыгрывающей мелодии. Такая мораль не только не исправляет детей, но, может быть, приносит им даже вред.

Родители же под маской «исправления детей», очевидно, дают лишь волю своему собственному приподнятому состоянию. Но дети все это, в большей или меньшей степени, сознательно отлично понимают и оказывают соответственное противодействие. Между прочим, эти привычки усваиваются и ими, побуждая к напусканию друг на друга «морали» и, таким образом, подражая, как обезьяна, родителям. Влияет здесь этический пример, а не теоретическое учение.

Действительное воспитание на почве этических начал и этического влияния на детей состоит в самом обращении с ними, в том, как с ними говорят и какое проявляется непосредственное к ним отношение. Симпатия в детской душе, и доверие к близкому человеку у ребенка вызывается теплым чувством, искренностью, убедительностью и твердостью. Воспитание в этическом смысле должно сопровождаться не бездушным догматом морали, а теплым чувством альтруизма, проявляющимся как на словах, так и на деле. Если ученый будет читать самые лучшие истины сухим, скучным и безразличным тоном, то воздействие его на слушателей будет почти ничтожным.

Последние, с трудом скрывая зевоту, вполне справедливо предпочтут ознакомиться с содержанием лекции непосредственно из книги. Но если лектор сумел вложить в слова свою душу и огонь, то все сказанное им запечатлевается в мозгу. Почему? По той причине, что в первом случае мы имели действие интеллекта, не сопровождавшееся чувством, во втором же случае — одушевление, действуя путем внушения, увлекает слушателей, расширяет их интеллект и даст в результате больше, чем та же наука, взятая только памятью, но не воздействовавшая на сердце. «Что не исходит из недр сердца, то до сердца не доходит», — говорит немецкая поговорка. Но еще труднее оно усваивается головой. Воспитание воли также нуждается в непрерывной деятельности, причем ребенок с ранних лет должен исходить в своих стремлениях из основ бескорыстия и благородства, без перспективы вознаграждения или кары. В основу воспитания следует положить систему деревенских воспитательных приютов, впервые учрежденных Редди в Англии, а потом введенных Литцом в Германии и Фреем Цубербилером в Швейцарии и практически осуществляющих идеи Руссо, Песталоцци, Оуэна и Фребеля. Психологически образованный педагог с большим удовольствием наблюдает систему воспитания в деревенских воспитательных приютах в Гаубинде (Тюрингия) или в Гларисегте у Шгенборна на Боденском озере и в Шелли у Лозанны (д-р Виттоц). Дети здесь не могут нахвалиться своей школой и являются действительными друзьями и товарищами своих воспитателей. Здесь одновременно закаливается организм, образуется ум, усваиваются знания и воспитываются чувства и воля. Учебники заменены великими произведениями писателей, дающими не только знание, но и действующими одушевляюще на чувства. Нет томительных уроков и

грозных экзаменов, действующих удручающе на сознание, но взамен учение поставлено таким образом, что усвоение происходит одновременно с переживанием усваиваемого. Изучение входит в плоть и кровь ребенка, становится его собственностью, но не обременяет его мозга и памяти в качестве постороннего тела. Наказания применяются с таким расчетом, что являются нормальным результатом содеянного проступка.

Мальчики и учителя вместе моются и вместе раздеваются. Что касается полового вопроса, то его рассматривают откровенно, благопристойно, как нечто вполне натуральное и само собою понятное. На почве такого взаимного доверия, и отношении между учениками и учителями при физическом и умственном труде, без применения спиртных напитков, создается лучший и наиболее верный предупредительный способ противодействия мастурбации, несвоевременной половой зрелости и другим усвоенным половым извращениям. Конечно, таким школам не дано воздействовать на унаследованные патологические половые стремления. Можно сказать, что нигде нельзя встретить таких интернатов, которые в этом смысле давали бы такие же благоприятные результаты, ибо при проявлении у мальчика полового извращения, это сейчас же становится заметно. Отсылаю здесь к труду Вильгельма Фрея: «Landerziehungsheim», 1902, и к моей книге «Hygiene und der Nerven und des Geistes» 1903, где мною также обсуждался этот вопрос.

Что недоступно было по настоящее время ни педагогии, ни обучению — это умение оценивать людей. Ценность личности в социальном смысле образуется из соединения двух труп факторов: унаследованных задатков (умственных и физических) и способностей усвоенных благодаря воспитанию или обучению. Если данная

область лишена унаследованного задатка, то всякие попытки воспитания и обучения дают в конце — концов отрицательные результаты. Самые лучшие основы атрофируются, если не было подходящего обучения и необходимых упражнений, в более благоприятном же случае результаты будут значительно хуже тех, которые могли бы быть. Роль унаследованных задатков чрезвычайно велика не только в смысле усвоения знаний, что составляет, очевидно, точку зрения и господствующей школы, но во всех сферах человеческого существования, главным же образом, в душевной. Такие хорошие задатки, относящиеся к воле, чувству, суждению, фантазии, как раньше всего упорство, сознание долга, наличность совести, умение владеть собою, логическое мышление и способность отделять действительное от ложного и делать сочетания в сфере мышления и эстетики, — являются значительно большими человеческими ценностями, чем умение быстро воспринимать и усваивать и примерная память на слова и предложения. А между тем, наша школа, от первоначальной до самой высшей, в своих школьных испытаниях, главным образом, с последними способностями лишь и считается. Удивительно ли поэтому, что, в связи с таким лживым и пристрастным критерием, высшие официальные общественные положения, а также и преобладающая часть неофициальных первостепенных положений достаются наиболее сухим плодам, самым обыденным помогающимся субъектам, воспринимающим лишь чужие мысли и преклоняющимся перед авторитетами? Если имеются налицо хорошая память и талант усвоения, то это вполне доступно и без содействия сеньорен-конвента и духовных или масонских орденов! Если же нет таких способностей, то люди, нередко самые талантливые и даже гениальные, пропадают или же избирают

наиболее извилистые пути, теряя массу энергии и времени. Омертвевшие, догматические, наизусть заучиваемые правила, которыми заполняют детскую голову, нередко фальшивы, неудобопонятны или неточны. Все это гнездится в памяти, как чуждое тело, и впоследствии для удаления и исправления всего этого хлама необходимо затратить больше усилий, чем для того, чтобы в самом начале создать восприимчивое наивное мирозерцание. Мне стоило больше усилий для того, чтобы освободиться от насильно навязанной мне анатомии мозга, чем для изучения действительной структуры мозга непосредственно на трупе. В сельских воспитательных приютах д-р Герман Литц установил на самом деле достойную подражания систему социально-психологического определения достоинств воспитанников. Для оценки результатов избраны прежде всего два масштаба: а) оценка индивидуальная: совпадают ли всегда и во всем успехи ученика с его способностями? б) объективная: считаясь с нормальным средним человеческим масштабом, т. е. отличны ли, хороши ли, посредственны ли или плохи его успехи? И вслед за этим обращается внимание за различные сферы психологических и человеческих функций, что может иметь место только в таких именно школах, в которых воспитывается человек целиком.

I. Результаты со стороны организма: здоровье, болезни, вес организма, ловкость, хождение, бег, плавание, велосипедный спорт, игры, лыжи, гимнастика, борьба.

II. Поведение: порядок, чистота, пунктуальность; опрятность в содержании школьных тетрадей. Во внешних отношениях и т. д.

III. Результаты этические и религиозные:

а. Поведение относительно: 1) родителей (корреспонденция), 2) воспитателей, 3) других учеников, 4) третьих лиц, 5) самих себя.

б. Любовь к правде; усердие и сознание долга; надежность при распоряжении как своею, так и доверенной собственностью; внушает ли доверие? добросовестен ли? Чувства солидарности, отсутствие алчности.

в. Сила: 1) этического чувства, 2) этического разума, 3) этической воли.

IV. Результаты интеллектуальные:

а. Практические занятия: садоводство, сельские занятия, столярное искусство, работы токарные, слесарные и кузнечные.

б. Искусство: лепные работы, рисование, писание, красноречие, декламация, инструментальная музыка.

в. Знания: 1) литературно-гуманистические, 2) физико-математические и естественные. (Не привожу здесь общеизвестных подробностей).

V. Результаты общие:

а. Сила: 1) характера, 2) организма, 3) интеллекта, 4) способности наблюдения, 5) фантазия, 6) суждения.

б. Оценка: 1) практических, 2) художественных, 3) научных преуспеваний.

Если приложить такой масштаб к человеческой ценности воспитанника, то она выразится совершенно иначе, чем при измерении масштабом обыденных школьных требований. Такой способ оценки дает возможность предсказать с значительно большей, хотя все же и относительной, достоверностью, что представит собою в будущем данный человек, причем некоторые пункты Лит-

цовской схемы могли бы быть несколько видоизменены. Нужно ли сюда присовокупить, что в таких школах не полагается экзаменов, так как вся жизнь здесь — сплошной экзамен.

Правильный сознательный человеческий подбор представится возможным основать лишь на фундаменте правильной оценки людей.

На нескольких исторических примерах мы убедимся в том, насколько несостоятельна оценка людей, производимая нашей обыденной школой. Самуэль Смайльс в своей «Самопомощи» («Self-Help»), которую я убедительно рекомендую всякому прочесть, приводит следующие подробности: художники Пьетро ди-Кортонна и Томас Гвиди получили в юности названия — первый из них — «Ослиной головы», а второй — «Томаса неуклюжего». Ньютон был одним из худших в своем классе. Жан Свифт срезался на экзамене в высшей школе в Дублине. На Шеридана смотрели в школе как на «неисправимого лентяя». О Вальтера Скотте проф. Эдинбургского университета Дальзел выразился: «Он глуп — и глупым и останется». Чаттертон отправлен был обратно своей матери из школы с аттестацией: «Глупая голова, которая ничего ровно не обещает в будущем». Поэт Берне и Жорж Стефенсон, изобретатель локомотива и основатель железнодорожного дела, выделялись в школе лишь «в качестве атлетов». Наполеон и Веллингтон были довольно «печальными учениками». Улисс Грант носил в детстве название «useless Grant» (ни к чему не годный Грант). Джемс Уатт был скверным учеником и т. д. Причину этих фактов должно искать не только в запоздалом развитии, как поясняет это Смайльс, но, главным образом, в том отвращении, которое внушает наша школа самостоятельно мыслящим умам, не желающим перегружаться, когда на них на-

двигается пустой балласт бессодержательного хлама, заучиваемого назубок, нередко бессмысленного и даже полного противоречий.

Начинают понемногу понимать во всех областях, что не может быть никакого вреда в совместном воспитании обоих полов, а скорее достигаются полезные результаты как в половом, так и в этическом смысле. Для высших школ это уже практически осуществлено, а также и в школах для маленьких детей и первоначальных училищах, — лишь средние учебные заведения обнаруживают еще в этом смысле стойкую сопротивляемость. Но уже в Голландии, Италии и Винтертуре (Швейцарии) в гимназиях без всяких вредных результатов введено совместное обучение, которое обуславливает лишь, наоборот, отличные успехи. Совместное обучение энергично защищается в последнее время г-жей Майкки Фриберг из Финляндии, которая ссылается на отличные результаты, достигнутые в этой стране. Опасаются полового возбуждения. Но это заблуждение, так как благодаря привычке ежедневно сталкиваться, сидеть рядом и пр. притупляется половое раздражение. Запретный плод выходит уже из области раздражающего, так как он перестал быть запретным и может быть рассматриваем весьма близко.

Мы, конечно, не желаем этим сказать, что мальчик и девочка в интернатах должны пользоваться общими спальнями или мыться совместно. Мы еще не достигли такой чистоты нравов, как у индианки, упомянутой нами в главе VI и полагавшей, что неблагопристойно являться в платье перед чужими, в то время как она обыкновенно ходит голой. Но мы касаемся здесь не интернатов, а совместного воспитания обоих полов в общественных шко-

лах.

При упоминании о воспитании по настоящее время приводят ту мысль, что существует отличие природы и призвания женщины от природы и призвания мужчины, и, стало-быть, поэтому в основу должно быть положено и другое воспитание. Но здесь мы возразим, что предметы, которыми мы располагаем, объекты знания человека и его функции, — вообще все предметы, подлежащие нашему умственному восприятию, одни и те же. Если нельзя говорить о католической и протестантской химии, католических и протестантских растениях, животных, горах и озерах, то таким же образом не может быть и речи и о предметах «для девочек» и предметах «для мальчиков». Может измениться лишь система усвоения, понимания или использования их человеком. Поэтому представляется возможным говорить в таком смысле о католическом или французском искусстве, о протестантской литературе и пр. Языки так же заучиваются, причем француз, родившийся в Германии, усвоит немецкую литературу, а немец, родившийся в Париже, — французскую. Поэтому материал для изучения можно считать общим для обоих полов, и должно рассматривать, как несправедливую и непроизводительную растрату энергии, организацию более плохого издания этого материала для женщины и плохого ей преподавания.

Каждый предмет изучения должен преподаваться с наибольшей полнотою и как можно лучше, независимо от пола, который его будет воспринимать, и независимо от самого предмета, из которых некоторые считаются специально женскими, как например, шитье, варка, хозяйство и т. д. Каждый пол, в зависимости от своих специфических способностей и своего гения, должен усваивать, перерабатывать и, по возможности, применять в жизни весь материал. При этом, определенный минимум

преподавания будет обязательным для всех; другая же часть преподавания, имеющая отношение непосредственно к индивидуальному развитию, будет считаться факультативной (в зависимости от способностей и желания). Далее, в той части совместного преподавания, которая носит обязательный характер, можно некоторые детали знания вменить в обязанность одному полу, сделав их факультативными для другого (как шитье и геометрия) Но, говоря вообще, факультативным будет считаться все то, что выходит из границ обязательного обучения, и всякому представится возможность по своему усмотрению выбирать себе свое занятие, как это и практикуется в настоящее время в высших учебных заведениях. При таких условиях каждый человек, независимо от своего пола, будет, как в свободной природе, определять свои пути и в зависимости от своих природных способностей воспринимать и преобразовывать объекты знания.

Г-жа профессор Фукс, урожд. фон-Вольфринг, основательно знакомая с Россией, сообщает мне: «В России (и в русской Польше), где женские средние учебные заведения около четырех десятков лет находятся почти на таком же уровне, что и мужские гимназии, замечаются два фактора, резко расходящиеся с положением вещей в Западной Европе. Прежде всего, благодаря дешевой и хорошей школе, женщины средних классов здесь серьезнее смотрят на жизнь и обнаруживают больше тяготения к социальной и научной деятельности и больше собственной инициативы, чем современная западно-европейская женщина, иногда же даже чем и их соплеменники-мужчины. Кроме того, что наиболее достойно удивления, так это тот факт, что здесь мужчинам совершенно чуждо пренебрежение, которое оказывают на западе женщине. Гимназист признает в лице гимназистки равного себе то

варища (иногда даже считает ее выше себя), между тем как в Западной Европе воспитанник первого класса 10-ти лет с достоинством ощущает свое превосходство над девочкой, которая будет учиться меньше его и, стало-быть, меньше его знать. Усвоив такой взгляд уже на школьной скамье, мужчина в Зап. Европе не может освободиться от него уже всю свою жизнь. В России профессора единогласно уже больше 30-ти лет тому назад настаивали перед правительством на необходимости предоставления женщинам высшего образования, освободив последних от длинного пути петиций. А между тем в Германии и Австрии желавшая продолжать свое образование женщина должна была постепенно и упорно отвоевывать каждый университет, каждый факультет, чуть ли не каждого профессора, точно неприятельскую позицию. В России не могли себе представить, на каких основаниях девушка, готовившая в среднем учебном заведении почти те же уроки, вдруг оказывалась неспособной продолжать и дальше усваивать науки в стенах высшей школы. Мы смотрим на стремления женщин Зап. Европы, принимающих все меры к насаждению высших школ для женщин, но не заботящихся о повсеместных дешевых средних школах для девочек, как в России, как на усилия людей, приступивших к постройке дома с возведения крыши. В России обучение девочек в женских гимназиях стоит от 30 до 40 рублей ежегодно».

Мне остается приветствовать эти замечания проф. Фукс и целиком к ним присоединиться. Мы можем чему-нибудь научиться и у России. Нашим гимназиям и вообще средним школам необходима полная реформа. Я уверен в том, что совместное обучение мальчиков и девочек составляет основной базис такой реформы, причем оно

должно быть доступнее в смысле платы и рациональнее, чем в русских женских гимназиях.

В области половой педагогики мы сталкиваемся с одним, к сожалению, превратно усвоенным, но очень важным понятием относительно прирожденного полового извращения. С очень печальными последствиями сопряжено обычное мнение, будто каждая половая ненормальность представляет собою усвоенный порок, заслуживающий чрезвычайного порицания и вызывающий нравственное негодование. Молодежь на таких основаниях усваивает ложные взгляды, а родители и воспитатели, благодаря этому, вводятся нередко в заблуждение. Мы говорили уже в главе VIII о безобразных проявлениях половой патологии, которые должны быть хорошо известны родителям и руководителям. Но это еще не все. Явления извращения относятся уже к далекому детству, и должно пройти очень много времени до тех пор, пока ребенок, наследственно извращенный в половом смысле, придет к заключению, что его любовные стремления рассматриваются другими, как неестественные, подлежащие даже наказанию. Ненормальные стремления подрастающего ребенка в их психическом отражении являются для него наиболее святыми, близкими и интимными, составляя объект надежд и борьбы и не совпадая с наклонностями и природой его товарищей. На этой почве создается взаимное непонимание между ним и окружающим его, причем его склонности вызывают насмешки и отвращение. Страх и стыд борются у него с извращенными желаниями. И только впоследствии, по наступлении половой зрелости, извращенный начинает постепенно убеждаться в своем обособленном положении среди людей. В сознании своей изолированности и одиночества без просвета в будущем, он каждый раз все больше и больше убеждает

ся в том, что его стремления и чувства чужды другим людям, высмеиваются ими и рассматриваются не только как нечто достойное презрения, но и порицания и даже кары, так что свою страсть он должен скрывать, как совершивший преступление. При наличии слабого и импульсивного характера, сочетавшегося с достаточно смелым, рано обнаружившимся половым стремлением, он легко теряет голову, сбивается с прямой дороги, особенно, если ему обстоятельства в этом случае благоприятствуют в лице уступчивых объектов или же одинаково извращенных товарищей. Таким образом, юных гомосексуалистов можно видеть уже в средних учебных заведениях, а девочки урнинги довольно ловко соблазняют своих подруг в пансионах и т. д. Сосредоточив свое внимание на такого рода явлениях, часто имеющих место в средней школе и завершающихся нередко скандалами, всякий серьезный и беспристрастный человек придет к заключению о необходимости, хотя бы только по этой причине, или же главным образом, по этой причине, давать детям возможно раньше представление о половых отношениях как в интересах гигиены, так и разума и этики. Если родители и воспитатели в достаточно непринужденной и свободной форме, при наличии необходимого приличия, стараются при случае касаться этого вопроса в разговоре с детьми, то последние постепенно усвоят себе здоровое понятие о своих половых свойствах. В этом случае проявляются равнодушие девушки в половом отношении, или же ее ранние эротические склонности и стремления. Способ разъяснения в таких случаях должен быть неодинаковым, так как в первом случае возможность свободного обмена мыслей значительно больше, почти не представляя никакой опасности, между тем как в другом случае необходимо соблюдение большой осторожности, чтобы

не вызвать раздражения полового стремления, причем, главным образом, подчеркивается опасность венерического заражения, рождения детей вне брака и соращения недостойными личностями. Могут, разумеется, встретиться на таком пути различные извращения у подростков, начиная уранизмом, с предпочтением мальчиков девочкам, и кончая даже садизмом. У мальчиков может обнаружиться слишком раннее и слишком интенсивное проявление полового побуждения; наибольшее же внимание должно быть обращено у обоих полов на онанизм. Если наблюдения производят особенно тщательно, то у мальчиков можно будет иногда обнаружить и гомосексуальные склонности, а также значительно реже и другие извращенные побуждения, как садизм, мазохизм, фетишизм и проч.

Практические результаты и польза таких наблюдений сводятся к тому, что прежде всего извращенный в половом отношении ребенок будет подвергаться и в дальнейшем особому наблюдению и, во всяком случае, не попадет уже в интернат, где искушение и соблазны более возможны и часты. Мы уже говорили, что гомосексуалист в мужском интернате чувствует себя так же, как нормальный в половом отношении юноша, попавший в спальню для девочек, однако, на такую опасность почти не обращается должного внимания. Но если установлена несомненно извращенность, то не следует рассматривать данное лицо, как преступника или человека, одержимого пороками, а лишь как ненормального и на нервной почве больного субъекта, заключающего в себе опасность как для самого себя, так и для окружающих. Он должен быть подвергнут лечению, но одновременно следует принять все меры, чтобы такой больной не послужил источником заразы для других. Касаясь специально гомосексуали

стов, мы устанавливаем необходимость наблюдения за ними и лечения их до достижения половой зрелости и совершеннолетия. После этого периода они могут создавать свои собственные города, дарить друг другу кольца и даже вступать между собою в брачные союзы, что им особенно нравится; все такие безобидные вещи они могут делать по своему усмотрению. Взрослый нормальный человек, имеющий ясное представление о половых вещах, всегда сумеет обезопаситься от них, но ребенок нуждается в этом случае в защите взрослых от возможных половых покушений со стороны гомосексуалиста, и эта защита должна целиком лежать на обществе. Однако, общество и само не в состоянии принять активные меры в этом направлении до тех пор, пока оно не будет посвящено в исчерпывающие подробности и не даст возможности своей молодежи ознакомиться с положением вещей вышеуказанным образом. Обнаружив те или иные формы извращения, особенно же такие проявления его, как садизм и унаследованную половую склонность к детям, оно должно принимать самые энергичные предохранительные меры, которые, в случае надобности, могут быть доведены и до полной изоляции. В борьбе с онанизмом, кроме внушения, нет лучшего способа, чем тот, который практикуется, в смысле воспитания в деревенских школьных приютах, причем наибольшее значение имеют постоянные физические упражнения, в связи с умственной возбуждающей деятельностью. При последовательном применении такого воспитания с детства наблюдается вообще более позднее, уравновешенное и спокойное проявление полового стремления, дающее в этом случае всегда благоприятные результаты и благотворно действующее на всю дальнейшую жизнь человека. Мы, однако, видели уже из главы VIII, что онанизм может

явиться следствием различных побуждений и обстоятельств, и с этим следует считаться в каждом отдельном случае.

Своевременное посвящение детей в сущность половых отношений имеет свою хорошую сторону, еще в том, что служит для их собственного успокоения. Не мало молодых людей обоего пола, предающихся отчаянию, часто задумывающихся и впадающих в меланхолию, благодаря совершенно неправильному представлению о половых отношениях. Они сталкиваются, с одной стороны, с порнографической грязью, в то время как их родители не открывают глубокого секрета, с другой же стороны, половое стремление энергично предъявляет свои права и настаивает на удовлетворении. С началом истечения семени, явившегося у юноши произвольно или вызванного искусственно, начинают появляться одновременно и чувства боязни и стыда, осложняясь опасением всевозможных болезней, порочности, развращенности и всяких иных страхов. Предоставленный самому себе юноша, сгорающий от стыда и умирающий от страха, только в минуту самого большого отчаяния решится поделиться с врачом или отцом. Если натура сама по себе достаточно нервная, с склонностью к меланхолии или ипохондрии, то от такого состояния до самоубийства один только шаг.

Необходимо обратить внимание на существование, особенно у нервных детей, рубцов под влиянием аффектов (глава VIII, III, 10), т. е. на патогенное влияние душевных аффектов, в особенности аффектов страха, половых возбуждений и аттентатов, чтобы, по возможности, предупредить их дурные последствия, проявляющиеся в виде фобий, мании преследования, заикания, истерических припадков и т. д. Энергично рекомендуя во всех этих случаях индивидуализацию, я настоятельно предо

стерегаю от догм и шаблона. Дети крайне разнятся друг от друга, и то, что на одного действует благотворно, является для другого отравой.

Одновременно с ознакомлением детей с половыми отношениям, можно также ввести их в понятие о наследственности, а также и о тех веществах, которые губительно отражаются на зародыше, и о венерических болезнях. И в этом, стало-быть, заключается положительная сторона раннего разъяснения детям половых отношений. Но все время необходимо строго следить за тем, чтобы при объяснении не имело места возбуждение эротизма как у объясняющего, так и у детей, и чтобы вообще не было сказано ничего лишнего. Но разъяснение также имеет свои положительные результаты лишь в том случае, когда оно не становится постоянным. Внимание ребенка должно быть отвлечено, по возможности, от всего, что имеет отношение к половым вещам, с каковою целью вводятся в жизнь ребенка иные интересы и привязанности, как например, к труду и т. д. На первом плане, разумеется, энергичное противодействие эротической литературе, порнографии, проституции и проч. Можно, однако, наблюдать, что некоторые скромные сочинения, так называемые, хорошие романы и разные театральные пьесы, имеющие большой успех у дам за свою приличную с внешней стороны форму, заключают в себе слегка замаскированный эротизм и, как мы об этом уже напоминали, еще энергичнее действуют на половое побуждение, чем наиболее откровенные, проникнутые реализмом, сочинения Золя, Брие и даже Гюи-де-Мопассана (если не считать иллюстраций к некоторым изданиям Золя и Мопассана).

Мне передавал один врач, что крестьянские дети в той местности, где ему приходилось жить, стараются под

ражать совокупляющимся животным, делая, в свою очередь, попытки к совершению полового акта во время купанья и т. д. Таким проявлениям следует тщательно противодействовать. Но и здесь нельзя говорить о какой-либо большей извращенности или испорченности у крестьян, чем у горожан. И если своевременно будут сделаны, особенно девочкам, ласковые указания и предостережения, то это подействует наиболее благотворно. Лучших результатов можно будет ожидать, когда наша культура отделается от воздействия алкоголя, и когда прекратится эксплуатация трудящихся элементов в городах и деревнях. Между прочим осторожность у девочек вырабатывается именно благодаря этим попыткам со стороны мальчиков. Как, однако, назвать приговоры австрийских судей, назначавших тюрьму и каторжные работы четырнадцатилетним мальчикам за совокупление с девочками тех же лет и за оплодотворение их? Имело ли в данном случае действительно место наказание виновных? Или надеялись таким путем воздействовать исправляюще на этих детей?

Роль католической исповеди в педагогическом отношении весьма отрицательна. Может быть, некоторым священникам, достаточно порядочным, и удастся более или менее деликатно изложить все те вопросы, которые должны быть предлагаемы на исповеди по предписанию Лигори, и в этом случае действительно не будет или почти не будет вредных последствий для неиспорченного молодого человека. Но ведь всякий верующий католик все же будет и должен считаться с тем, что священники остаются людьми и, к тому же, не всегда достаточно благородными и тактичными. И в связи с таким положением вещей исповедь превращается в своего рода развращающее установление, каким она является в громадном боль

шинстве случаев. Мы приводили уже в главе XII наиболее поучительные опыты гениального и этически высоко стоящего бывшего католического священника, патера Хи- никви.

Приведу здесь также следующий поучительный случай: один стыдливый господин заметил купающихся вместе маленьких деток обоего пола и объявил им, что это непристойно. Но из них маленький мальчик возразил щепетильному господину: «можем ли мы различить, кто из нас мальчик или девочка, когда мы все без платьев». Из этого наивного, но меткого ответа можно вывести, к каким отрицательным результатам может повести доброе этическое намерение, которое как раз и направит дремавшие доселе мысли по новому эротическому руслу и послужит причиной дальнейшей испорченности.

Недавно одно преступление вызвало толки о том положении вещей, при котором в настоящее время учителям и воспитателям предоставляется возможность удовлетворять свои садистические наклонности при помощи телесного наказания вверенных их попечению детей. Еще сохранился в памяти случай с домашним учителем Диппольдом (Диппольд был, собственно говоря, студентом и частным руководителем, но не профессиональным учителем), подвергавшим, на почве садизма, страшным истязаниям двух мальчиков, находившихся у него в обучении, причем один из этих мальчиков был замучен до смерти. По сообщению (с указанием имен) «Рабочей Газеты» в Вене, заслуживающему безусловного доверия, в одном миниатюрном немецком государстве владетельный князь собственными руками производил экзекуции всякий раз, когда в его владениях какой-нибудь ученик приговаривался к сечению розгами. Газета приписала эту страсть садистическому извращению высокопоставленной особы.

В аналогичном случае какой-то человек, выдавая себя за полицейского, немилосердно сек бедных ребятишек в продолжение нескольких лет, пугая их судом, если они пожалуются на него. Дело это обнаружилось благодаря смелости одного из подвергшихся такому сечению мальчиков. Садизм, стало-быть, не всегда выражается в убийстве истязаемой жертвы, а может вылиться в форме более или менее жестокого сечения или истязания (духовного или телесного). Такие истязания могут иногда лишь дополнять половое сладострастие у патологических субъектов, которые лишь отчасти извращены. Это обстоятельство, на которое до сего времени обращали весьма мало внимания, лишней раз говорит в пользу окончательной отмены телесного наказания в учебных заведениях, так как извращенные пускают в ход всевозможные хитрости, чтобы получить удовлетворение. Лицемерие служит в таких случаях непроницаемой маской, вводящей в заблуждение окружающих, хотя бы и богатых опытом, — это имело место в случае с Диппольдом и во многих других. Между тем, школьное сечение ребенка является лишь прямым варварством, не только не приносящим никакой пользы, но и чреватым нередко вредными последствиями. Для культуры является позором сохранение розги в стенах учебного заведения, в то время как она отменена даже и в применении к каторжникам. Но мы часто видим, как истязуют детей, и особенно пасынков и рожденных вне брака, родители и опекуны, причем истязания эти в своих отвратительных подробностях находятся чаще под непосредственным воздействием полового извращения и алкоголизма. Приведем новейшее сочинение Лидии Воль-фринг (*Das Recht der Kindes; Vorschläge für eine gesetzliche Regelung. Allgemeine österreichische Gerichtszeitung 1904; die Kindermisshandlungen, ihre Ursachen und die Mit*

tel zu ihrer Abhilfe aus dem I. Kinderschutz-kongress Wien, 1907). Автор, преследуя защиту прав детей, приводит ряд мер, необходимых для применения к тем из родителей и опекунов, которые сами совершают наказуемые проступки по отношению к своим детям или питомцам, или заставляют их самих совершать наказуемые проступки, или же не принимают мер для защиты их от злоупотребления со стороны третьих лиц (последнее имеет место при конкубинате, вдовстве и пр.). Меры эти следующие:

1. Лишение родителей или опекунов их власти по отношению к детям и назначение (конечно, другого) опекуна.

2. Отобрание детей, если это будет признано нужным.

3. Назначение второго опекуна в тех случаях, когда оставшийся в живых супруг снова вступил в брак или же конкубинат.

4. Лишение родителей своей отцовской власти (а иногда и матерей) в случае, когда они, не побуждаемые к тому нуждою, предоставляют материальную сторону вое- питания детей частной или общественной благотворительности.

Все эти предложения не имеют прямой связи с нашим вопросом, но при точном применении их не было бы места и половым злоупотреблениям. В этом случае уместно вспомнить меры, принимаемые потерявшими стыд родителями, отдающими своих детей в пасть проституции. В связи же с указанным здесь № 4, мы можем указать на главу XIII. Такие родители, независимо от отнятия у них

детей, должны насильно производить какую-нибудь работу, назначенную для покрытия содержания этих детей.

Приходится, к сожалению, констатировать, что приведенный очерк половой педагогики будущего находится еще далеко от своего осуществления. Деревенские школьные приюты, которые могли бы быть взятыми в качестве примерных образцов для грядущей государственной школы, встречаются пока очень редко; и во всяком случае, разумная половая педагогика сможет осуществиться лишь тогда, когда государство и народ ясно уразумеют половой вопрос, независимо от всяких предвзятых мнений и предрассудков. Пока же каждый из нас предоставлен самому себе. В зависимости от их собственного желания, дано в этой области много сделать как родителям, так и воспитателям. Но раньше всех те молодые люди, которые чтут социальные реформы, должны отказаться от пустых фраз и показной стороны дела, а, проникнувшись глубоким убеждением, проявить себя активной работой в сфере половых отношений, чтобы на развалинах старых, противных человеческой этике догм построить основу для новых половых реформ, т. е. оказать деятельное противодействие бракам по расчету, брачной формальности, общности имущества, проституции и пр., пропагандируя словом и делом правильный половой подбор, воспитание и т. д. в границах, указанных выше.

Глава XVIII

Половая жизнь и искусство

Искусство представляет колебание нашей жизни чувств в гармонической форме. (Филогения искусства представляется еще весьма туманной. Взгляд Дарвина, желавшего приписать его половому соперничеству, в такой мере притянут здесь за волосы, несмотря на обычное остроумие великого исследователя, что нет возможности с ним согласиться (см. также: Lameere, «L'évolution des ornements sexuels». Bruxelles, 1904). Аристотель видел в искусстве принципы прекрасного подражания Мроф Карл Гросс, в своей блестящей статье, опровергающей, между прочим, воззрение Дарвина (Die Anfänge der Kunst und die Theorie Darvins, Hessische Blätter für Volkskunde band III, Heft 2 und 3), указывает особенно на принцип самоизображения, объектирование своего же внутреннего возбуждения (удовольствие у животного, доставляемое собственным голосом). Стремление производить движения и игры, состоящие из движений (мы видим такие игры и у муравьев), представляют собою первых автономных создателей искусства. Гросс склонен приписывать возникновение искусства специально у человека религиозному экстазу или вообще проявлению экстаза. Гросс говорит: «Конечно, искусство, которое зиждется на влиянии на чувство, первым долгом постарается использовать область, наиболее богатую чувствами (половую область)». По Гроссу же «эротическое имеет значительно большее значение в более развитом искусстве, чем в извест

ном нам первобытном». Мы в этом и соглашаемся с Гроссом, так как в действительности первобытная эротика была слишком обнажена, слишком общепонятна, слишком чувственна и слишком очевидна, чтобы быть в состоянии в такой степени волновать и затрагивать чувства, как у культурного человека; это уже дает мне основание рекомендовать Гросса, так как факты, в лице примитивного искусства, заключающего в себе мало эротики, являются непосредственным подтверждением сказанного). Чем тоньше ассоциация искусства с элементами познания, тем возвышеннее и активнее его проявление. Но энергия его воздействия обуславливается еще и силой, приводящей в колебание наши чувства. Искусство прибегает к помощи диссонансов не только в области музыки, чтобы, благодаря контрасту, сильнее подчеркнуть гармонию чувства и непосредственно, путем разнообразия, влиять на впечатлительность. Изображая отвратительное, оно создает влечение к красивому. Но искусству надлежит быть самопроизвольным, внутренне правдивым, без всякой деланности и интеллектуальной или моральной навязчивой тенденции. Положительное чувство эстетики весьма относительно и в большей степени обуславливается филогенетическим приспособлением человеческих чувств, а также привычками и нравами. Так, навозный жук испытывает, без сомнения, большое удовольствие от ощущения навоза и его запаха, но у нас они вызывают только отвращение. Впрочем и среди людей встречаются такие своего рода половые навозные жуки, которые ощущают удовольствие от запаха испражнений. Урнингу мужчина кажется прекраснее женщины. Дикий человек и крестьянин видят красоты в таких вещах, которые сыну культуры и утонченному жителю города кажутся отвратительными, и т. д.

Не будет поэтому удивительным то обстоятельство, что искусства во всех своих проявлениях касаются, главным образом, той области, которая всего энергичнее воздействует на жизнь, человеческих чувств, а именно — на половую любовь. В музыке выражаются половые чувства и их психические отражения, в виде звуков томления, страсти, торжества, печали, разочарования и отчаяния, экстаза, подчинения и проч. В скульптуре и живописи основной темой, не изменяющейся и неиссякаемой, является то же чувство любви во всевозможных его проявлениях. Но, главным образом, в беллетристике половая любовь доходит до своего апогея, восторженно празднует победу и предаётся оргиям. Почти не найти таких романов и театральных пьес, в которых не первенствует половой вопрос. Мы здесь имеем в виду не шаблонные любовные происшествия и драмы на эту же тему, тошнотворно повторяющие одни и те же сентиментальные и обгрызанные мотивы и все еще влияющие на чувства толпы, которая далека от чисто художественной культуры. Высшему искусству свойственно уметь изображать чрезвычайно тяжелые, но и утонченные и роковые по своей запутанности моменты в области человеческих половых чувств и их проявлений, что сочувственно отражается на самых глубинах души и человеческих тонких настроений. Сошлемся на таких поэтов, как Шекспир, Гете, Мюссе, Гейне, Байрон, Шиллер, Мопассан, музыкантов, как Моцарт, Бетховен, Вагнер, Шуман, Листе и др., художников, как Тициан, Мурильо или Беклин, скульпторов, как греков, или как современная французская школа (Родэн и др.). Искусство и интеллект не противоплагаются друг другу, между ними существует такая же связь, как и между мышлением и чувствованием в мозгу человека, хотя каждая сфера и проявляет свою независимость. В каждом ху

дожественном изображении в основе хранятся интеллектуальные элементы, точно также, как каждое чувство обыкновенно основано на определенных представлениях.

Внешний мир, жизнь и деятельность всех времен служат художнику в качестве материала для его творения; его произведения обыкновенно отражают в себе интеллектуальные течения, взгляды и приобретения его века, причем внешние приемы искусства облегчаются, благодаря успехам, делаемым наукой и техникой. Но отделение материала в целях превращения его в законченное целое, в единое, стройное действие, в гармоническое настроение, а также умение исключить из материала все наносное, побочное, строго определить наиболее существенное, обязательное, типичное, благодаря чему отдельный, характерный случай в художественном освещении превращается в символ общечеловеческого и общеважного, близкого всякому восприимчивому человеку — все это входит в функции творческого художественного гения, или пластической фантастической силы его чувства.

Истинное искусство само по себе нельзя считать ни нравственным, ни безнравственным. Здесь имеет место *omnīa purga puris* (для чистого все чисто). Грязная душа отразит в себе всякое творческое произведение, равно как и все высшие этические проявления, в виде уродливой или порнографической литературы, между тем как благородная душа увидит в нем олицетворение своих возвышенных идеалов. Конечно, не вина в этом искусства или данного произведения, а качества и восприимчивости отдельных индивидуумов, благодаря чему наиболее красивые и достойные произведения искусства вызовут у грязных эротических натур омерзительные половые

представления, между тем как люди с чистыми намерениями, будут реагировать совершенно иначе.

Опираясь на такие основные факты, мы должны считаться еще и с другими, являющимися для нас важными. Есть много человеческих произведений, которые крейсируют под флагом искусства, но в высшей степени мало заслуживают такого названия. В то время как очень мало действительно высоких художников, можно насчитать необъятное количество мазунов. Это, конечно, не подлежит никакому сомнению. Есть немало таких, которые никогда не удостаивались поцелуя музы, не имеют представления ни о достоинствах, ни о серьезности искусства, представляющего для них в лучшем случае лишь дойную корову, — но все же упорно эксплуатируют это искусство, которое им не дается, заменяя его всякого рода «искусностями» и, в целях наибольшего получения денег и достижения дешевого успеха, апеллируя не к благородным человеческим чувствам, а к низменным стремлениям толпы.

В этой сфере с наибольшей силой и проявляется эротика, играя весьма печальную роль. Всякое средство, рассчитанное на раздражение низменной чувственности, сколь угодно грязное, пускается в ход, чтобы обеспечить себе успех у массы. Сюда относятся и фривольные песенки, и недвусмысленные романы, и театральные пьесы, изображения с неприличным содержанием, лишенные, однако, и намека на что-либо художественное в своей основе, но в изобилии выбрасываемые на жизненный рынок, чтобы возбудить низменные эротические побуждения массы и извлечь в результате из ее карманов как можно больше презренного металла. И всему этому с легким сердцем придают название «искусства». В таких произведениях нередко восхваляют низменный разврат,

во всех его видоизменениях и развращениях. Наиболее печальные результаты такого явления следует видеть в том, что грубая пряность такого грязного «искусства» отражается губительно на вкусах толпы, сводя на-нет природную восприимчивость к действительному, облагораживающему искусству. Хотя бы и с риском прослыть мономаном, я еще раз энергично подчеркну, что основой для вырождающейся восприимчивости к искусству и его лучшим проявлениям, как это основательно установлено, является денежная испорченность и распущенность на почве алкоголизма. Я здесь с предвзятой мыслью указываю на восприимчивость к искусству и его лучшим проявлениям, ибо функции настоящих художников не исчерпываются только тем, что они будут творить, а необходимо, чтобы плоды их творчества отозвались бы соответственно в толпе и в публике, т. е. чтобы были последними усвоены. Одно здесь необходимо дополняет другое, как спрос и предложение. Если способность к восприятию народа к произведениям искусства понижается, то соответственно падают и достоинства таких произведений, точно также, как и наоборот. Уважаемый проф. Беренс, директор художественно-ремесленной школы в Дюссельдорфе, вполне согласился с нами, в печатном труде подтвердив губительное влияние алкоголя на искусство (Peter Berhens. «Alkohol und Kunst» Verlag von Deutschlands Grosslage II, J.O.G.T. 9., Hambourg). Считая этот факт непреложным, мы возьмемся теперь за самый щекотливый и главный вопрос, а именно: как провести грань между действительным эротическим искусством и порнографической мазней? В то время как некоторые крикуны, фанатически-аскетически настроенные, в своем отстаивании морали, решатся разбить или сжечь любое произведение искусства с оттенком эротизма, принимая его за порно

графию, найдется немало апостолов вырождения, которые возьмут под свою защиту, под покрытие искусством любую разновидность порнографии. Какой же из критиков искусства возьмет на себя определить истину?

Я хочу привести здесь лишь пару примеров. Когда в одном незначительном и ханжеском уголке Тироля были выставлены нагие, хотя и ничего собою не представлявшие бюсты и статуи, крестьяне их уничтожили, так как почувствовали себя оскорбленными в лучших чувствах своей стыдливости и узрели в изображении обнаженного человеческого тела причину для возбуждения, разврата (см. главу XIII). И было бы напрасно тратить слова по их адресу: «Вы относитесь к таким умам, которым стыдно своей собственной природы, ибо они живут только сверхъестественным». Это же в равной степени могло бы быть применено и к приведенному уже нами начальнику Цюрихской полиции, который приобрел в свое время своеобразную славу, благодаря удалению с витрины «Игры волн» Беклина, узрев в купающихся наядах опасность для нравственных устоев цюрихских обывателей.

С другой стороны, вне всякого сомнения, что бал нагих или полунагих (*bal des quat' z'Arts*), который дается ежегодно художниками и их натурщицами в обществе их ближайших друзей, и который завершается половой оргией, выходит уже из сферы искусства, целиком относясь к действующему развращающе и подлежащему скорейшему прекращению половому цининизму.

Я отношу к области мошенничества всякие попытки придавать названия искусства каким угодно видам хотя бы и превратной или патологической порнографии. Разумеется, художественные натуры, обладающие слишком бурными чувствами и даже иногда патологически раздра

женные, находят себе извинение за свои половые противоположности, непостоянство, капризы и эксцессы в любовном чувстве, все это оправдывается темпераментом, свойственным художнику. Но если порнография специально культивируется и вводится в систему, а также цинично прокладывают себе дорожки в жизнь общества всевозможные половые оргии, то их сюда отнести ни в каком случае нельзя, так как здесь нет совершенно элементов искусства. Не должно сваливать в одну кучу личные особенности, патологические слабости и эксцентричности художника, который нередко и сам становится жертвой своей слабости, — вместе с искусством и его продуктами, не возводя их, во всяком случае, в норму и нечто обыкновенное.

Нам, однако, приходится нередко иметь дело со скрытым проявлением эротизма, причем он имеется налицо там, где его всего менее можно было ожидать, как например, в благочестивых тенденциозных произведениях и приличных по внешнему впечатлению романах. Здесь эротизм проявляется в полной форме, хотя такие произведения и приобретаются старыми девами и благочестивыми лицами для укомплектования библиотек и даже рекомендуются в качестве примерного чтения. Такие произведения, как мы уже говорили, способны действовать ненормально раздражающе на половое чувство в значительно большей степени, чем откровенные вещи Золя и т. д.

Одному остроумному человеку принадлежит следующее выражение: «У нагой статуи наиболее неприличным является фиговый лист, а не скрытое под ним». И вполне понятно, что все эти изваянные, нарисованные, а также написанные и высказанные в разговоре фиговые листья действуют возбуждающе на похоть независимо от

тех добрых в своей основе намерении, с которыми они были применены; они действуют, как газ и трико, предназначенные скрывать, но через которые скрываемое отлично просвечивает, действуя возбуждающе на чувственность еще в большей степени, чем откровенная нагота. Вообще же эротизм, как будто бы скрываемый, обнаруживает свое влияние более сильно, что и принимается в соображение всеми этими организаторами балетов и аналогичных зрелищ, прибегающих с определенными целями к содействию газа и трико. На всемирной выставке в Париже я видел эротический танец аравийской женщины, носивший название «danse du ventre» (танец живота) и подражавший в соответственных движениях живота, бедер и поясницы движениям женщины во время совершения полового акта. Я, однако, склонен думать, что такая циническая пантомима не в состоянии была эротически влиять интенсивнее, чем туалеты наших дам на балах и вечерах, отличающиеся утонченностью и слишком энергичным декольте, или чем религиозно-экстатические сцены, описанные ли или в своем месте изображенные (см. главу XI). Но вышеупомянутый танец имел место под ярлыком «этнологии», и присутствовавшие при нем приличные дамы по такой уважительной причине ничем не сочли долгом морально реагировать.

Я приведу здесь пример в подтверждение того, что не всегда представляется возможным разграничивать искусство с порнографией. Я ссылаюсь уже неоднократно на романы и особенно новеллы Гюи де-Мопассана, которому удалось создать, быть может, самое высшее, что до сих пор произведено в сфере тонкой психологии любви и полового стремления. Его произведения (за незначительными исключениями), с моей точки зрения, ни в каком случае нельзя признать порнографическими, хотя в них и

можно натолкнуться на весьма рискованные подробности. Порнографии тут нет по той причине, что произведения эти истинно человеческие, и все недостойное и безобразное не выставляется в качестве чего-либо соблазнительного, хотя произведения, конечно, лишены морализирующих выводов автора. И в том-то и следует видеть старый ловкий прием эротического пустосвятства, что запретный половой плод в соблазнительных образах преподносится под просвечивающей личиной слов и выражений, исполненных внешнего негодования и благочестия. Порок подвергается суровому осуждению, но вместе с тем изображается в таких формах, что читатель захлебывается. Этого, конечно, не найти ни у Мопассана, ни у Золя. Половая испорченность и разврат, выставляемые на показ у этих писателей, скорее наводят на печальные размышления и, во всяком случае, вызывают отвращение. Но издатель Мопассана посмотрел на дело совершенно иначе, преследуя, главным образом, конечно, интересы рекламы и сбыта. И произведения Мопассана были снабжены им такими изображениями, что жалко становится автора. Сказанное может быть иллюстрировано и следующим противопоставлением. Эротические стихотворения Гейне могут быть сравнены с романами Мопассана. При этом можно различить некоторую порнографическую черту у Гейне, хотя искусство его чрезвычайно утонченно, но ему изменяет нередко этическое чувство, свойственное произведениям Мопассана.

Много эротики и наготы в искусстве греков, отличающемся высокими качествами и утонченностью, но мы здесь не видим безнравственного воздействия, ибо выступает (особенно в скульптуре) сама красота в чистом виде, в сочетании нередко с первобытностью. Легко убедиться в этом из взгляда на античные греческие статуи,

прочесть у Гомера историю Ареса и Афродиты или же идиллию Лонгоса о Дафнисе и Хлое. Развращающее влияние сказывается не в наготы, не в натуральном изображении вещей, относящихся к половой сфере, а в грязных побуждениях автора и его нечистых, часто корыстных намерениях. С другой стороны, необходимо считаться и с тем, что и совершенно чистое в нравственном смысле произведение искусства способно порнографически воздействовать на того субъекта, кто имеет обыкновение на все накладывать печать своей собственной испорченности и безнравственности, видя во всем лишь низкое проявление и гадость. Правда, в древние времена, особенно в позднейшем Риме, половые сферы не были свободны от порнографии и циничной грубости. Это в значительной степени подтверждается, между прочим, и изучением развалин Помпеи, а также и фактами из истории. Такие явления обыкновенно сопровождают упадок наций. К тому же, крайне поучительны и интересны сообщения Штолля (*Das Geschlechts-Jeben in der Völkerpsychologie*) об этнографическом распространении «непристойности» в ее различных оскорбительных, мимических, графических и пластических формах проявления. Она не чужда ни одному народу, свойственна всем эпохам, потому что обусловлена самой природой человеческого эротизма.

Кому же судить? Кому определить, где заканчивается искусство и начинается порнография, или в какой мере возможно проявление эротизма в искусстве для публичного выставления? Я не считаю себя настолько компетентным, чтобы дать вполне определенный ответ на столь щекотливый вопрос. Но высказываю свое мнение, что с уничтожением владычества презренного металла и алкоголя значительно устранился социальная

опасность порнографии, или даже, может быть, совершенно исчезнет. Крайности, во всяком случае, должны быть избегнуты в обоих направлениях. Если порнография проявляется совершенно открыто, независимо от всякого участия искусства, в качестве голой пошлости, то общество, разумеется, обязано принять немедленно должные меры. Но при наличии художественной оболочки, необходимо, считаться в каждом отдельном случае с художественными достоинствами данного произведения, с теми нечистыми побуждениями, которые более или менее открыто положены в его основу, и, взвесив спокойно все обстоятельства, вынесли то или иное решение. Необходимо также считаться с заведомо развращающим влиянием на массу всяких будто бы произведений искусства или «художественных» выставок, демонстрируемых, например, во всех этих ТiпдеI-ТапдеI. Современное наше искусство включает в себе много вреда еще и благодаря тому обстоятельству, что в нем преобладает патологическое направление, что особенно важно в половой области. Я упоминал уже о французском поэте Бодлере. Эротическое искусство отнюдь не должно представлять собою лечебницу для всяких извращенных субъектов, которые выставляются героями, занимают центральное место в произведениях и готовы вообразить, что являются особенно интересными и ценными представителями человечества. Их ненормальность находит лишь обильную пищу в таком положении вещей, которое нередко заражает и здоровых людей. Можно назвать патологичными весьма приличное количество современных романов и художественных произведений. Выводятся фигуры, рекомендуемые в качестве непосредственных типов любовной и половой сферы, между тем как место им лишь в психиатрической лечебнице или же в сумасшедшем доме, где они

обыкновенно встречаются. Иногда же изображаются и такие субъекты, которые существуют лишь в патологическом мозгу автора. Можно не навязывать искусству морализирования, но художник никогда не должен терять из виду высокую социальную миссию искусства, сводящуюся к возвышению человечества и вдохновлению его идеальными стремлениями, вместо того, чтобы топить его в болоте. Величайшие художники именно и уразумели эту миссию, и их мастерские произведения носят на себе такой отпечаток. Отрицание своих прав современными дегенератами есть поэтому ничто иное, как гнилая оговорка.

Искусство располагает большею мощью, ибо чувства управляют людьми и притом, что особенно важно заметить, в более значительной степени, чем холодные выводы рассудка. Искусству надлежит быть здоровым. Если оно не допускает воздействия какого-либо морального хлыста, то оно должно вечно иметь в виду свою обязанность подыматься в небеса, куда и иносказательно указывает дорогу смертному, прислушивающемуся к его авторитетному голосу, но пусть они будут небесами не суеверия, а наиболее счастливого будущего для человечества. Искусство поэтому не должно нарочито обессиливать свою вечную тему — любовь, трактуя ее лишь в определенных, стесняющих границах, и может даже не избегать эротических пряностей в тех случаях, когда это требуется художественной правдой, но ему нельзя проституировать, отдавшись в распоряжение низости и вырождения. Самому художнику предоставляется определить, какими путями он будет в состоянии достигнуть соответствующих результатов, так как не нам давать ему в этом смысле указания.

Впрочем, позволю себе дать совет некоторым современным нашим художникам: как можно тщательнее избегать всякого рода научных специальных произведений в поисках за материалом, когда они думают творить, прибегая к социально-эпическим, медицинским и вообще научным темам. Пусть они лучше, беря пример с Мопассана, стараются сами переживать все, что желают изобразить; в противном же случае художественная сторона произведения может исчезнуть у них из-под ног, и они превратятся в тенденциозных теоретиков, неважных ученых, плохих моралистов или социальных политиков, потеряв, во всяком случае, право на звание хороших художников. В «Пчеле» Метерлинка заключаются большие достоинства не потому только, что он сам по себе крупный писатель, но еще в потому, что он непосредственно ознакомился с жизнью пчел и, таким образом, творил на основании своих собственных впечатлений, а не прибегая к книжным компиляциям.

Независимо от прекращения развращающего воздействия денег и алкоголя, можно также рассчитывать на устранение дурной порнографической эстетики, благодаря повышению эстетического вкуса массы. В настоящее время положительно вызывает отвращение у обладающего здоровым эстетическим вкусом эта глупая, лживая, неестественная на почве эротической похоти сентиментальность, которая находит столь широкое распространение в плохих изделиях ремесленного происхождения, приподносимых широкой массе под громким названием «искусства». Но отвращение это играет роль благодетельного духовного лекарства, и нельзя согласиться с взглядом строгих аскетических душ, полагающих, что настоящая этика не имеет ничего общего с искусством, причем все моральное должно быть безискусственно. В этом

мнению коренится глубокая ошибка, благодаря которой бессознательно поощряется порнография, ибо трезвенная сухость отталкивает человечество к противоположному полюсу. Совершенствование человечества обусловится эстетическими, равно как и этическими чувствами, в гармоническом сочетании с интеллектом и волей.

Пусть не отказано будет мне в разрешении сделать одно замечание, не имеющее, правда, непосредственного отношения к настоящей главе. Предлагавшиеся из одного лагеря, между прочим, и мною меры против забеременения для урегулирования деторождения, причем исходная точка была безусловно социально-гигиенической и этической, были осуждаемы в качестве безнравственных или же антиэстетических. При таком вмешательстве в функции природы нарушаются поэзия любви, равно как и нравственные основы; к тому же воздвигается препятствие и для естественного подбора.

На это я отвечу с различных точек зрения.

Прежде всего нет основания утверждать, что не может быть прочности в искусственном вмешательстве человека в функции природы. Если бы такое мнение было справедливо, то земной шар и по настоящее время облечен был бы первобытным лесом, и потребности человека не нашли бы никакого отклика в растительном и животном мире. Пропали бы все эти насаждения и культурные поля, вместе с домашними животными, чего на деле не наблюдается. Замечается, наоборот, стремление естествоиспытателей сохранить для будущего некоторые виды редких и интересных представителей животного и растительного царства, которые в настоящее время фауна за фауной, флора за флорой уступают энергичному и эгоистичному натиску человека, совершенно исчезая с

лица земли. Изыскиваются, и довольно безрезультатно, меры для воспрепятствования такому делу разрушения. Нам, людям, наоборот, удалось доказать, — правда, грубо, в ущерб совести, искусству и поэзии, — что успешно имеем возможность вмешиваться в функции природы.

Не буду приводить опять этику. Я доказал уже в главе XV, как прихрамывает наша обыденная половая этика, а также, принимая во внимание сказанное в главе XIV, обосновал безусловную необходимость противозачаточных средств для истинной социальной половой этики.

Что же касается опасений, основанных на соображениях эстетического свойства, то, пожалуй, с первого взгляда можно было бы предположить в этом некоторую долю истины. Но тут приходится уже спорить о вкусах. Очки, например, эстетичностью не отличаются, но употребление их не отразилось на поэзии любви и без них нельзя в настоящее время обойтись в соответствующих случаях. Прибегают к посредству очков даже великие художники. Это почти в равной мере относится к одежде, велосипеду и массе других вспомогательных средств, к которым прибегает человечество. И чувство эстетики страдает только от непривычности и новизны предмета. Но, привыкнув к данным вещам, о них перестают и думать. Ведь считают же эстетичными и корсет, уродующий грудную клетку, и ботинки с острыми носками! У меня господствует убеждение в том, что за неэстетичность был осужден своими товарищами и тот первый человек, который поехал верхом на лошади. Если говорить о деталях совершения полового акта, — то и в них заключаются эстетические дефекты, которые весьма незначительно возрастут от прибавки кондома. Справедливость таких возражений, как мы видим, не может быть признана,

причем предубеждение может быть приписано исключительно
непривычке.

Глава XIX

Обозрение прошлого и будущие перспективы

Под утопиями можно разуметь такие идеальные проекты социального устройства в будущем, которые, будучи обязаны своим происхождением человеческой фантазии, не имеют под собою реальной и здоровой почвы, составляют противоположность данным человеческого опыта и лишены поэтому каких-либо шансов на их осуществление. Однако, такие консервативные филистерские умы, которые живут лишь предрассудками и преклонением перед авторитетами, считают утопическим всякий идеал, который не обязан своим происхождением древним устоям, привычке, нравам или авторитету. Это является грубою ошибкой, которая могла бы свести на- нет какой угодно социальный прогресс, если бы с ней постоянно считались.

Есть идеалы будущего, вполне достижимые, но бывшие неведомыми для прошлого. Нельзя в этом отношении признать правым Бен-Акиба в его афоризме, что нет ничего нового под луной. Международные мировые сношения, всемирный почтовый союз, уничтожение крепостного права, вскармливание детей искусственным путем, телефон, беспроводный телеграф и пр., — все это достигнутые уже результаты, которые раньше человечеству даже и не снились. Можно ли поэтому считать утопией хотя бы общий всемирный язык или прекращение в дальнейшем войн между цивилизованными народами? Всевозможные расы уже в настоящее время владеют англий

ским языком, и всем доступно изучение эсперанто. На территории больших стран, как Германия и Франция, давно положен уже конец прежним местным войнам между отдельными государствами, феодалами и пр. (а в маленькой Швейцарии даже сословиями и кантонами). Нельзя ли на этом основании предполагать возможность и дальнейшего человеческого объединения? Только предрассудок может это отрицать. На каком основании должно считать утопиями устранение наркотических веществ, действующих отравляюще на массы, как алкоголь, опиум, индийская конопля и пр., или на социальную экономическую реформу, вводящую более справедливую (как общественную), т. е. полную, оплату труда? Что касается меня, то я такие вещи считаю не только вполне осуществимыми для человечества, но даже и необходимыми в интересах дальнейшего его успешного развития. И лишь предвзятость старого толка, обусловливаемая инертностью чувства, оказывает им противодействие, подвергает осмеянию, принимая их за утопии, ибо, благодаря своей близорукости, она совершенно не считается со значительно видоизменившимися человеческими социальными соотношениями, или же дает им незначительную оценку, не будучи в состоянии изменить своим старым идолам.

На каком основании, наконец, должно принять за большие утопии рациональные нововведения в половой области, чем достигнутое уже в настоящее время искусственное вскармливание младенцев, не могущих пользоваться грудью матери, или чем современное нам победоносное шествие хирургии, серотерапию, предохранительные прививки и т. д.? Как близорукие и дальнзоркие прибегают к посредству очков, а лишенные зубов пользуются вставными зубами, в такой же мере люди с унасле-

дованной порочностью или же больные могут применять кондомы, чтобы не производить потомства, причем пользование подобного рода средствами дает возможность матери отдохнуть нужное количество времени между двумя последовательными родами.

И. Блох (Половая жизнь нашего времени) упоминает об одной крайне поучительной и точной статистической анкете относительно 100 браков среди всех сословий Вены, произведенной д-ром Антоном И. Гросс-Геффингером. (Судьбы женщин о проституции в связи с принципом неразрывности католического брака и т. д. Leipzig, 1847). Доценту морали в Цюрихе, д-ру Ф. В. Ферстеру мы рекомендовали бы поближе ознакомиться с этой статистикой.

Среди них насчитывалось: 48 несчастных браков, 36 безразличных браков, 1 добродетельный брак, 0 добродетельных и ортодоксальных браков.

30 женщин были несчастны по вине мужа, 12 — по собственной вине. Среди тех же 100 браков было: 14 намеренно неморальных, 51 распутных и легкомысленных, 2 совершенно вне всякого подозрения.

Гросс-Геффингер исследовал тем же способом еще 200 случаев (а всего 300), которые дали вполне тождественные результаты. Опросный листок в каждом отдельном случае приводил положительно в отчаяние, но все же претензии составителя крайне скромны. Приблизительно половина всех браков абсолютно несчастлива, большая же половина очевидно деморализована. Нравственность меньшей части не состоит в соблюдении супружеской верности, 15% промышляет развратом и сводничеством.

Но не повсюду, однако, положение вещей так печально. Все же картина эта попадает в точку в отноше

нии крупных центров. Такова лицемерная мораль нашего христианского моногамного брака, и всякий честно мыслящий признает необходимость коренной реформы его. Ждать ухудшения в сравнении с тем, что есть, вряд ли справедливо.

Бросим снова взгляд на первые восемнадцать глав этой книги.

а. В главах I до V мы имели возможность ознакомиться с естественной историей, анатомией и физиологией половых органов, а также с нормальной психологией половой жизни.

б. В главе VI мы кратко изложили, придерживаясь преимущественно Вестермарка, этнографию и историю половых отношений человеческих народов.

в. В главе VII мы стремились как проследить зоологическую эволюцию половой жизни (филогению) наших животных предшественников, так и дать краткое изложение индивидуального развития половой жизни человека от рождения его до смерти. Мы таким путем стремились представить наиболее понятными две корневые группы наших нынешних половых восприятий — наследственную, или филогенетическую, и индивидуально приобретенную, или приспособленную мнему.

г. В главе VIII мы дали описание болезненных извращениях половой жизни, ибо они чреватые значительно большими последствиями для наших социальных отношений, чем это принято думать, и сопряженные с ними опасности и их причины должны быть всегда пред глазами, чтобы можно было с ними успешно воевать.

д. В главах IX до XVIII мы, наконец, показали отношения половой жизни к наиболее важным областям че

ловеческих чувств и интересов, к внушению, деньгам, собственности, внешним жизненным условиям, религии, праву, медицине, этике, политике и политической экономии, педагогике и искусству. Мы при этом касались также и связанных с ними общественных установлений и нравов.

Если мы сопоставим все получившиеся данные, то будем в состоянии сделать отсюда ряд заключений, которые разделим на две группы.

А. Отрицательные данные: прямые или косвенные источники половых скверных положений и соответствующих социальных безнравственных поступков, удаление которых настоятельно необходимо. Та трясина, в которую ввергнула человечество полукультура, дав ему возможность значительно легче удовлетворять свое легкомысленное и беспредельное стремление к наслаждениям, питается, в свою очередь, этим же стремлением к наслаждениям, которые становятся объектом вымогательства и удовлетворения денежных интересов. Но в конечном результате существует антагонизм между постоянной погоней индивидуума за удовольствием и наслаждением с одной стороны — и интересами и надежным существованием общества — с другой. В этом и состоит узел осложнения. Такая страсть к наслаждениям должна быть пресечена при помощи наиболее совершенной социальной организации, причем социальные данные, в качестве альтруизма или социальных стремлений человека (этические чувства), должны быть улучшены. Мгновенно может быть достигнуто лишь первое. Но мы видели, что и второе может постепенно подготавливаться для будущего, ибо мы должны считаться с обоими подобного рода фактора

ми спасения.

Нам представились здесь наиболее важные корни полового вырождения, которые обусловлены нашей полукультурой. Речь идет именно о полукультуре, так как культура наших дней еще чрезвычайно далека от совершенства и, во всяком случае, лишь с внешней стороны успела соприкоснуться с массой. И действительно, высококультурные представители человечества гораздо скорее преодолели детские болезни культуры, чем невежественная масса, — и это обстоятельство должно было обусловить наше мужество и возрастание доверия к будущему, когда действительная высшая культура будет находиться во всеобщем распоряжении. Обнаруженные корни полового вырождения имеют иногда лишь косвенную, иногда же и непосредственную связь с половой жизнью. Против всех них должен быть объявлен беспощадный поход, и война не должна быть прекращаема до тех пор, пока они не сведены будут на первобытный, нормальный минимум. К главным из них относятся:

1. Первый источник полового вырождения, обнаруженный в историческом развитии человечества и его половой жизни, мы видели в главе VI, равно как и в главе X. Он проявляется в старании человека использовать другого, в стремлении к обладанию богатством и господству, составляющим причину сперва похищения, а потом и покупки жен, проституции и всех тех свойственных нашему веку утонченностей, которые насаждают половое наслаждение в связи с господством, обусловливаемым деньгами. Поклонники Мамоны совершенно напрасно пытаются утверждать, что их божок — золотой телец — представляет собою высшую побудительную силу к труду, являясь вместе с тем и двигателем культуры. Мы имеем возможность всякий раз убеждаться в противоположном. Деятельность гениальных тружеников мысли, людей науки,

изобретателей и художников обуславливается исключительно идеальными стремлениями. Но вслед за тем появляются на сцену из своих темных нор жрецы Мамоны, зорко следящие за новыми открытиями и усовершенствованиями, и не только присваивают себе продукты деятельности истинных творцов и изобретателей, чтобы на их счет накопить себе богатства, но и нередко присваивают себе и чужую честь заслуги изобретения, чтобы гордиться ею без всякого на то основания. Кражи духовные сочетаются с денежными, — и в этом заключаются геройские выступления «мамонизма». И как ловко он при этом работает! А между тем, он представляет собою единственный двигатель человеческой деятельности и в связи с него и культуры! Мы этому не верим. Разумеется, на почве непрекращающейся конкуренции, в стремлении к наживе, создается кипучая деятельность. Но такое стремление к труду, возникшее в качестве непосредственного следствия жажды наживы и наслаждений и не брезгающее никакими средствами для достижения своей цели, представляет собою нездоровую предприимчивость. Необходимы другие первопричины человеческой деятельности, и, к счастью, они имеются налицо. Должно только обнаружить их и пустить в ход, ибо без трудовой деятельности не будет ни культуры, ни социального прогресса, ни счастья.

Таким образом, первым основным корнем человеческого полового вырождения является возведение в культ золотого тельца, использование накопленных богатств в интересах эксплуатации чужой деятельности с исключительно себялюбивыми, индивидуальными побуждениями. Сюда и относится приобретение за деньги жен, браки по расчету, проституция и все их сопровождающее. Пока не будет окончательно удален этот корень, человечество не

сможет рассчитывать на здоровые половые отношения. На этом основании первой нашей и наиболее важной задачей, в интересах оздоровления и приведения в норму наших половых отношений, хотя бы и не непосредственным путем, является борьба с современным манчестерством, или преувеличенным правом собственников располагать частными капиталами, причем право это находится под покровительством закона и дает в своем применении ряд злоупотреблений. Если иметь в виду простоту и солидность воспитания, главным образом относительно брачных и семейных устоев,, то в качестве достойного подражания образца может быть указана семья лютеранского деревенского духовенства, и приносящая соответственные плоды.

2. Употребление наркотических ядов, сделавшееся привычкой, и, главным образом, алкоголя, обуславливает, как мы уже видели в главе VIII .(§ Ш, 9), равно как и в главах X и XI, тяжелое физическое и моральное вырождение человечества, причем это отражается не только на индивидуумах, подвергшихся действию наркотических веществ, но и на их зародышах, а впоследствии и на их потомстве, В этом-то и состоит бластофтория. Но бластофтория по существу своему находится в тесной зависимости от половых процессов. Благодаря ей, индивидуальное влияние прибегания к наркотическим и вообще ядам передается из поколения в поколение. И единственное радикальное средство для борьбы с таким явлением имеется налицо, причем применение его не сопряжено ни с какими трудностями, если бы не рабское упрямство человека и его зависимость, с одной стороны, от привычек и предрассудков, а с другой — от капитала и стремления к наслаждениям. Всякого рода наркотические средства, и раньше всех алкоголь, должны быть навсегда

устранены из обихода, в качестве средств потребления и применяться лишь в качестве лекарственных препаратов в аптеках, спирт же еще в промышленных целях. Все зло, главным образом, заключается в том, что наркоз, действуя парализуяюще на мозговые центры, при более умеренном его воздействии, когда развязывается только язык, но уже известным образом нарушен правильный ход мыслей в мозгу — наркоз этот обуславливает ощущение человеком чего-то приятного, доставляющего ему удовольствие и становящегося, в силу привычки, предметом «страсти», более или менее сильной, к опьяняющим средствам, к которым он все больше и чаще прибегает. Большинство же из этих средств, и алкоголь на первом плане, действуют раздражающе на половое влечение, большей частью в животной форме, что обуславливает, в свою очередь, при ослабленной потенции, весьма грязные и бессмысленные эксцессы. Нельзя положительно найти какое-либо полезное показание относительно потребления опьяняющих веществ, между тем индивидуальный и социальный вред, в сильной степени выраженный, всегда налицо.

Обществами трезвости объявлена социальная война потреблению всех видов ядов, опасность которых установлена уже опытом. Нам остается пожелать им достижения благотворных результатов во всех местностях и в период ближайших лет с таким же успехом, который достигнут уже в некоторых северных странах. И тогда исчезнет и второй основной корень вырождения полового стремления: половой жизни.

. Третий источник, служащий причиной половой ненормальности, исчезнет вслед за уравнением женщины в правах с мужчиной. У животных нельзя проследить каких-либо прав собственности самца на самку. Природа ни

в каком случае не дает нам прообраза рабских установлений, в силу которых один пол против своей воли подчиняется другому. Даже самцы у муравьев, вполне зависящие от работников, в силу своего физиологического чрезвычайного духовного убожества, все же не знают никакого ига и в случае желаяния, могли бы в любой момент эмансипироваться. Мы опровергли уже господствующее мнение о духовном превосходстве мужчины над женщиной, доказав его вздорность и неосновательность. Благодаря эмансипации, женщины отнюдь не сделаются мужчинами, но им отданы будут их человеческие — я пошел бы еще дальше — их животные естественные права. Эмансипация вовсе не отнимает у женщины ее работу и не отучит ее от труда. Женщина ни в каком случае не должна быть избалованной, изнеженной комнатной собачкой или же вьючным истомленным животным для мужчины. Женщина должна стать самостоятельной в обществе, в зависимости от ее естественных предназначений. Весьма важной является ее половая роль, являющаяся действительно выдающейся и обеспечивающая ей право на определенные требования к социальной жизни. Не будем здесь повторяться, после сказанного уже в главе XIII, но все же кратко заявим, что при осуществлении женщиной ее прав и обязанностей в обществе (само собою разумеется, в соответствии с разницей пола), т. е. при дальнейшем воздействии женщины, сообразно с ее гением и с такой же интенсивностью, как и мужчина, на судьбы общества, — исчезнет и третий основной корень современных половых ненормальностей. И нашим третьим главным требованием на этом основании и является полная женская эмансипация, в чем мы целиком соглашаемся с такими мужчинами, как например, Вестермарк и Шарль Секретан. Как нами приведено уже было в главах

XIII и XVII, нет основания опираться на различие полов, чтобы предоставить только мужчинам пользование социальными и политическими правами. Мы видим, что совершенно одинаковыми являются для обоих полов окружающий мир и существа, обуславливающие наше духовное и физическое существование в той мере, в какой оно вне нас. И если в суммарном выводе гении одного пола и превосходит гений другого, то это не может послужить хоть сколько-нибудь разумной причиной лишения этого другого права на свободное существование и социальную деятельность в соответствии со своими талантами. Нет, конечно, никакого сомнения в том, что оба пола различны, но всякое покушение одного пола на права другого, при своей искусственности, отражается на свободном развитии обоих полов, так как каждому предоставлено священное право, в зависимости от своих интеллектуальных особенностей, по-своему воспринимать мир и совершенствовать свое я, не сводя на-нет свои умственные функции, чтобы уподобиться животному в хлеву. И только право сильного, воспитанное на слепых и бессмысленных предрассудках, разрешит себе не признавать такого ясного положения вещей. И в действительности, нельзя провести никакой аналогии между ограничительными мероприятиями, устанавливаемыми законодателями применительно к женщине, фактически нам не вредящей, и теми ограничительными законами, которые справедливо применяются в отношении отдельных лиц, покушающихся на интересы других в целях удовлетворения собственного эгоизма и нарушающих таким образом права других лиц и общества.

4. Можно указать еще на неприятеля, энергично задерживающего всякие мероприятия в интересах осуществления реформы. Но он в такой мере внедрился в

человеческую природу, что постепенное его сведение на- нет может быть обусловлено лишь медленным качественным улучшением человечества. Я имею здесь в виду всю эту массу пережитков, предрассудков, суеверия на почве мистицизма, догматов религии, мод и пр. Пришлось бы стать на путь распространенных проповедей морального направления, если бы мы задались здесь целью громить порок, обязанный своим происхождением и развитием одному лишь свойству людей обоготворять и свято чтить все, что осталось для него в минувшем, давно прошедшем.

Мы взамен сошлемся на Шиллера (смерть Валленштейна, акт I, сцена 4):

Валленштейн:

"...враг

Невидимый, что борется со мною,

В груди людей, что страшен для меня, Лишь

трусостью своею молодухной — Вот этот

враг опасен мне. Не то Грозит бедой и

вызывает ужас,

Что видим мы живым и мощным, нет —

Ужасна и опасна только пошлость

Ничтожная, то вечное вчера,

Которое существовало вечно.

И вечно возрождается, и вновь

Жить будет завтра, ибо живо нынче.
Да! из рутины создан человек,
Кормилицей ему была привычка,
И горе тем, кто у него в дому
Дотронется до утвари почтенной
Старинных лет, наследья дорогого Его
отцов!.. Что прожило года,
То действует, как сила освященья;
Что старости покрыто сединой,
То для него божественно. Будь только
Владетелем — и право за тобой,
И сохранит ненарушимо свято Его
толпа.

Самые низменные человеческие страсти, зависть, ненависть, тщеславие, скопидомство, сладострастие, сплетни, властолюбие, лень и tutti quanti — пользуются услугами предрассудка и веры в авторитетность, «вечное вчера», мистику и т. д., в связи с сознательным или бессознательным лицемерием, а также более или менее ясными софизмами, чтобы окружить себя почтенною мантией священной старины и ссылаться в своей пошлости на непреложные авторитеты древности. Таким путем достигалась возможность не только оправдывать, но и восхвалять какую угодно низость! Мне вспоминается характерный спор, которого я никогда не забуду, на борту трансатлантического парохода, с французскими дворяна-

ми-католиками. Они упорно, не отступая ни одной пяди, утверждали необходимость безобразнейших половых эксцессов, неслыханных парадоксов и бессмыслиц, ни на чем не основанных. Человек со стороны, лишенный предрассудков, мог бы с уверенностью утверждать, что эти почтенные люди дурачатся. Но они все время оставались глубоко серьезными, с такой же уверенностью, с какою, например, приверженцы дуэли защищают свой бессмысленный кодекс чести.

Я питаю уверенность в том, что лишь введение научного, духовного элемента и здорового индуктивного и философского образа мыслей в наших школах и в человеческой среде сможет положить предел бестолковому попугайничанью и тупоумному отстаиванию известных взглядов, берущих свое начало в благоговении перед тупыми предрассудками и изречениями людей, возведенных в авторитеты.

Я не буду возвращаться снова к обсуждавшейся уже у нас теме о необходимости борьбы с предрассудками и старыми взглядами на вещи в половой сфере. Все эти источники зла, имеющие свое отрицательное значение и во всех других сферах человеческого существования, могут уступить лишь под натиском истинных знаний и свободного всеисчерпывающего воспитания характера юношества. Но такая борьба существенно необходима, и на это я обращаю особое внимание. В этих целях благотворно подействовало бы, если бы ученые выползли из своих кабинетов и озарили бы светом знания темную неурядицу человеческого общества. Ученые обязаны деятельно участвовать в социальной борьбе уже только для одного того, чтобы не потерять представления о вечно челове

ческом, благодаря исключительному увлечению своею специальностью.

Предлагаемые в дальнейшем постулаты имеют в виду опасности и извращения более частного, местного характера.

5. Мы упоминали о порнографии в главах V, X и XVIII, а в главе XVII подчеркнули громадную опасность ее для нормального развития половой жизни юношества. Хотя порнография и черпает свое начало в стремлении к наживе и в дальнейшем им и поддерживается, но нужно считаться и с тем обстоятельством, что мужской эротизм, в свою очередь, идет навстречу этому стремлению. В зависимости от этого, не включая искусства в заранее предначертанные рамки, должно считать социальной обязанностью борьбу со всякими порнографическими проявлениями большого, низкого и грязного эротизма, а также и с самим эротизмом. Половое стремление человека, в среднем, отличается значительно большею интенсивностью, чем это нужно для удовлетворения социальной потребности рождению, и совершенно не представляется надобности воздействовать на него искусственно, разжигая, прививая и усиливая, сколько только возможно. Таким образом, в число требований должно быть включено и противодействие порнографии. Необходимо, однако, иметь в виду, что с порнографией можно бороться косвенно и даже с большим расчетом на успешный результат, если только будут исполнены четыре раньше приведенные требования, причем соответственно повысятся идеальные взгляды и утончится эстетическое чувство. Репрессивные меры могут в этом случае оказаться менее продуктивными и будут применяться только к наиболее худшим продуктам порнографии.

6. Лишь pro memoria укажу здесь на то, что злоупотребления половой жизни на политической почве должны быть, без сомнения, устранены точно так же, как вредное воздействие половых факторов в политической сфере, особенно же какое бы то ни было безосновательное вмешательство государства в половую жизнь, при помощи законов и циркуляров, и другой род насилия по отношению к естественным половым стремлениям человека, брачной жизни и т. д.

7. Потом весьма важной является упорная борьба с патологическими вырождениями полового стремления и венерическими болезнями. Мы об этом подробно говорили уже в главах VIII, X, XIII и XIV. Патологию полового стремления сопровождают и преступления на половой почве. Здесь почти неизбежно приходится сталкиваться с проявлением ненормальностей человеческого мозга, причем ни устранение их у данного субъекта, ни воздействие какими угодно наказаниями не могут дать желательных результатов. И только лишение свободы дает относительное улучшение, так как при этом общество освобождается от опасных элементов, носящих в себе признаки вырождения. Должны быть приняты возможные меры, чтобы такие индивидуумы не размножались в потомстве, и вообще должно быть принято во внимание указанное нами второе требование.

8. После всего этого приходится еще иметь в виду очень важный вопрос, который нами уже приводился, сводящийся к тем мерам, которые культурное человечество обязано принять в виду грозящей ему опасности со стороны низших человеческих рас, которые при чрезмерном сравнительно размножении, угрожают превзойти количественно культурные нации. Эта опасность, без сомнения, имеется налицо. Но для правильной ее оценки

совершенно недостаточно, не вдаваясь в подробности, поставить в одну сторону все дикие племена и всех варваров, а в другую культурные народы. Дело обстоит значительно сложнее. У многих диких племен замечается быстрое вымирание, благодаря ничтожной плодовитости. Европейцы привили им развращенность нравов, алкоголизм, венерические болезни, и дикие племена гибнут, не будучи в состоянии противодействовать; сюда относятся, например, ведды, краснокожие Сев. Америки, малайцы и друг. Негры же в этом смысле составляют яркую противоположность, так как отличаются исключительной живучестью, умением приспособляться ко всякой культуре и при этом сильно плодятся. Однако, только утописту может казаться, что негры могут преобразоваться в высшую цивилизованную расу без филогенетического видоизменения, требующего для своего осуществления бесчисленного количества тысячелетий. Не считаю возможным распространяться на эту тему, но достаточно сказать, что за такой сравнительно продолжительный срок пребывания негров в Америке под воздействием культуры они могли бы обнаружить свою способность сохранять ее и совершенствовать в дальнейшем. Но на деле мы наблюдаем, что подвергшиеся влиянию цивилизации негры Гаити, предоставленные своей собственной судьбе, снова углубляются в злейшее варварство, таким же образом относясь и к полученному ими в свое время христианству. Но мы наблюдаем и с другой стороны, с какой быстротою, при наличии лишь зародышевых энергий, японцы и без христианства отлично усваивают нашу культуру. Также интенсивно подвигаются вперед по пути цивилизации и южные славяне, стряхнувшие с себя фаталистически обессиливающее турецкое иго.

По плоду определяют и ценность дерева. Японцы представляют собою культурную нацию, и к ним должно относиться, как к культурному народу, негры же являются некультурными или же способными лишь занять низшие ступени цивилизации. Не беру на себя решить, а могу лишь поставить вопрос относительно того, насколько в состоянии монгольская, а также и еврейская расы смешаться с индогерманскими культурными народами, не вытесняя последних и не истребляя их мирным и последовательным путем. Если бы мы имели дело только с японцами, то не было бы надобности распространяться. Что же касается китайцев и некоторых других монгольских племен, то они, без сомнения, представляют собою опасность для белых рас, которую не заметить может только слепой. Нужно иметь в виду, что эти народы могут удовлетвориться вдвое или втрое меньшим количеством пищи, меньшим объемом воздуха, произведя значительно больше потомства и будучи трудоспособнее, чем мы. Взаимоотношения между этим вопросом и половым вопросом становятся вполне очевидным. Возможно, что удастся впоследствии найти тот или иной исход и установить какой-нибудь *modus vivendi* с китайцами и вообще моноголами. Но для нас более опасной является их кровь, чем их оружие. Китайцы, правда, могут гордиться своей высокой и древней культурой и многими такими добродетелями, о которых мы еще и понятия не имеем. В некоторых отношениях они нас превосходят (см. Ф. Рихтгофена, о Китае, а также «*Etische Umschau Juni-Septembr, 1900*») Однако, при склонности их к застою, жестокости и чрезвычайному расплощению приходится считаться с весьма печальной перспективой для человечества, если эта мирная раса когда-нибудь мирным же путем вытеснит все остальные расы.

Чтобы правильно решить этот вопрос, не должно поступать, как француз Ле-Бон, бросивший на чашку весов одни лишь расовые особенности, фатально уделив им определенные значения, но и не наоборот, ожидая всего от воспитания и социальной организации. Обе группы факторов должны быть тщательно исследованы и предусмотрены. Необходимо также и прежде всего над всем производить опыты, воспитывать у нас в европейском духе новорожденных монголов, а затем подвергать их испытанию в собственной культурной среде.

Положительные данные. Устранение приведенных в ненормальностей и опасностей создаст благоприятную платформу для существования в будущем более идеальных и здоровых половых отношений. Последние претендуют при этом на специальные меры, предупреждающие благофторическое вырождение зародыша и патологические половые отношения вообще; далее они требуют действительного здорового любовного единения, лишённого влияния предрассудков и материальных соображений и более стойкого, чем гипноз, любовного увлечения. Они требуют, наконец, регулирования прав и обязанностей родителей в отношении родившегося потомства, приносив их к требованиям гуманности и интересам общества. Мы убедились уже в том, что все это не может осуществиться, если мы не обратимся к содействию искусственных вспомогательных средств, до сего времени находившихся под запретом или же применявшихся не с соответствующими целями; мы имеем здесь в виду принципиальную разницу, получившую уже реальное осуществление, между удовлетворением полового стремления и деторождением. Если у растений и у животных эти два понятия безусловно неотделимы, то у человека, наоборот, под влиянием культуры и социального разви

тия создались совершенно новые условия и потребности, значительно отличающиеся от того, что было до сих пор. Та грубая борьба за существование, которая проявляется у различных видов животных, для человека, можно констатировать, отошла уже в область преданий. Человеку в настоящее время приходится лишь еще энергично бороться с бактериями и тому подобными мельчайшими живыми существами. Схватки между людьми и людьми или же борьба между разрастающимися нациями, очевидно, также приходит уже к вожделенному концу, ибо она приводит ad absurdum. И неужели нам предоставлено будет «бессмысленному естественному подбору» {выродившемуся у человека под влиянием культуры в противоестественный стимул регресса), т. е. грубому случаю, болезни, голоду, войне, детоубийству — поручить как количественное, так и качественное упорядочение рождаемости в будущем — как раз в такую эпоху, когда, благодаря науке и технике, человечество все успешнее борется с теми же несчастными случайностями, болезнями, смертностью и голодом? Заложное в нас интенсивное половое стремление не соответствует уже больше потребности рождений и возможности прокормления потомства, а потом и запросам его на подобающее для человека существование, ибо потомство это уже не падает больше жертвой детоубийства, эпидемии, диких зверей, беззащитного существования или же войн, как это имело место у первобытных племен. Однако, мы не в состоянии влиять на половое побуждение в смысле его изменения, в то время как от нас вполне зависит урегулирование и улучшение достоинств рождающегося потомства. Такие элементарные истины не допускают никаких возражений и способны противостоять каким угодно предрассудкам, догмам и утверждениям о существовании непреложных

законов природы. Под последним мы разумеем тот ограниченный круг понятий, которые только может воспринять наша скромная способность познания, полагающая, что данное в природе законно. Мы, не задумываясь, сейчас же формулируем строгий закон, пред которым уже преклоняемся, между тем как основательность подобного рода «законов» подлежит частой проверке при помощи вновь определившихся истин. А между тем факты пред нами и убедительно заявляют о своем существовании; мы располагаем вспомогательным средством, дающим нам возможность предупреждать забеременение путем применения предохранительных мер. Мы и должны к нему обязательно прибегнуть, но, разумеется, применяя разумную осторожность, в тех только случаях, когда это диктуется настоятельной необходимостью, и иметь всегда в виду рождение возможно большего количества детей при сочетании умственной силы и этических начал с физическим здоровьем. Это то, что Франсис Гальтон назвал Eugenik (воспроизведение хорошего или хорошее воспроизведение). Eugenik — новое искусство, с которым мы должны ознакомиться на научной почве. Этим мы решительно выступаем против неомальтузианцев, которые, не делая никаких разграничений, попросту стремятся к сокращению числа воспроизведений.

Человеческий подбор представляет собою, как мы это видели в главе XIV, принцип, который поведет еще нас к отдаленной цели. Этот принцип проложит себе дорогу не по принуждению закона, а благодаря всеобщему обучению. Мы доказывали уже, в главе VI § 8 (половой подбор), большую разборчивость женщины в половом отношении, которая у дикарей, например, с большей снисходительностью относится к проявлению силы и героизма. Благодаря значительно видоизменившимся нравам,

современная интеллигентная и культурная женщина отдает предпочтение не столько физической силе, сколько духовным преимуществам и превосходству или гениальности мужчины. Благодаря такому положению вещей, мы имеем руководящую нить в желательном половом подборе, причем лишний раз доказывается неотложность основательного ознакомления женщины с областью половых сношений. И женщины интеллигентные будут энергичнее и успешно отстаивать, разумеется, человеческий половой подбор.

Считаю долгом повторить, что мы отнюдь не стремимся образовать новую человеческую расу, своего рода сверх-человека, а имеем в виду лишь последовательное устранение испорченного под-человека, сведя на-нет источники бластофтории и обеспечив добровольное бесплодие у тех индивидуумов, которые являются носителями дурных зародышей, но, с другой стороны, воздействуя на лучших людей, более полезных в общественном смысле, более здоровых, в смысле наибольшего их размножения. При тщательном ознакомлении с явлениями бластофтории, а также в связи с законами наследственности, можно получить полную уверенность в том, что дело это вполне возможно. Мы видим, например, как интенсивно повысилось качество собак с того времени, как выводятся хорошие породы, в ущерб дурным! Не наблюдаем ли мы, как известные фамилии и крупные человеческие группы всегда выделяются мягкостью своего характера, любовью к труду, интеллигентностью, идеальными стремлениями, что объясняется тем обстоятельством, что они в продолжение многих поколений и веков заботились о сохранении этих качеств, поддерживая, при помощи правильного подбора, без постороннего влияния, свой семейный или расовый тип? И нельзя ли легко просле

дять, как в других фамилиях или у народностей из рода в род передается склонность к мошенничеству, лени, лжи и низости? Нуждающихся в наиболее рельефном доказательстве отсылаю к труду д-ра Иергера о «семье Зеро» (см. главу XI). В этом случае подвергались тщательному наблюдению гибельные последствия бластофтории и скверной наследственности у многочисленных потомков одной и той же семьи на протяжении почти двух веков. Такие истины могут быть опровергаемы лишь в религиозном ослеплении предрассудками. В зависимости от разнообразия наших скрещиваний, при патологических вырождениях может, разумеется, случиться, что атавизм обусловит экфории хорошего потомства у дурных производителей и плохих родителей. Мы указали уже в главе 1 (Мнема и пр.) на причинную связь между этими явлениями. Мы должны быть осторожны при обсуждении таких явлениях, чрезвычайно обманчивых при поверхностном их изучении. Какие же человеческие типы должно энергичнее воспроизводить?

Мы начнем с отрицательного определения и укажем, какие типы не следует производить. К ним необходимо отнести людей с преступными наклонностями, душевнобольных, тупоумных, невменяемых, с недостаточно развитыми эротическими потребностями. Зло, причиняемое такими субъектами, отягчающими общество зародышами с болезненными задатками, огромно. Зачастую люди способные, они, в виду влечения к наркотическим веществам (алкоголю, морфию и т. д.), приносят вред путем бластофтории. В данном случае более уместны меры для отучения от пользования наркотом, чем изолирование субъектов, прибегающих к нему.

Ко второй категории относятся индивидуумы с наследственным предрасположением к туберкулезу, рахи

тизму, физические уроды, гемофилы и другие, которые, в виду своих наследственных недостатков и физического недоразвития, неспособны производить здоровое потомство.

Наоборот, более желательны в смысле воспроизведения люди, полезные обществу, отличающиеся любовью к труду, ровным, добрым характером, уживчивые и услужливые. При наличии еще трезвого рассудка и ясного ума или творческой фантазии, толкающей их в направлении создания той или иной художественной ценности, в этом случае они тем более желанны, как воспроизводители будущего поколения. Те или иные физические недостатки, не особенно значительные, не могут быть приняты в соображение. Несокрушимая настойчивость в стремлении к намеченной цели, не граничащая, конечно, с деспотическим властолюбием, соответствует достоинству, которое должно быть всячески культивируемо. Должно различать такие понятия, как сила воли и импульсивность, из которых последняя является скорее противоположным свойством, но, обнаруживая чрезвычайную стремительность при осуществлении мгновенных решений, кажется посторонним проявлением воли.

Еще и в настоящее время очень часто, к сожалению, производится ложная оценка духовной ценности молодого человека, причем исходят из старых привычек, руководясь лишь школьными испытаниями. Но для успешного выдерживания экзаменов необходимо прежде всего обладать хорошою памятью и способностью быстрого усвоения, на что, главным образом, и обращается внимание. Следствием является то, что запоминаются отголоски учителей, которые представляют большей частью из себя ничтожества, между тем как совершенно не считаются с глубиной ума, оригинальностью, творческими задатками,

выдержкой, честностью, чувством ответственности и обязанности. Чтобы дать себе ясное представление о социальном достоинстве человека, необходимо, как мы об этом уже упоминали при описании деревенских школьных приютов в главе XVII, дать прежде всего оценку свойствам его воли (энергия и выдержка), чувств (чувства симпатии и долга), творческой фантазии и т. д., причем память и усвоение должны отойти на второй план, ибо на жизненной арене упомянутые раньше качества имеют непосредственное применение, характеризуя пригодность человека. Но экзамены неспособны даже судить об интеллекте, так как здесь значительно большую роль играют фантазия, умение приспособляться и комбинировать, могущие скорее вывезти, чем память. И неудивительно, когда после этого разводят руками, убедившись в том, что «первый ученик», на которого возлагалось столько надежд, оказался полнейшим ничтожеством, в то время как будто бы неспособный ученик оказался крупным талантом или, во всяком случае, полезным для общества человеком. И вслед за этим ударяются в фатализм и заявляют, что «никому не дано знать, во что сформируется впоследствии данный субъект». В этом мы видим лишь своего рода фетишизм, который обуславливается неправильностью произведенной оценки юношества. Правда, возможно такое стечение обстоятельств, как болезнь или другие причины, которые значительно видоизменяют первоначальные хорошие задатки, превратив их даже иногда в совершенно противоположные, но все же было бы значительно меньше ошибочных предсказаний, если бы прибегали к указанному рациональному способу оценки молодежи. Необходимы были бы также и психологические исследования развития отдельных личностей в зависимости от их различных

возрастов и результаты сравнить. Тогда социальная ценность человека могла бы определяться с еще большей и желательной точностью.

Ослепленные культурой и благосостоянием, многие, даже ученые, отрицают деятельное вырождение нашей расы. Они не учитывают того, что мы питаемся за счет культурных приобретений наших предков, благодаря чему глупыш или человек слабого здоровья может создать больше, чем деятельный и сильный человек в прежние времена. Одним словом, они смешивают готовые продукты культуры, которые так значительно облегчают нашу работу, с унаследуемой индивидуальной ценою отдельных личностей. Далее, они считают вздутые животы и красные лица признаком силы и здоровья. Они упускают из виду понижение числа годных к военной службе, поражающее увеличение числа невропатов, психопатов, душевно-больных, страдающих туберкулезом и т. д.; не обращают внимания на все ухудшающееся качество наших зубов, нашего скелета, на возрастающую непригодность наших жен к вскармливанию детей и т. д. Мы, во всяком случае, доказали, что не половые эксцессы, сами по себе, являются причиной всему этому, а потребление алкоголя (или опиума и т. д.), несоответствующий половой подбор — бедственная фабричная жизнь, сифилис и т. д. Но против политики страуса, прикрывающей или отрицающей свои язвы, мы вынуждены энергично протестовать. Не культура, сама по себе, ведет нас к вырождению, а прежде всего ее блюдолизы.

Искусственный человеческий подбор вызывал возражения, причем указывалось на слабость искусственно выведенных различных растений и домашних животных. Но эта слабость обуславливается тем обстоятельством., что при искусственном подборе мы вовсе не интересуем

ся тем или иным состоянием растения и животных в их свободной жизненной борьбе, а преследуем лишь наши собственные выгоды, причем выводим лишь такие породы, которые нам принесут больше пользы, как жирные английские свиньи, еле способные к передвижению, и т. д. Человеческий же подбор будет преследовать лишь выгоды личности, в качестве индивидуального и социального существа. Мы имеем здесь дело не с утопическим предположением, а с фактами, результаты которых могут быть когда угодно проверяемы на нашем обществе, поскольку мы не будем только ослеплять себя предрассудками.

Франсис Гальтон, в своей статье о способах улучшения человеческой расы при тех социальных условиях, при которых мы в настоящее время живем (Smithsonian Institution 1902), занялся серьезным исследованием этого вопроса, желая установить закон изменений, прибегая для этого к теории вероятностей. Такой наблюдающийся повсюду закон сохраняет свою силу для случайности, или для большого количества мелких, иногда противоположно действующих причин, влияющих друг на друга в обратных направлениях, и в конечном суммирующем выводе получают маленькие цифры для обеих крайностей и большие для среднего. Но при наличии достаточного количества односторонне действующих сил, целое в конечном результате переместится в одну или другую сторону. Гальтон доказывает, что этот закон имеет одинаковую силу как для физической величины, так и для социальных отношений и психического проявления субъекта. В каждом обществе можно будет найти несколько очень хороших людей, очень скверных и много посредственных. Но если какая-нибудь общая, интенсивно действующая причина, как например, пристрастие к алкоголю,

алчность к материальным выгодам, в большей или меньшей степени умаляет отдельные ценности, то целое значительно понизится по годности, и наоборот. Путем покровительства полового размножения высших категорий и удерживания от такового низших можно, как указывает Гальтон, повысить средние ценности. По этому же вопросу недавно был прочтен интересный доклад проф. Жюлем Аманном в Лозанне на заседании Лиги нравственного воздействия. Он справедливо указал на то, что отмена Людовиком XIV Нантского эдикта (1685), вызвавшая переселение лучших представителей гугенотов в Швейцарию и Германию, способствуя подъему нравственного уровня стран иммиграций, губительно отразилась на интересах Франции.

Мне становится крайне тяжело, когда я сталкиваюсь с деятельными, работоспособными, в социальном отношении крайне полезными людьми, которые, в угоду нашим общественным предрассудкам и нравам, обречены на бесплодие. Такие люди должны были бы жениться как можно моложе, производя достаточное количество потомства. При таком несчастном стечении обстоятельств, когда одна из сторон окажется бесплодной (бесплодие чаще встречается у женщин), благодаря чему вторая сторона тоже будет обречена на бесплодие, необходимо принять меры против такого вреда при помощи бигамии или конкубината, находящих себе одобрение в лице закона и нравов (См. Andre Couvreur, La Graine). У меня нехватает достаточно энергии настаивать на необходимости компенсации сокращения размножения несчастных и негодных элементов, а также и отдыха для женщины между каждыми родами, — тем наиболее интенсивного размножения людей, отличающихся способностью, здоровьем и лучшими задатками. Весьма груст

ным является тот факт, что в наши дни насчитывается такая масса очень славных, трудолюбивых и могущих быть полезными девушек, которые невольно пополняют собою ряды старых дев лишь благодаря отсутствию материальных средств, если они только не предпочитают броситься на шею первому встретившемуся бездельнику. Было бы, быть может, рациональнее разрешить в определенных рамках свободную полигамию, при сохранении одинаковых прав для обоих полов, вместо того, чтобы равнодушно присутствовать при бесплодной гибели стольких здоровых задатков. Ссылаясь здесь на приведенные уже нами в главе XIII обязанности родителей по отношению к своему потомству, а также государства применительно к лучшим производителям, можно быть уверенным, что практические результаты такого способа сказались бы уже на протяжении одного только столетия, разумеется, если бы единичные опыты превратились бы в массовый обычай, — и потомки наши через ряд столетий послали бы нам свою искреннюю благодарность. Они будут преисполнены удивления по тому поводу, что происходят, как и мы, от таких же диких предков, заключавших в себе такое изрядное количество алкоголиков, преступных элементов и людей ограниченных. Непосредственное участие мистики, с номенклатурой «религии» в проявлении половой жизни будет иметь в их глазах такое же значение, как в наших, например, грубое идолопоклонство или вера в колдунов у диких народностей. Они будут в такой же мере поражаться нашему алкоголизму со всеми его последствиями и проституции наших дней, в какой мы не находим слов для выражения своего удивления при виде в музее средневековых орудий пыток или же знакомясь по книжным источникам с проявлениями инквизиции, с процессами о ведьмах и их всесожже

ниями. Многие читатели, быть может, назовут такое сравнение мое парящим в областях фантазии и гиперболическим, ибо они находятся под непосредственным воздействием современного образа мыслей и положения вещей и нуждаются в достаточном количестве опытов, наблюдений и сравнений, чтобы перенестись мысленно к образу мыслей давнопрошедшего или же в атмосферу определенных моментов будущего. Я просил бы таких скептиков, не нашедших возможности сразу принять мои уверения на слово, ознакомиться с содержанием «Ключа к хижине дяди Тома» Бичер-Стоу (не самого романа). Эта книга включает в себе многочисленное количество документальных данных, характеризующих эпоху негритянского рабства до американской войны за освобождение. Ознакомившись с тогдашним положением вещей, и прочтя, например, одну из часто встречавшихся тогда в газетах реклам о перворазрядных собаках и щенках, дрессированных для поимки рабов, причем приложенный рисунок наглядно изображал сцену поимки собакой убежавшей негритянки, — вникнув в эти людские взаимоотношения, всякий согласится в результате, что я утверждал не без основания. Невероятное в наше время, с нашей точки зрения, в то время считалось в порядке вещей. И благочестивое духовенство было тогда на стороне рабства, как оно, впрочем, и в настоящее время держит под своим покровительством алкоголизм.

Мне предстоит еще краткое объяснение педагогической реформы, являющейся наиболее положительной рядом с человеческим подбором как в половой сфере, так и во всяких других областях (см. главу XVII). Я прошу иметь здесь в виду главу XVII в связи с главой XIII. Как мы видели, главной основой для человеческого счастья является хорошее качество человеческого зародыша,

причем это относится не только к половой области, но и ко всяким другим областям, но все же его еще недостаточно. Если представляется возможным получить из сравнительно плохих зародышей, путем воспитания, более или менее порядочных индивидуумов, то, наоборот, может еще скорее случиться, что филогенетически хорошие зародыши, в зависимости от вредных и наблюдательных воздействий, будут онтогенетически погублены. Внимание общества должно быть целиком поглощено правильным, всеисчерпывающим физическим и умственным развитием подрастающего поколения. Должно иметь место гармоническое развитие интеллекта, чувства и воли, а также характера, альтруизма и эстетики, в связи с определенными принципами, аналогичными тем, которые положены в основу деятельности деревенских школьных приютов, упомянутых нами в главе XVII. Если имелась налицо хорошая наследственность, то необходимо, чтобы плод ее получил бы полное развитие, обусловливаемое соответствующим воспитанием и трудом. Если же наследственность была не особенно благоприятной, то должны быть приняты, по крайности, все меры для всестороннего развития лучших задатков, которые в этом случае не дадут плохим наклонностям главенствовать в мозгу. После этого общего указания, , отсылаю к главе XVII. Выразим пожелание, чтобы повсюду наши школы одухотворены были той идеен, которую заповедали им такие люди, как Руссо, Песта-лоцци, Редди и Литц. Но, несмотря на безусловно положительные стороны рациональной педагогики, не следует ею настолько увлекаться, чтобы потерять из виду подбор, которого она ни в каком случае не в состоянии заменить. Ее цели исчерпываются ближайшими перспективами, она имеет в своем распоряжении уже готовый в настоящий момент существующий человеческий

материал, который предполагается использовать; однако, самой педагогике не дано хоть сколько — нибудь изменить в благоприятном смысле качество будущего зародыша. Но, посвящая молодежь в подробности социального значения подбора, она в состоянии подготовить почву для практического его осуществления.

Утопия в связи с идеалом брака будущего.

Внешнее существование личности хотя и обуславливается в большинстве случаев воздействием импульсов настоящего, но внутренняя его жизнь запоминается воспоминаниями о прошлом в связи с наследственной мнемикой. Одно и другое определяют наши заботы о будущем. Но прошлое не должно, однако, служить тираническим и суровым надсмотрщиком нашего внутреннего мирозерцания, являясь лишь услужливым и послушным справочником переживаний всего человечества и его собственных, помогающим ему при облюбовании новых идеалов и разумных решений.

Идея брака будущего предвидит людей, уже с детства посвященных в сущность естественных половых отношений и опасностей, сопровождающих их; далее, она понимает людей, воспитание которых было свободно от воздействия алкоголя и других наркотических средств, имеющих право претендовать на полное использование продуктов своего труда, для поддержания жизни своей собственной и семьи, не капитализируя их, однако, т. е., не обращая их в источник доходов или отчуждая их в

пользу других, т. е., не создавая из них орудия для использования чужого труда в своих личных интересах. Представители обоих полов должны быть воспитываемы в постоянном сознании, что труд является неоспоримым условием жизни. Воспитание девочки и мальчика ведется на разных для обеих сторон основаниях, причем им внушается разница предстоящих жизненных путей, обусловленных наличием половых и индивидуальных особенностей. До 16 лет, а иногда и позже, они посещают народную школу, где им дается стройное систематическое образование в интеллектуальном, физически-техническом, эстетическом и социальном направлениях. Не запугивая их страданиями ада, не предвещая им бессмертия в загробной жизни, им внушают, что жизнь должна быть преисполнена чистых идеальных стремлений. Им не устают твердить, что только добросовестное выполнение возложенных на них жизненных задач, соответственно индивидуальному влечению, равно и ревностное сотрудничество на пользу общества и отдельных членов его, может дать им полное удовлетворение. Далее, их воспитывают в пренебрежении к пустому времяпровождению, мишурной роскоши и личной собственности, направляя вместо этого все их честолюбие на качественное и количественное улучшение произведенной работы.

Таким образом подготовленные, они освоятся с мыслью, что пользование чем-либо должно быть заслужено, и не будут претендовать даже на питье и на еду, не дав какого-нибудь возмещения взамен. И вот, в зависимости от индивидуальности, в том и другом возрасте, у них начнет проявляться половое влечение. Закаленные с юных лет в борьбе со своими инстинктами, приученные подчинять свои страсти интересам общества, они не сразу сдадутся своему влечению. Да к тому же они знают, в чем

дело; не сомневаются, что их терпение не будет подвержено длительному испытанию, что могут непринужденно совещаться по поводу переживаемого ими чувства с воспитателями и близкими, не смущаясь даже противоположного пола. С какими же результатами придется нам считаться при таком состоянии дела?

Будет происходить весьма раннее проявление наклонностей. Все эти расчеты, практикующиеся в настоящее время и втайне обсуждающийся вопрос относительно материальных средств, социального положения, сословия и пр., исчезнут с горизонта человеческого; не будут больше прибегать к маскированию своих внутренних побуждений искусственными приемами вежливости; оставлены будут впредь без пользования те окольные пути, к которым прибегали взамен честного отношения к основному вопросу, в целях всестороннего его выяснения, не будут направлять всю свою энергию на выделение своих преимуществ в интересах ослепления противоположной стороны, но будут избирать в каждом отдельном случае откровенность, для которой не встретится больше препятствий. Будут посвящать друг друга в подробности относительно видов на будущее и подвергать испытаниям взаимные отношения, верность и искренность, не считаясь со злословием. Сношения между обоими полами станут значительно проще и доступнее, ибо прежде всего обе стороны будут вполне посвящены во все подробности относительно половых вещей и, кроме того, нравы будут отличаться значительно большей свободой. Тогда, пожалуй, не потребуются непосредственных половых сношений, чтобы безошибочно определить, насколько совпадают друг с другом два данных темперамента в половом отношении. Свободный обмен мыслями с обеих сторон еще до брака, взаимное изучение харак

теров и взглядов на вещи и пр. сразу дадут возможность судить о перспективах брака, о предполагаемой его прочности. Наступит пора, когда возможно будет уже вполне спокойно и свободно, не считаясь с устарелыми традициями, обсуждать вопросы о наследственности, а также о рождении и воспитании детей. И такое положение вещей, без сомнения, будет больше граничить, с основами морали, чем практикующийся у нас обмен мнением между «благовоспитанными» обрученными, не имеющими возможности говорить о тех вещах, о которых им всего полезнее было бы толковать, а взамен этого вертящихся вокруг да около. Если более талантливый молодой человек будет продолжать больше учиться, то это несколько не отразится на его возможности вступления в брак. Он уже 24-х лет сможет пожениться на девушке 18-ти лет и продолжать свое учение до 25-летнего возраста. В зависимости от простоты нравов они удовлетворятся и незамысловатостью домашнего хозяйства; что касается же воспроизведения, то разумное применение предохранительных средств даст ему возможность на пару лет отсрочить вопрос о деторождении.

В какие же формы выльется тогда брак непосредственно? Раньше всего в самой сильной степени сократится совершенно излишняя роскошь и исчезнут условности внешнего характера. Труд мужа и жены станет общим и обязательным для обеих сторон, причем каждый из них будет применять свои силы в своей области труда, которого известная доля будет посвящена потомству. Что касается непосредственного воспитания потомства, то и отец будет принимать в нем непосредственное участие, поскольку он для этого окажется способным, и в большей степени, чем мать. Это имеет место и в настоящее время. Равноправие женщины и матриархат (см. главу XIII) ни

сколько не отразятся на брачных устоях в смысле их ослабления, но сделают отношения в браке более высокими и глубже коренящимися. Это все отразится на внешнем блеске, который постепенно сведется на-нет. Исчезнут официальные приглашения и угощения, со всякими обстановками и никому ненужными осложнениями. Все это предоставлено будет в удел богатых лентяев, могущих тратить время и деньги без всякого смысла. Если же пришел в дом друг или знакомый, то он является желанным гостем, садится без церемоний за стол, если только есть чем его угостить. Соответственная реформа коснется и одежды, которая станет более целесообразной, простой и совпадающей с требованиями гигиены. Взамен же с особою интенсивностью воцарятся искусство и эстетика в сочетании с исключительной чистотою. Искусством нельзя считать пышность и роскошь, которые всегда больше совпадают с чванством, будучи в некоторых случаях даже совершенно противоположными искусству. Мне приходилось видеть очень скромные маленькие квартирны рабочих, отличавшиеся, однако, исключительно чистотой и богатством эстетического вкуса; я и сам нередко жил в таких квартирках (см. главу V).

Если, в зависимости от трудовой деятельности супругов и количества детей, необходима будет посторонняя человеческая помощь, то положение прислуги в домашнем обиходе выльется в совершенно иные формы. Служащие в доме, располагающие одинаковыми социальными правами и получившие такое же воспитание, как и члены семьи, будут занимать в ней такое же место, как и в настоящее время незамужняя сестра, тетка или бабушка. Они не только будут делить трапезу за общим столом с членами семьи, но и принимать активное участие в радостях, печали и работе семьи, являясь членами одного и

того же класса людей. Не будет такой работы, которая будет считаться более унижительной, грубой или недостойной сравнительно с другими работами. При бесплодном браке супруги будут усыновлять детей из многодетных семейств, а также сирот и т. д., но они могут, по взаимному соглашению, в вышеуказанных случаях, руководясь и социальными соображениями, оба прибегнуть к конкубинату, который можно в данном случае сравнить с бигамией. Однако, это будет совместно и вполне открыто обсуждаться, причем не сумевший победить свою ревность получит развод.

Мы не должны забывать, что историческое филогенетическое приспособление обоих полов друг другу в брачном союзе уготовило духовно-сексуальное дополнение «друга подругой и наоборот. Несмотря на все несоответствия и недоразумения, оно все же способствует половому единению и помогает приспособлению характеров.

При несчастливом же браке, если характеры оказались друг другу совершенно не соответствующими, то брак или половое общение могут быть расторгнуты, при условии, что отношения к потомству со стороны обоих родителей будут урегулированы со стороны закона. Обе стороны после этого получают полную свободу вступить в новый брак по своему усмотрению. И можно предсказать, что это будет случаться не чаще, чем в настоящее время, особенно же при наличии потомства, так как в последнем случае развод обыкновенно представляет собою большие неудобства.

Труд, в сочетании со стремлением к достижению социальных идеалов, будет представлять собою наиболее естественное отвлечение от полового влечения. Ос

новными факторами, обуславливающими односторонне это влечение в крупных центрах, являются ничегонеделание, стремление к роскоши и порча нравов, доводящие в результате до вырождения, что и наблюдается в современных беллетристических сочинениях у героев как одного, так и другого пола. Труд же обладает свойством действовать на любовь освежающе, давая мало досуга для супружеского несогласия.

Взамен высокомерного подымания на смех нашей утопии, можно было бы сделать попытку практически ее осуществить. Если характер данной личности отличается достаточной независимостью, то добрая доля указанной программы может быть осуществлена и в настоящее время.

Искусство долго любить. За 7-й год издания в № 30, страница 240, «ЗітрІсіББітиз'а», под заголовком «Хозяйка», мы видим две карикатуры на тему из семейной жизни. На одной из них нарисована женщина, в изодранном капоте, вооруженная веником, грязная и неприглядная; она в таком виде ласкает и целует своего супруга, который при этом обнаруживает не особенно много восторга, причем лицо его выражает отчаяние человека, принудительно проглатывающего отвратительную еду. Рядом стоящий ребенок ободран не менее матери. Под этим изображением красуется подпись: «Так она одета для своего мужа».

Второе изображение дает нам вид той же женщины, стоящей на пороге своей квартиры, расфранченной и принаряженной, с ненормально высоко стянутой грудью, в шикарной прическе, при наличии всех тех искусственных сооружений и способов, которые женщина считает долгом пустить в ход для усиления своего настояще

го или, только воображаемого очарования. Ребенок также принаряжен, елико возможно, а в дверях видна пришедшая в гости дама. Под рисунком написано: «А так для приема».

Сатира дает нам в этих двух изображениях весьма важный отдел психологии любви в ее проявлении в многогамном браке. Истинная любовь, как мы это уже констатировали, проявляется лишь после того, как рассеялся первый любовный угар. Мы говорили уже, что гармоническая любовь, в наиболее интенсивном ее проявлении, зиждется на отражениях искренних чувств, — но сюда входит, однако, и половое влечение, которое должно находиться в тесном общении с вышеупомянутыми чувствами за все время продолжения половой любви человека. После этого срока достаточно будет уже и одних чувств симпатии.

Есть немало людей, не могущих избежать одной, весьма крупной ошибки в браке: как только брак оформлен священником и гражданскою властью, едва защелкнулась за ними задвижка, они сразу приходят в состояние безразличия и целиком отдают себя во власть бессмысленных привычек, прихотей, склонностей, слабостей и инстинктов. Предъявляя возможно больше требований к противоположной стороне, другая сторона, в свою очередь, дает как можно меньше, рассуждая в таком смысле, что «теперь он мой, или она моя», и, сгало-быть, нечего теперь особенно стараться перед своим, а следует направить все свои старания на посторонних. Таким образом, едва улетучился угар половой любви, как жена потеряла для мужа свои притягательные стороны, и он расточает свои любезности другим, влюбляется в других, навязывая свои прихоти жене; последняя же, в свою очередь, бросает заботу о том, чтобы попрежнему нравиться

своему мужу, а все силы своего очарования приберегает для улицы, вечеров, приема гостей, выездов и пр.

Мы знаем, что человеку трудно отрешиться от своей природы на слишком продолжительный срок, так как ему в чрезвычайной степени свойственны те особенности, которые им унаследованы. Но все же существует определенное умение быть приятным в жизненном обиходе, и умение это является следствием привычки и воспитания, будучи необходимым даже для бедных супругов во взаимных их отношениях. «Воспитание» и «самовоспитание» должны продолжаться всю жизнь. Вышеприведенное пугало на столбцах «ЗітрІісіЗБітіз'а» было бы весьма полезно отпечатать в большом количестве экземпляров и преподносить его молодоженам перед вступлением их в совместную жизнь. Должно особенно ценить продолжающееся долгое время взаимное половое влечение, сочетавшееся с проявлением высшей любви и взаимного уважения, так как такие условия обеспечивают продолжительную совместную любовь супругов в браке, исполненную счастья. Необходимо поэтому принять все меры к тому, чтобы эта связь не ослаблялась и не прекратилась. Женщина, например, должна не опускаться и махнуть рукою на свою внешность, а принять все меры к тому, чтобы ее милое и грациозное умение, на почве природного кокетства и любви к мужу, проявилось бы наиболее интенсивно. Она сделает все от нее зависящее, чтобы не переставать возбуждать интерес и внимание мужа, в качестве наиболее симпатичного центра семейного существования, причем она не упустит из виду ни своего домашнего туалета, ни даже подробностей спальной обстановки и интимных сторон супружеской любви. И с каждым днем она будет к себе снова и снова привязывать. Отсюда, конечно, исключается всякого рода грубые прие

мы чувственного характера или извращенного кокетства. Их должны заменить тонкий такт и деликатность, в связи с природным инстинктом приличия, свойственные благородной женственности, и даже в большей степени, в среднем, чем мужской природе.

Муж, в свою очередь, берет на себя всеми зависящими от него средствами содействовать этому проявлению любовной и жизненной игры, не выходящей из пределов домашнего очага. Его рыцарские отношения к женщинам вообще должны быть не менее, если не более, интенсивными по отношению к его подруге жизни; его привычки, которые стеснили бы других, должны быть сдерживаемы им и в кругу родной семьи; пред лицом своей семьи он не должен показываться, как духовно, так и физически, в качестве зевающей и тоскливой особы, облаченной в халат и туфли, с удовольствием сваливающей на голову бедной жены все те неприятности, которые перенесены были вне дома при каких бы то ни было обстоятельствах, но которые там невозможно было обнаружить. Если жена не принимается за экономку или за детородную машину и существо «годное для постели», т. е. для чисто животных потребностей, то всегда можно будет это избежать. Но при таком взгляде он мог бы удовлетвориться любой продажной женщиною, что и наблюдается в большом числе случаев. Конечно, при таком низком взгляде на достоинство жены, не особенно редко встречающемся, нельзя говорить о счастье в данном супружестве, но все же не должно упускать из виду, что только высокий взгляд на жену, являющуюся подругою в жизни, недостаточен, если связь происходит лишь на почве чистой духовной симпатии.

Продолжительное и полное счастье в любви и браке создается на почве духовной любви, все время сопут

ствуемой половую любовью. Это нужно понимать в том смысле, что обязанности мужа сводятся не только к уважению жены, с которой он связан неразрывными брачными узами, и которая представляет для него сочетание домашних и женских добродетелей, но она должна оставаться для мужа все той же богиней, какой она являлась раннею весною взаимной любви в ореоле девичьей прелести. Необходимо, чтобы не прекратилось чисто физическое тяготение мужа к жене даже по истечении известного периода совместной супружеской жизни, и горячие объятия жены должны всегда служить для него источником счастья. Это вполне возможно и уместно при наличности чувств симпатии и благородной любви, положенных в основу брака и продолжающихся и после того, как миновала молодость. Тогда и наружность ее, как и весь ее духовный облик, будут казаться всегда просветленными, и она будет для него той богиней, какою являлась и на заре ях любви.

Разумеется, жена в этом смысле всячески идет навстречу, удовлетворяя все его требования, основанные на справедливости, законности и эстетике. Если же у нас не обнаружится желаний или умения это сделать, то муж, при его склонности к полигамии, может оставаться равнодушным к женщинам, которые ему понравятся, и не быть в состоянии устоять в тех случаях, когда он встретит сочувствие. Большую роль играют здесь привычка и фантазия. Мы должны посоветовать, особенно мужчине (хотя и у женщины это может иметь место) следующее. Если чувственная страсть влечет его к другой женщине, причем он не чувствует себя в силах бороться, ему рекомендуется призвать на помощь свою фантазию и мысленно представить себе свою жену обладающей всеми теми привлекательными чертами, которые его прельстили в

другой. Это большею частью и удается. Благодаря этому возрастает его половая страсть к жене, которая, в свою очередь, будет к нему относиться значительно теплее. И в результате может произойти, что тот самый всепожирающий огонь любви, который грозил испепелить их семейный очаг, послужит лишь для его укрепления. У Гете это в первой части его «Wahlverwandschaften» носит, правда, название духовного прелюбодеяния, но я склонен в этом видеть лишь духовную верность браку, подкрепленную чувственным элементом.

Если любовь носила характер искренности и взаимности, то подобного рода потрясения в любви действуют лишь в качестве большей скрепляющей силы. При таких условиях не только супружеское ложе вновь обретет заблудшую любовь, но исчезнут создавшиеся недоразумения, и в брачную жизнь вольется обновляющая струя любовного желания и более интимной привязанности. Супружеская жизнь, питаемая таким образом, может превратиться в вечную весну любовного чувства, причем все больше и пышнее будут распускаться новые ростки и исчезнут шипы под влиянием совместного дружного настроения счастливой жизни. В этих целях должна не прекращаться борьба со своими слабостями и отрицательными сторонами, на почве эстетической деятельности, причем должно быть обращено внимание на то, чтобы в браке никогда не ослабевал культ богини любви. Вполне понятно, что перемена возбуждает половой инстинкт, а привычка притупляет его. Необходимо принять меры, чтобы предупредить значительное притупление; в этом отношении рекомендуется, если не совершенное разъединение спальных комнат, то хотя бы изолирование кровати мужа от кровати жены.

Матриархат. Должно, в связи с семейными отношениями, иметь в виду одно, важное обстоятельство, о котором мы уже отчасти говорили в главе XIII (гражданские права детей). В зависимости от власти отца и вытекая из условий, патриархата, явилось обыкновение давать семье название по отцу. В этом, кроме ненормального элемента, кроются еще и нередко отрицательные результаты. В общем, родившееся существо наследовало, очевидно, столько же зародышей от своего отца, сколько и от матери, но в действительности ведь во многих других отношениях мать гораздо ближе ребенку, чем отец, и те племена, которые уступили первое место в семье женщине (не только в смысле наследования ее имени, но и во всем прочем), очевидно, более трезво отнеслись к голосу природы. Это и есть те народности, которые придерживаются матриархата. Права эти на ребенка приобретаются матерью предпочтительно перед отцом, хотя бы в силу одного только того обстоятельства, что она в продолжение долгих девяти месяцев вынашивает ребенка под своим сердцем; а вслед за его появлением на свет связана с ним значительно больше, чем отец. Детям, на основании этого соображения, должна была быть присвоена фамилия их матери. При этом общим правилом следовало бы установить принадлежность детей, при разводе супругов, только матери, за исключением каких-либо особых обстоятельств, которые побудили бы суд вынести в частном случае иное решение.

Наше современное культурное настоящее не дает права предположить возможность возвращения к матриархату в таком его проявлении, какое он имел в прежние времена. Точно так же как господство патриархата не могло бы быть не сопряжено с большими и частыми злоупотреблениями, благодаря единоличной власти пат

риарха над всеми его потомками, так и было бы нерационально такую же власть предоставить любой старой бабке или прабабушке. Матриархат мы понимаем здесь в том смысле, что, кроме предоставления фамилии матери потомству» в семье управление домом будет сосредоточено лишь в руках жены, представляющей собою на самом деле ядро семьи. От этого, можно надеяться, не увеличится число браков, в которых муж будет находиться под башмаком жены. В зависимости от своей мужской мощи, мужчина может не опасаться господства над собою. При обнаружившемся трении в семейных отношениях муж всегда сумеет в любой момент покинуть дом, и, в виду такого соображения, жена всегда будет считаться с необходимостью не отравлять совместного существования. С другой стороны, и муж будет помнить о необходимости сдерживающего начала, так как господство в доме не будет уже сосредоточено в его руках, причем на его попечении будет лежать участвовать продуктами своей трудовой деятельности в содержании семьи. Я резюмировал бы все необходимое в этом отношении в таких постулатах:

1. Имя потомству по женской линии.

2. Исключая те случаи, когда жена теряет свои права по неспособности, вследствие скверного обращения или умственного расстройства, или когда об отобрании у нее детей делают постановление судебные установления, — ей одной предоставляется право власти над потомством, и также опеки, пока оно в нем нуждается.

3. Жене принадлежит домашний очаг, и она им управляет. При этом ее управление хозяйством на равных правах противопоставляется профессиональной деятельности, в интересах заработка ее мужа.

4. Пока брак остается в силе, мужу предоставляется право располагать жилищем, уходом и услугами своей жены — в виде компенсации за все, что он вносит в семью, защищая ее, в случае надобности, сотрудничая в хозяйстве и возвращении потомства и внося нужные средства.

5. Кроме тех средств, которые идут на предметы хозяйства и воспитания, все остальные средства мужа и все его состояние находятся в единоличном его распоряжении, точно также, как и всякие средства его жены зависят лишь от ее усмотрения. Развод влечет за собою также и раздел имущества с предоставлением потомства в исключительное распоряжение матери, кроме вышеприведенных случаев. Пока отец обладает работоспособностью, он должен участвовать своей долей в прокормлении и воспитании потомства, от него родившегося и еще не совершеннолетнего.

Само собою разумеется, что последние от 2 до 5 пункты имеют обязательный характер лишь в том случае, когда не могло состояться любовного соглашения, так как при благоприятных обстоятельствах в браке каждой супружеской чете предоставляется по своему личному усмотрению устанавливать свои взаимоотношения. Женщина более слабая и не расположенная к ссорам будет следовать указаниям своего мужа, более сильного и обладающего большим опытом. Нельзя утверждать, конечно, что и развод будет носить такой мирный и незамысловатый характер, но он протечет лучше, во всяком случае, чем теперь. В деле разрешения неизбежных споров и недоразумений решающее слово будет предоставлено суду, и если функции его будут сосредоточены в руках не только мужчины, то и права женщины будут обеспечены. Немало, конечно, найдется случаев, когда тот или другой

супруг окажутся неспособными или недостойными воспитывать свое потомство, — но эти случаи представляют собою исключение.

Нельзя, конечно, рассчитывать на то, чтобы указанные нами пожелания скоро нашли себе осуществление при господствующем взгляде на вещи и *vis inertiae* большинства людей, и тем менее возможно рассчитывать на инициативу в этом смысле со стороны властвующих элементов. Но мы можем задаться вопросом относительно того, не доступно ли и в настоящее время, в зависимости от существующих законов, осуществить приведенные идеалы в браке и вне его? Мне пока представляются два пути.

Прежде всего, как на это указано было в главе XIII, представляется возможным устанавливать такие брачные договоры, в силу которых обязательным становится разделение имущества; в связи же с местными законами могут найти осуществление и другие из высказанных постулатов. Так, например, соответствующими пунктами контракта жена закрепила бы за собою право собственности на дом, заведывание им и проч.

Во-вторых, мы видим, что дети, родившиеся вне брака, носят уже в настоящее время фамилию своей матери, но ведь к этому и сводятся высказанные нами пожелания! Стало-быть, не прибегая к названию создавшегося положения конкубинатом, представляется возможным при посредстве частных договоров привести в исполнение высказанные нами соображения. Правда, на первых порах потребуется усилие воли, чтобы пойти против течения и всосавшейся в плоть и кровь общества рутины, особенно же, если с этим будет сопряжена потеря доброго имени. Нельзя рассчитывать и на особенно благо

желательное отношение на первых порах к таким союзам и со стороны законодательства. Но свободные супруги при некоторой настойчивости и прямолинейности добиваются, наконец, того, что прежде всего жену будут величать «Frau», а не «Fraulein». Если такие союзы начнут учащаться, то общество современем в силу необходимости будет с ними считаться, признавать их право и, не ставя их ниже всякого другого брака, относиться с уважением к ним и к рожденному в таком союзе потомству. Фамилии вступивших в такой союз могут вместе сочетаться. Таким образом, если фрейлен (фрау) Мюллер вступила в свободный союз с г. Мейером, то ее могут называть фрау Мюллер-Мейер, а его г-ном Мейер-Мюллером.

Преследую ли я цель в этом случае констатировать, что благодаря таким отношениям настанет рай на земле и будет достигнут идеал, несмотря на то, что наследственные свойства человека остались без изменения? Читатель, хочу надеяться, не сочтет меня таким наивным, если он все время только внимательно следил за развитием моих мыслей. Разумеется, будут проявляться и тогда низости, грубости, интриги, тупоумие, ненависть, зависть, ревность, лень, неуравновешенность, негигиеничность, сплетни, грязь, прихоти, безрассудство и т. д. Но вступление их не будет уже столь деспотическим, и они не будут находить уже себе извинения, а будут приниматься меры против таких дурных и патологических личностей, которых будут стараться устранить при посредстве целесообразного подбора, гигиены и воспитания.

Но, с другой стороны, будет предоставлена большая свобода для нормального развития честных, независимых и выдающихся людей. Им не придется уже исполнять обязанности пасынков у власти и капитала, предрассудков и деспотии. Не будет им вменено в обязанность, хотя

бы и лицемерно, исповедывать навязываемые религиозные и социальные догматы, а каждый будет действовать сообразно со своими убеждениями. Власть не может тогда уже попасть в руки лишенных совести аферистов. Условная ложь покинет тогда атмосферу брака и половых отношений. Патологическая форма чувств, больше с внешней стороны не подавляемых, будет обуславливаться лишь действительно патологическими задатками, так как внешнее воздействие, особенно же денег, будет, по возможности, устранено. Тогда исчезнет сама собою и проституция, как лишившаяся главной своей базы в лице денежных интересов. Вероятно, будут иметь место половые эксцессы, но и они будут сдерживаться, сколько возможно, трудовой деятельностью, которая станет отныне неизбежною.

Здесь считаю уместным привести без пропуска следующие заключительные слова Фридриха Альберта Ланге из его «Истории материализма» Leipzig, J. Baedeker, VII Auflage, 1902), написанной им в 1874 г. (III издание), за год до своей кончины:

"Наша критика завершается как раз в такой момент, когда вся Европа охвачена разрешением социального вопроса; в этом вопросе, как на обширной арене, очевидно, столкнулись в решительном сражении все революционные элементы знания, религии и политики. Будет ли это сражение лишь схваткой умов или же, словно землетрясение, разнесет по миру остатки минувшей эпохи и повлечет за собою миллионы жертв, но новой эпохе не суждено одержать окончательную победу, если она не станет под знамя бессмертной идеи, которая сведет на-нет эгоизм и в качестве новой цели выдвинет совершенство человека в человеческом сообществе — взамен неустан

ного труда, который своей основой имеет лишь личные интересы.

"Разумеется, можно было бы ожидать меньшей жестокости в предстоящей борьбе, если бы можно было рассчитывать на то, что руководящие элементы сумеют считаться с человеческим развитием и неизбежностью исторического процесса; можно надеяться, что в отдаленном будущем великие преобразования в среде человечества не будут сопровождаться огненными и кровавыми потоками. Конечно, мысль была бы достойно вознаграждена за свою кропотливую работу, если бы то, что должно неизбежно совершиться, могло бы приблизиться к нам без ужасных жертв, и сокровища культуры перешли бы в новую эпоху без роковых потрясений. Но на это надеяться трудно. Мы не будем закрывать глаз на то, что усиливаются сильные партийные страсти и возрастает борьба личных интересов, ускользая из области теоретического наблюдения. Но можно все-таки утешить себя тем, что наши стремления не пропадут бесплодно. Есть счастливые натуры, которые угадывают момент; *но мыслящий исследователь не вправе молчать никогда; хотя и знает, что его услышат только немногие*" (Подчеркнуто автором).

Нам понятен пессимизм Ланге тридцать лет тому назад. Но в настоящее время перед нами открываются новые горизонты, более отрадные и понуждающие к социальной работе. Но и в настоящее время остается в силе пророческое предсказание Ланге. *Или социализм будет этическим, или его вовсе не будет.*

И мы, в свою очередь, за истекшие 30 лет в этом убеждены.

Приведенные нами утопии мы не считаем, однако, новыми. Мы поставили себе лишь задачу, путем исследования всех предлагаемых решений, найти среди них то, которое, правильно разрешая половую проблему, всего ближе соответствует тем социальным условиям, в которых находится нынешний *homo sapiens*. Свойственные нам половые сношения почти всеми единодушно признаются отжившими, но никто не решается уйти от этих устаревших форм, столь далеких от идеала. Поскольку наши «утопические» идеи утопичны, мы предоставляем судить благосклонному читателю и читательнице. Пропустив наши мысли сквозь призму личных убеждений и склонностей, пусть он даст свое беспристрастно обдуманное суждение.

Выходом из создавшегося положения могут служить две альтернативы: или предавшись пессимизму и фатализму, привести нашу расу к совершенной гибели, или же путем своевременного напряжения сил и энергии ввести ее на путь новой, радостной и деятельной жизни. Избравшему последнее решение предстоит трудная борьба с алкоголем, капиталом и всеми другими предрассудками, которые, опутав нас в своих сетях, усыпляют нашу подозрительность и недоверчивость призрачными идеалами.

Другая обычная иллюзия состоит в переоценке наследственных индивидуальных ценностей внутри нашей расы, вызванная ослепительным блеском наших культурных успехов. Мы забываем при этом о двух главных положениях:

- 1) что наши знания и успехи зиждутся на трудах наших предков и, собранные в библиотеках, музеях в виде тысячи инструментов и других произведений культуры,

всегда готовы к нашим услугам. Далее, некоторые технические изобретения уже сами по себе (печать, железные дороги, телеграфы и т. д.) дают нам возможность каждый проблеск мысли, хотя бы и самый скромный, распространять повсюду с значительной быстротой, чего не могли делать наши предки. Этим объясняется, почему в прежние времена погибали многие гениальные идеи, почему в наши дни ограниченный человек может создать больше, чем великий мыслитель старых времен;

2) что наши вклады в переданные нам культурные сокровища представляют собою продукт относительно немногих дельных и трудолюбивых мозгов; в массе же народы состоят из необразованных, духовно инертных, ищущих лишь наслаждения варваров, которые, предоставленные своим собственным силам, не только не ведут культуру к прогрессу, а, напротив, способствуют ее окостенению и движению назад. Caveant consuls.

Конец